

НОК ВЕНДЖИНС

СТО ГЛУПЬХ ИДЕЙ

Что общего у успешного адвоката и его помощницы, кроме одинакового образования? Практически ничего. Он богат, она бедна. Он достаточно циничен, а она — наивна и мечтательна, он уже успел обесценить дружбу и любовь, она же отчаянно ищет свою вторую половинку, веря в высшие идеалы. Только всё складывается не совсем успешно, и везение явно обходит девушку стороной.

Как быть, если появляются беспощадные враги, а ты — под перекрестным огнем? Но вдруг поражение — это и есть победа?

Сто глупых идей
nick vengens

Глава 1

Значит, так: служу я в совершенно заурядной адвокатской конторе. Ну, не такой уж и заурядной, конечно. Дела тут идут хорошо, клиентов много, прибыль увеличивается с каждым днем. Но только не моя зарплата, у меня исключительно расходы: на проезд, на презентабельные шмотки, на обеды в кафе, на такси, если задерживаюсь до самого позднего вечера...

Зовут меня Палка. Нет, это, конечно же, не моё настоящее имя. И даже не сокращенное. Это обычное погонялово, которым меня окрестил мой наглый босс. И было бы не так обидно, если бы этот гад честно признался, смотря мне в глаза, мол, ты — тощая и плоская, как палка. Так ведь нет! Он каждый раз изворачивается, словно скользкий уж, и клянется, что это сокращенное от Полинка или от отчества Павловна. Вообще-то, меня Аполлинарией зовут. Хорошо, что он этого не знает и хорошо, что я вовремя имя поменяла, а то еще бы и не такую кличку мне дал.

Да пес с ним! Главное, что у меня теперь есть работа, теплое место и свободное время, чтобы резаться в карты с Оксанкой — она сидит со мной в одной комнате, в приемной. Нам приходится скрывать от босса то, как мы проводим время, свободное от его бесконечных поручений. Но самое обидное заключается в том, что это именно босс и подсадил нас на игру в карты! А теперь грозитя уволить, если...

«...я еще раз замечу, что вы вместо работы в карты дуетесь!» — вот, цитирую его.

Если бы он тогда не показал нам карточные фокусы (ей богу, достойные Дэвида Копперфильда!), мы бы никогда-никогда... Ну что уж теперь об этом.

Звонил он, кстати, сказал, что будет через полчаса. Приедут вместе с Потапычем, то бишь Мишкой (это его личный помощник и фактически зам), пообедают, возьмут документы, а потом опять в суд поедут в другой конец Москвы.

— Вот и отлично! — развалилась в кресле Оксана (или Кса, как ее босс окрестил), расставляя на столе еду, принесенную из супермаркета. — Они приедут, перекусят и снова свалят. Лепота! Обожаю эту работу.

Я отвела глаза, что не осталось незамеченным.

— Ну что ты облизываешься? — укоризненно посмотрела на меня подруга. — Я и на тебя плов взяла. Будешь? Тут у меня и булочка, и салатик капустный, и винегрет.

— Нет, спасибо, я на диете.

— Палка, кончай дурью маяться, — махнула на меня Оксана и, не спрашивая разрешения, навалила мне целую тарелку плова и винегрета. — Ешь, а то скоро в обморок станешь падать. У тебя кости уже торчат.

— Где ты кости увидела? Я толстуха.

— Дурнуха ты, а не толстуха! Ешь, тебе говорят, не то силой запихну!

У нас совсем небольшой офис — всего четыре комнаты (не считая санузла): большой зал для совещаний; приемная, где мы с Оксаной сидим; кабинет босса и его помощника и еще одна комната, где Инга хозяйничает. А, забыла Леху — водилу нашего. Он обычно в холле, на диванчике храпит или в телефоне тупит, и еще забыла Степана упомянуть... Стёпочку... Степашку... Эх... Он как раз вместе с Ингой... работает. Или не работает. Не совсем понятно, что они там делают и почему оттуда визгливый смех Инги частенько раздаётся, но это их кабинет, и я уже даже привыкла к разврату на работе.

Кхм... Да. Степан — это краса нашего офиса: круглогодично загоревший, кареглазый шатен с ослепительной улыбкой и темными, редкими веснушками, которые его не только не портят, но еще и приводят в восторг абсолютно всех женщин, которые его видят. Будто это не веснушки, а боевой раскрас индейца. Именно эти забавные штрихи под глазами еще сильнее привлекают внимание к шкодливым, чуть раскосым глазам смазливового двадцатипятилетнего парня. Так что он у нас «лицо фирмы». Ну, не считая самого босса — этот тоже симпатичный, но в отличие от Степана — клинически женатый. Не знаю, правда, на ком (так как я никогда не слышала, чтобы ему жена звонила), но раз все говорят, что женат, то так оно и есть. Да и выглядит таким: почти всегда серьезный, о чем-то постоянно думает.

Однажды я ляпнула в пылу ссоры с ним (за мной такое, как недавно выяснилось, водится), что с подобным характером, как у него, на женское внимание можно не рассчитывать. Он в долгу не остался, да... Я даже не смогу повторить эти заковыристые выражения, которыми меня приласкали, но одно я четко расслышала:

— Поздно, уже обратили. Я женат.

Да ну и пусть. Больно надо! Подумаешь, красавчик. Да таких пруд пруди! Вон, сейчас у каждого второго стрижечки модные: одна другой интересней. У каждого третьего — шмотки дорогие, аксессуары там всякие разные, парфюм, а каждый пятый в спортзале мышцы маниакально качает. Этот тоже не исключение: три раза в неделю вечером в спортзал гоняет. Ну и физиономия у него, конечно, не сильно замызганная, нетипичная для наших краев. Профиль там... брови тут... губы... глаз тоже ничего, видит без очков. Два глаза. Зелепущие такие, как у василиска — темные-претемные, словно листья Монстеры. Как зыркнет, так и превращаешься в статую прямо на глазах. Потом еле-еле отмираешь. Ближе к ночи. Или к утру. Это у кого как, а я почему-то и на следующий день окаменевшая хожу. Он наполовину аргентинец, а на другую половину — русский. Жаркий тип, если честно. Креолами, кажется, такие называются.

— Слышь, Кса, — жуя плов, решила любопытствовать я, — а чего это наш команданте кольцо не носит, раз он женатый?

— А у Эрнесто и спроси!

— Ты же знаешь, он со мной не разговаривает после того скандала, — уныло напомнила я, поковыряв вилкой в тарелке.

— На его месте я бы вообще тебя уволила, — хмыкнула Оксанка.

— Ага, ты мне это уже раз пять сообщила. Ну что я должна была поделывать? Я суд проигрывала, а Эрнесто опаздывал на заседание. Надо же было выкручиваться без него. Я вообще-то за общее дело радела, выручить босса хотела.

— Ну да, выручила называется!

Это Оксана о том, как я недавно заявила отвод судье по причине невыносимой вони.

— И патрону пришлось потом всё это разруливать, — покачала головой подруга. — Эта судья — жутко злопамятная баба. Вон, она уже второе дело нам из-за твоего сумасбродства запоролла: двух своих подружек-судей против нашей конторы настроила. Понятно, почему Эрнесто злится.

— Он мне сам страшным шепотом прошептал в телефон, чтобы я срочно отвод заявляла и время тянула, так как он в другом заседании застрял. Просто связь прервалась в тот момент, и я не расслышала по какой причине отвод заявлять. У него телефон не ловил минут

двадцать, вот мне и пришлось принимать самостоятельное решение.

— И ты приняла, — беззлобно рассмеялась Кса (она вообще отличная девчонка, мы с ней с первого взгляда друг дружке понравились). — Ты же понимаешь, что это был не просто отвод по каким-то стандартным основаниям, а прямое оскорбление. Тень пала на весь суд, а не только на конкретную судью.

— Но зато Эрнесто тяжелое судебное дело выиграл.

— Да, но потом два дела проиграл, и судьи не скрывали, что это была кровная месть за униженную подругу. Вон, ему теперь пришлось аж до Верховного суда эти дела тащить. Всё из-за тебя. К тому же, между нами, от нее действительно постоянно воняет. Ты наступила на большую мозоль в этом суде, и Эрнесто, естественно, в такой ситуации пришлось разворошить всё это осиное гнездо, уже защищая репутацию нашей конторы, мол, мы слов на ветер не бросаем. Думаешь, ему это просто так сойдет с рук? Все знают, что судья — алкоголичка и взяточница. Но она всегда делилась со своими, и поэтому ее никто не трогал, никто ей такого в лицо не заявлял. Кроме тебя, дурынды.

— Должна же быть справедливость.

— Расхлебывай теперь свою справедливость.

Я вздохнула, гадая, как моя неосторожность в скором времени отразится на зарплате.

— Думаешь, он мне реально премиальные снимет? Перед самым Новым Годом? И оставит меня на голодном пайке, на одном окладе?

— Даже не сомневаюсь. Я одно тебе скажу: работаю с ним уже больше пяти лет с момента открытия этого офиса, и он никогда так ни на кого не орал, как орал на тебя в тот вечер. А, учитывая, что делает он это теперь с периодичностью раз в день, то...

— Я уволюсь, — зашмыгала носом я, отодвигая тарелку, — поработала три с половиной месяца и хватит с меня. Что мне дороже: нервы или...

Не успела я закончить свои умозаключения, как дверь распахнулась, и в холл ввалились наши мужчины.

Они когда вместе с Лешкой на служебной машине ездят, то всегда такие веселые возвращаются... Небось, пропускают по бокальчику вина за обедом в каком-нибудь ресторанчике. Вот и сейчас явились все такие довольные, раздурманенные, ржут над чем-то... О, он меня увидел. И сразу же всё веселье схлынуло с его лица.

— Ну, что, разгильдяйки, — прищурил свой зеленый глаз наш командос, — опять пловом весь офис пропахнет? Никак, что ли, не можете дойти до кафе?

— Там холодно! Мороз трескучий, — надула губы Оксана. Это она умеет — губы надувать. Они у нее и без надувания дутые. Все мужики ведутся. И босс, кажется, тоже, особенно когда она такими сверкающими глазками стреляет.

— Проветрили бы... — отвернулся команданте.

«Ага! Не железный, значит, — сделала вывод я. — Может, и мне тоже попробовать? Всё-таки палка палкой, но я далеко не дурнушка, к тому же, второй размер груди — это не так уж и мало. Не минус же, в конце концов. Да, у меня нет надутых губ Оксаны и эффектных длинных волос нашей Инги, я с короткой, но пышной стрижкой; блондинка, синеглазая, с ангельским личиком, стройными ножками... и мне совсем не хочется без денег Новый Год справлять! Даже подарки не на что купить, да и за квартиру надо чем-то заплатить, не то еще окажусь на улице аккурат под бой курантов... Придется домой к родителям возвращаться и оправдываться, мол, не смогла, не сумела самостоятельную жизнь построить... жрать нечего, жить негде, пустите переночевать... Нет. Только не это!»

— Эрнест, — тихонечко обратилась я, — а можно мне... я тут... поговорить надо.

Он окатил меня насмешливым взглядом и указал головой в сторону «совещательной» комнаты. Я неуклюже поднялась с кресла, задела бедром свой стол и... весь плов, что стоял на краю...

— Отлично, — с убийственным взглядом прокомментировал Эрнесто, — теперь это по всему полу еще разлетелось. И даже под шкафы.

— Палка, ты — сама грация! — противно захихикала Инга, как раз явившаяся к обеду на работу. Она считает, что раз является второй основной помощницей босса, то ей можно спать, сколько душевненьке угодно. Ей босс погонялово так и не выделил. Только иногда ее Иргой зовет, но сразу извиняется, дескать, оговорился, и морду кирпичом делает. Она и впрямь длинная, как ирга, и такая же пакостная: стоит к ней поближе подойти, так она обязательно испачкает в чем-то...

«Стерва! — разозлилась я на иргу, и только это не дало сорваться слезам обиды. — А я ведь за тебя столько раз иски писала и в суд ездила! Больше ни за что не помогу. Никогда! Ни одного документа, ни одного закона не подскажу!»

— Да она уберет, я прослежу, ты не переживай, — покровительственно махнула на меня своими длинными ручищами ирга и, поправив прямые, жгуче черные волосы, томно изогнувшись, опершись руками на стол, дабы продемонстрировать мужчинам то, что виднелось в вырезе ее новой блузки от MaxMara. Там, конечно, не мой скромный второй был... Мужики, забыв о приличиях, бесстыдно зависли взглядами в соблазнительной ложбинке.

Мы с Оксаной понимающе переглянулись и спрятали улыбки: Инга давно к боссу подкатывает. Видимо, Степа не так много зарабатывает, чтобы ее по модным бутикам водить. Похоже, мозгами Инги давно завладел вирус шмоточничества, отчего она каждую пятницу совершает варварские рейды по всем магазинам. Не помню, чтобы я видела ее в одинаковых нарядах. Каждую неделю — новый костюм, новая блузка, юбка, туфли, сапожки... и всё от самых крутых брендов, о чем она, разумеется, нам с Оксаной непременно сообщает. А как наступила календарная зима (не важно, что было только пять градусов выше нуля), так Инга сразу поспешила нарядиться в шубу из песца. Конечно, это же не комильфо из «инфинити» в курточках-пуховиках вылезать. И уж совсем не комильфо иметь в шкафу только одну шубку. Поэтому у нее их три и все разные.

Сразу после шопинга наша Инга обычно отправляется в солярий, чтобы отдохнуть. Даже меня один раз с собой потащила. Как же я была удивлена, встретив там Степана. Он, как выяснилось, вовсе не на больничном был. Вряд ли Инга не знала этого, и мне даже показалось, будто она специально меня туда привела, дабы я воочию убедилась в их близких отношениях, едва державшихся в рамках приличия. Хотя, кто их знает: может, это они при мне сдерживались?

Да и пожалуйста, мне совершенно не завидно! Можно подумать, что я конкурировала. Пфф! Просто пару раз посмеялась со Степаном, один раз в кафе вместе с ним на обед сходила — и всё! Я же чисто по-дружески спросила: «А где у вас здесь можно пообедать поблизости?». И он сам побежал показывать мне все зланные места на Чистых Прудах. Но с тех пор Инга меня тихо ненавидит. Правда, мне кажется, что она меня ненавидит уже с самого первого моего дня, еще с собеседования. К слову, она же его и проводила. Я тогда еще на диете не сидела, вполне была такой... аппетитной, и что-то мне сразу не понравилась

улыбочка Инги, особенно когда она язвительно заявила:

— У вас слишком хорошие знания для того, чтобы устраиваться младшим помощником адвоката. К тому же у нашего адвоката уже имеются два основных помощника, так что сейчас свободная вакансия больше на секретаря, чем на...

Но тут в совещательную комнату вошел сам босс и, улыбнувшись, осведомился:

— О, это вы к нам на должность помощницы? Замечательно, только ангела нам и не хватало. Берем.

— Но... — ошеломленно уставилась на него Инга, — а как же собеседование?

— А разве она не смогла ответить на твои вопросы? — оторвав от меня взгляд, поинтересовался тогда босс.

— Смогла, но она в таком возрасте...

— В каком? — окинул меня оценивающим взглядом потенциальный работодатель. — Репродуктивном, ты имеешь в виду?

— Ну да. Она, кажется, замужем, а значит — скоро забеременеет и уйдет в декрет. Зачем такую брать?

— Но я не собираюсь в ближайшем будущем... — начала было я, но босс меня опередил, обратившись к Инге:

— Так что же мне, только одних старых дев держать прикажешь? Если они никому не интересны, то и мне не нужны. Я тоже хочу, чтобы мои глаза радовались, смотря на помощницу. Правда? — подмигнул мне этот тип, а Инга вся позеленела от злости. Интересно, он намеренно о ней так сказал или просто ляпнул случайно, не подумав?

Я в тот момент сильно напряглась. Даже не знала, как поступить в такой щекотливой ситуации. С одной стороны, отвечая на вопрос о семейном положении, я уже отметила в резюме, что состою в отношениях. Потом уточнила, что в гражданских, и официально пока никто ничего не регистрировал. Зачем я соврала — одному черту известно. Подумала, что девушка, которая уже состоит в серьезных отношениях, которая не сегодня-завтра — степенная жена, такая будет более солидно и презентабельно выглядеть в глазах работодателя. В общем, на тот момент у меня была настоящая каша в голове, замешанная на интернет-советах о том, как правильно отвечать на вопросы при устройстве на работу.

А на самом деле никого у меня не было. И я в ту пору прошла по девяносто пяти пунктам из своего списка под названием: «Сто глупых идей, как найти себе мужа». Оставалось всего пять, чтобы признать: я, в свои двадцать девять лет, полная неудачница!

Предыдущая работа, которой я отдала самые сладкие годы своей жизни — моя любимая нотариальная контора — накрылась медным тазом, когда нотариус быстренько завязала со своей деятельностью из-за каких-то махинаций, при этом буквально выгнав меня на улицу. Нотариусу-то хорошо, она получила взятку, купила себе недвижимость в Майами, а я? А мне она обычно шоколадку покупала за то, чтобы я молчала, так как прекрасно видела, какие дела та проворачивала. Другая бы девушка на моем месте начала шантажировать, но мне было и страшно, и неприятно это делать, отчего я молчала, как последняя... неудачница!

Тем не менее, на работу меня приняли, и это спустя год безрезультатных попыток устроиться хоть куда-нибудь. Я считаю, что мне крупно повезло, но с тех пор мне приходится врать почти каждый день.

Сначала я придумала имя своему воображаемому мужу, потом придумала ему офигенную работу, затем не менее офигенное хобби и даже имена его родителей. Всё это пришлось записывать, потому что при таком количестве мелочей и нюансов, моя память

превратилась в решето, в котором я пыталась принести воду.

Пару раз я взболтнула не то отчество, но вроде никто не заметил. Кроме командоса. Он прищурился и переспросил. Мы как раз сидели все вместе за столом в совещательной, уминали торт по случаю дня рождения Лешки — нашего водителя, и я самозабвенно сочиняла, как мы в выходные ездили к родителям моего гражданского мужа.

— Арсеньевич, вы говорите? — уточнил босс.

Меня бросило в жар, и я судорожно начала вспоминать свои записи и вскоре поправилась:

— Аркадьевич.

— Ага, — кивнул он, внимательно слушая мой рассказ. — Простите, мне послышалось. И что дальше было?..

В общем-то, лохонулась я даже дважды, назвав еще и разными именами собаку его родителей.

— Так вроде пять минут назад собаку звали Топик? — вздернул брови Эрнесто.

— Эээ... — растерялась я. — Это вторую Топиком зовут.

— Ах, у них не одна собака, — понимающе закивал босс.

— Ну да... не одна. Второго зовут... — запнулась я, натужно соображая.

— Жофик, небось, — предложил Лешка.

— Алексей! — приструнил его босс. — Мы же все за столом.

— А что такого? — запихивая в себя огромный кусок шоколадного торта, бухтел Леша. — Я бы так и назвал. Один Топик, другой Ж...

— Мы уже слышали, — остановил его Эрнесто. — Предлагаю дослушать интересный рассказ новой сотрудницы.

И я продолжила сочинять. В какой-то момент остановилась, потому что эти чарующие глаза напротив... откровенно смеялись надо мной, а в уголках губ притаилась еле сдерживаемая улыбка. Кажется, я пропала.

С тех пор я стараюсь не смотреть ему в глаза, а уж после инцидента с отводом судьи и подавно.

Хотя со мной такое впервые. Обычно я всегда людям в глаза смотрю и не понимаю тех, кто этого не делает. Меня это как-то сразу напрягает. Но ему в глаза смотреть не решаюсь. Может, он мне просто сильно нравится? Да какая теперь разница! Я для него — рабочая лошадка и только. На таких, как я, подобные холеные мужчины не обращают внимания. Особенно после комментария Инги о моей грациозности. И разбитую тарелку жалко. И вообще, всё так унижительно и позорно вышло. Пойду, напишу заявление об увольнении...

Глава 2

— Эрнестито мой, Эрнестито, ну когда же ты повзрослеешь?! — спорила со мной мама, когда позвонила утром и принялась за своё — «материнское»: ей нейдет меня женить. Мне даже кажется, ей уже глубоко наплевать на ком, главное, чтобы я просто женился, обзавелся детьми, а ее одарил долгожданными внуками. Это так типично, что типичней просто некуда.

При этом каждый раз у нас одно и то же: она радуется, если я сочиняю ей про какую-нибудь пассию, расспрашивает меня о ней, а после начинает придираться к моей воображаемой подруге:

«А ты уверен, что она до тебя не была десять раз замужем? Вдруг она не по любви с тобой, а из-за денег?»

«Она умеет готовить?»

«Она здорова?»

«Да не психически, Эрнесто, а физически! Это очень важно. Она же будущая мать твоих детей»

«Ну как «откуда ты знаешь»? Ты меня удивляешь, сын. Возьми и спроси у нее. Да, вот так прямо и спроси! А что тут такого? Вы взрослые люди, пытаетесь построить семью... Как вы в постель тогда ложитесь, если стесняетесь спросить о главном? Раздеться, значит, друг перед другом — это не стыдно, а убедиться в отсутствии кое-каких заболеваний — неловко. Где логика, дорогой?!»

«А насколько у нее чистая речь? Как она разговаривает, чем увлекается?»

«У нее приятный смех? У жены непременно должен быть приятный смех и отличное чувство юмора! Потому что без юмора невозможно прожить вместе и года, да и в постели невозможно без юмора. Эрнесто, ты меня слушаешь?»

«Скажи мне, она тебя на самом деле заводит или это так, покувыркались пару раз в постели и разбежались? Если ты думаешь о ком-то еще помимо нее, тогда лучше сразу ищи другую девушку»

«Как она одевается, какой стиль предпочитает?»

«Нет, мне определенно не нравятся девушки, которые не читают книг. Как, она совсем не читает?! Гони ее в шею! Жена обязана быть умной и мудрой. Вся мудрость в книгах... Пстой, мы не договорили, Эрнесто!.. Позвони мне вечером, иначе я изведусь от волнений, как у вас там с ней всё продвигается!»

Вот так каждый день. Так что опыт в выдумывании себе образов виртуальных подруг у меня довольно солидный. Еще бы! По маминым подсчетам к моим тридцати двум годам у меня был уже целый гарем отставных наложниц и всевозможных принцесс.

Я, конечно, отлично понимаю мамины опасения: девушки пошли страшно меркантильные, глупые, зацикленные на своей принцессанутости, в то время как от леди там нет и следа.

Где, спрашивается, где мне найти себе жену, которая не только бы отвечала всем моим запросам, но и маминым?! Это пока я не женился, мама такая вся из себя понимающая, а стоит мне это сделать, как она весь мозг мне съест, если моя женушка ей чем-то не понравится. Или — не дай Боже! — у них начнутся конфликты. Нет-нет, я совершенно не готов к этим женским скандалам, к этому перетягиванию каната — то бишь меня, и ко всем

этим истерикам и вопросам: «Кто для тебя важнее?» или ультимативному: «Или она или я!».

Мне хватило, когда я, еще учась в институте на втором курсе, привел домой подругу. Мы мирно зашли ко мне, в доме было тихо, время на часах — десять вечера. Все двери в комнаты закрыты, лишь кот, сонно зевая, вышел из кухни встретить поздних визитеров. Я был уверен, что мать спит, но нет, стоило нам с подругой прошмыгнуть ко мне в комнату, как дверь отворилась и показалось заинтересованное и улыбающееся лицо моей мамы:

— Добрый вечер, — смутила она мою подругу, едва успевшую отпрыгнуть от меня. — Вам чаю приготовить? Я ждала вас пораньше, а вы что-то задержались... до самого позднего вечера...

— Простите, — пролепетала моя девушка, покраснев.

— Мам, да мы пока из кино вышли, пока дошли... — принялся я защищать мою гостью.

— Да я всё понимаю, — продолжала вполне искренне (но как-то хищно) улыбаться мама, бегая оценивающим взглядом по моей подруге и ее короткой юбке, — я всё понимаю... Вечер-то какой чудесный, звездный... Грех не погулять и не поцеловаться под фонарями. Так вы на кухне чай попьете или вам сюда принести? А вам, кстати, девушка, домой родителям позвонить не нужно? Поздно же. Я бы волновалась на месте вашей мамы... Но я пойду, чай заварю...

— Не стоит, не стоит, я уже уйду, — устыдилась девушка, рванув в прихожую одеваться...

С тех пор я живу отдельно.

Но, как мне кажется, неусыпный материнский контроль даже усилился в последние годы. Особенно бесит ситуация, когда вечером я не могу взять трубку, а она звонит и звонит, звонит и звонит... Нет, она не присылает мне сообщение, а именно добивается голосового ответа! Ну, понятно же, что я не один коротаю свои вечера, и мне не до ответов на телефонные звонки, но нет, ей непременно нужно выяснить, где я и с кем.

Один раз я не брал трубку, решив просто проигнорировать пропущенные вызовы (а их было уже порядка пятидесяти за какой-то час!), и поплатился за это: спустя сорок пять минут послышался звонок, но уже в дверь. И этот звонок было уже невозможно не заметить.

«Я просто волновалась... Ты не отвечаешь на звонки, я уже не знаю, что думать...» — ее вечная отмазка.

Потом был грандиозный скандалище. Она признала свою вину, попросила у меня прощения и поклялась, что больше так ни за что не станет делать. Она будет сидеть, и страдать молча. Ведь ей больше ничего не остается, как грустить дома одной, брошенной всеми, и ждать, когда сын (точная копия отца — этого неугомонного искателя приключений) вспомнит о ней и позвонит, дабы узнать о ее здоровье...

Когда папа дома, дело обстоит значительно лучше. Но проблема в том, что Эрнесто Вивьеро-старший дома почти не бывает, он не задерживается в семейном гнездышке больше чем на две недели. Всё его время, все мысли и мечты занимает его второе детище — любимый исследовательский центр. Собственно, центром его сложно назвать. Это всего лишь шайка ученых по предварительному сговору — в большинстве своем пенсионного или предпенсионного возраста — разъезжающих по миру в поисках доказательств палеоконтактов. Мой папа — некогда известный на весь мир психолог, впоследствии повернувшийся на регрессивном гипнозе и инопланетянах. Мама давно плюнула на его шизоидное увлечение. Как говорится, чем бы дитя не тешилось... Но летать с этим дитятей

мама не желает. Ей гораздо комфортнее здесь, в Москве, со мной и моими выдуманскими пассиями.

Я же учился и одновременно работал, но как только окончил университет, мама напрягла все свои связи (а у бывшей известной киноактрисы они весьма впечатляющие!), и меня устроили в самую крутую адвокатскую контору в столице. Уже спустя каких-то пять лет мне удалось открыть своё собственное дело, перетащив к себе половину клиентов с прежнего места работы.

Десять лет назад отец купил огромный дом с садом, в надежде загладить свою вину перед супругой за длительное отсутствие. Но мамино увлечение садом быстро угасло. Всевозможными посадками и дизайном вскоре стали заниматься садовники, а мама не нашла ничего лучше, как вновь обратить всё своё пристальное внимание на единственного сына. Я рос обласканным ребенком, ни в чем никогда не нуждавшимся, не имевшим ярко выраженных подростковых проблем, любовных разочарований, рыданий и всевозможных зависимостей. Меня на самом деле увлекал процесс обучения, а затем и работы — я прямо-таки фанател от своей профессии! Пока я набирался опыта, пока обрастал панцирем, все привлекательные стороны молодости как-то отошли на второй, если не на десятый план. Там же оказались и все так называемые закадычные институтские друзья. Когда ты молод, то часто за дружбу принимаешь общение по интересам, а когда становишься взрослее — выгоду называешь дружбой.

Странное дело, потому что дружба — это ведь духовное наслаждение от согласия желаний наших сердец, и если это так, то это чувствуется. Поддавшись подобному наслаждению, душа человека должна возвышаться. И все мы такие возвышенные ходим, такие одухотворенные!.. Что аж тошно.

Все кричат о бескорыстной дружбе, но где она, черт побери, я хочу на нее хотя бы посмотреть! Сначала мы дружим, потому что нас связывает соседство или кровные узы, затем общность интересов, занятий, выгода и различные нужды, а после «друзья» наваливаются всей своей тяжестью... или ты сам наваливаешься на них...

А что нужно мне? А мне нужно тепло, в котором отсутствует резкость ранящих слов, и радость, исходящая из сердец, а не из умозаключений; мне нужно общение, окутанное безупречной чистотой помыслов. Чтобы хотелось этому человеку отдавать больше, чем получать взамен. Но вместо всего этого я вижу докучливых, корыстных и глупых людей, всеми силами стремящихся прикрыть свои пороки и расчеты благими намерениями. И получается, что я должен любить одного человека за одно, другого — за другое, третьего — за еще какое-нибудь качество, в то время как настоящую дружбу невозможно разделить и сказать, за что же конкретно ты любишь своего друга. Редко, кто может сказать: «Люблю тебя за то, что ты есть ты; за то, что ты существуешь и решил идти по этой жизни рядом со мной, плечом к плечу и сердцем к сердцу».

Помнится, что именно такие мысли и одолевали меня на границе миров между сном и явью, перед тем как я два года назад открыл глаза и сказал себе:

— Ну-с, с днем рождения, Эрнестито. Тебе сегодня тридцатник. Поздравляю! Дела идут в гору, у тебя шикарная работенка, пентхаус в центре Москвы и просторный особняк в ближайшем Подмосковье, крутые тачки, коммерческая недвижимость в Чехии; собственный, а не арендованный офис в столице и круглая сумма на различных банковских счетах.

Прекрасно! Но где же та, что поздравит тебя с днем рождения, прильнув теплым поцелуем в самый важный день в году?

Очень хотелось пострадать.

Актерское мастерство у меня явно от матушки. В голове зазвучала песня Procol Harum "A Whiter Shade Of Pale" в исполнении Джо Коккера, и я театрально протянул руку, погладив пустую половину своей шикарной кровати; провел пальцами по шелковому постельному белью цвета слоновой кости, сжал тонкую простынь в кулаке...

Даже представил, как я офигенно выгляжу со стороны: весь такой красивый молодой мужчина в самом соку, одиноко лежащий в постели и переводящий отчаявшийся взгляд с пустой подушки на потолок. Вот я медленно отворачиваюсь от этой пустующей подушки, будто на ней оставлен чей-то такой дорогой отпечаток, что сам взгляд на нее вызывает физическую боль... Вот мои тоскливые глаза скользят по потолку, по шелку обоев и останавливаются на трех огромных окнах, задрапированных многослойными темно-фиолетовыми вуалями... Черт! Я даже почти досконально представил себе девушку моей мечты — блондинку, нежную и ранимую, в чем-то необыкновенную, умную, честную, понимающую и даже немного забавную, которая меня бросила по причине... Но я не успел придумать подходящую душераздирающую причину расставания, как начал трезвонить телефон. Мои поклонницы в реале били рекорды по красноречию.

Вскоре явилась Нина — женщина, следящая за домом и фактически живущая у меня, дабы я мог приехать вечером, открыть холодильник и не впасть в депрессию от вида повесившейся там худосочной мыши.

— Эрнесто! — заголосила с порога Нина. — Я вам кое-что принесла в честь вашего дня рождения! Вы же уже проснулись?

«Еще бы. Ты так орешь... Даже пострадать и помечтать не дала» — подумал я и спустил ноги с кровати. Мои пальцы утонули в длинных бежевых ворсинках ковра, а в голове продолжала играть всё та же песня, ненавязчиво подсказывая:

Ее лицо, сначала призрачное, стало белее белого...

Мы танцевали...

Комната гудела и потолок уплывал...

«Не буду делать сегодня зарядку, — решил полентяйничать я, — и на работу сегодня точно не пойду...».

Нину я знал уже давно, лет десять, она еще у наших соседей няней подрабатывала. Приличная такая женщина шестидесяти пяти лет, обвешанная внуками, как гирляндами.

Вышел я в столовую весь помятый и небритый, в спортивных брюках и в растянутой домашней футболке, за что словил недовольный взгляд домработницы.

— Ай-яй-яй, Эрнесто, — покачала головой женщина, — у вас день рождения, а такой неопрятный вид. Праздник начинается всегда в душе, в сердце, потом переходит на внешний вид, отражаясь в глазах, как зеркале. А вы видели себя в зеркале?

Тут я заметил связку шаров, болтающихся под потолком. На каждом шарике красовались нарисованные глупые рожицы — это явно творение рук ее младшего внука — отличного паренька пяти лет, часто приходившего вместе со своей бабушкой.

— Спасибо, я тронут, — расплылся в улыбке я.

— Это еще не всё! — полезла в сумочку она.

Вскоре ко мне в руки лег конверт, украшенный кучей наклеек с машинками.

— Это Егор постарался? — уточнил я.

— Нет, внук только конверт украсил, а то, что внутри — это моё творчество.

Заинтригованный я полез внутрь загадочного конверта и вытащил оттуда дивный папирус, на котором чернилами был выведен список под названием:

«Сто идей, где и как встретить девушку своей мечты»

Не удержавшись, я разразился гомерическим хохотом.

— Ничего смешного, — покраснела дама. — Тридцать лет — это самое оно, чтобы призадуматься о таких вещах. Мой вам совет, чем раньше обзаведетесь детьми и семьей — тем легче будет.

— А как же «нагуляться», «заматереть» и всё в таком роде? — иронично поинтересовался я, усаживаясь за стол, где меня ждал праздничный завтрак, сервированный не хуже чем для лорда Бекингема.

— Это всё глупости, — отмахнулась добрая фея. — Я знаю, что вы думаете о моем увлечении всеми этими славянофилами и древними обычаями, но скажу вам без обиняков: всё, чему учит современное общество; всё, чем дорожит молодежь, увы, пагубно как для здоровья психического, так и для физического. Поверьте моему опыту: чем раньше вы станете отцом, тем легче всё это будет вынести и, соответственно, можно гораздо больше отдать своему чаду. И я сейчас не о денежном вкладе в воспитание ребенка. Вопреки мнениям разномастных специалистов, утверждающих, дескать, нет ничего хуже молодого папы, я могу вас заверить и как педагог с огромным стажем, и как мать четверых детей, и как бабушка восьми внуков: нет ничего лучше молодого, красивого, задорного, полного сил и энергии отца!

— Ага, — закивал я, отпив сок, — а то и видно: развод на разводе и разводом погоняет, и причина у всех одинаковая: ошибка молодости. А потом алименты, суды, дележка детей и имущества, скандалы и ссоры, побои, уголовка, психологические травмы у детей и подростков... Не надо, не рассказывайте мне свои сказки. Я всё это ежедневно вижу собственными глазами.

— Батюшки! Так ведь никто и не говорит, что это легко — детей растить, — принялась за составление списка покупок Нина. — Я когда институт заканчивала, то уже с первым нянчилась. А потом, когда аспирантуру, уже трое было на руках. Но муж мой — ровесник, кстати, — помогал во всем и налево не бегал. И к тридцати годам у нас уже были наши четверо детей, а уж дальше и можно было карьеру строить. Всё от мозгов зависит, от воспитания, от внутреннего стресса человека. Зачем равняться на грязь и всю статистику под нее подгонять? Если парень разгильдяй, так он таким и в пятьдесят лет останется. Если человек глупый изначально — ума после двадцати лет уж точно не наберется. Доказанный факт. Все указывают на опыт, который приходит с годами, но опыт и ум — вещи разные, одно другое не подменяет ни в коей мере. Да и это вы сейчас такой здоровый, молодой и красивый, а когда пару лет не поспите ночами, горшки повыносите, по врачам с детьми побегаετε, то уверяю вас, здоровье сразу пошатнется, и красота померкнет, и энергии поубавится. Чем позже все эти свистопляски начинаются, тем хуже: сложнее восстанавливаться, приходиться в норму, когда ребенок взрослеет. И если это будет уже после тридцати пяти, к примеру, то на второго ребенка вы уже с большим трудом решитесь, что уж говорить о третьем или четвертом ребенке! Просто физически устанете, понимаете? Нет столько сил в сорок лет, сколько их было в двадцать. Знаете, почему называется «семья»?

Потому что «семь и я», то есть «меня семь»: муж, жена и пятеро детей — именно столько считается необходимым минимумом для продолжения рода. Это магическое число. А полным кругом, то есть полноценной семьей, всегда считалось...

Я поднял на нее многозначительный взгляд. Нина замолчала на полуслове и махнула на меня рукой:

— Эрнесто, можно ждать, сколько угодно, когда наступит более подходящее время. Но завтра — оно и есть завтра, что его всё ждешь, ждешь, а оно никогда не наступает. Кроме того, с течением времени приходит опасение, будто привычная и такая размеренная жизнь полетит в Тартарары, если вдруг сейчас, в этой самой столовой, станут бегать ваши дети, а вместо меня на этом стуле окажется ваша жена, которая и должна составлять список необходимых покупок. Так ведь, Эрнесто? Страхи... страхи... Они сковывают и незаметно становятся панцирем. Но, к сожалению, панцирем, не защищающим от боли и внешнего мира, а скорее ограничивающим в познании.

Я безмолвствовал, жуя салат с восхитительными сырными гренками и думая над ее словами.

— Знаете, Эрнесто, я спокойно построила свою карьеру после того, как нарожала детей, — продолжила рассказ Нина, — работала и обычным школьным учителем, и в колледже преподавала, и в университете, и даже директором лицея успела побывать. Мне хватило времени. Но всё изменилось, когда Катенька родила мне первого внука. Я спокойно сложила с себя все полномочия, завершила всю свою карьеру и сделала то, что и должна сделать любая любящая мать и истинная женщина: принялась передавать своё знание, силу и энергию собственной дочери, дабы дать и ей возможность родить столько детей, сколько она захочет и сможет. Это и есть связь поколений, настоящая поддержка. А когда все работают и гоняются за достатком, когда только одна карьера на уме, когда все отдельно живут и сами по себе, со своими отдельными банковскими счетами, в своих конурах-квартирках, то тут уж ни о какой связи поколений и речи быть не может.

— И почему все думают, будто без детей невозможно приобрести уникальный жизненный опыт, духовный рост и так далее по списку воспеваемых добродетелей? — принялся за кофе я.

— Потому что, как говорит мой умный муж, в таком возрасте, как ваш, у вас уже должны быть либо дети — семеро по лавкам, либо духовный ученик. Если нет ни того, ни другого, то вы, простите бога ради, неудачно распорядились не только своим временем жизни, но и семенем. А другими словами, просто профукали жизнь на всевозможные глупости.

— Ну да, из меня еще тот гуру... — хмыкнул я, поднимаясь из-за стола. — Спасибо, всё, как обычно, бесподобно и вкусно. Я подумаю над вашими словами. В них есть зерно правды, хоть и не со всем я могу согласиться.

— Подумайте, — добродушно улыбнулась мне Нина. — Тридцать лет — это последний срок, последний рубеж. Дальше всё пойдет по убывающей, покатится с горы: сначала медленно и незаметно, а затем понесется так, что вы не успеете опомниться, как однажды утром проснетесь, а у вас всё болит, и вы спросите себя «С чего бы это?», и тогда придет ответ: «А чего ты хочешь, тебе уже шестьдесят». Проблема в том, что душа не стареет, а тело очень быстро изнашивается и за этот срок нужно успеть выполнить определенную программу своего вида — размножиться.

— Я всё-таки считаю, что человек — это существо многофункциональное, которое глупо ограничивать одной лишь функцией — размножением вида. Но благодарю за совет.

Забрав папирус, я вернулся наверх, в спальню, и, бросив список на прикроватную тумбочку, пошел в гардеробную. Не прошло и пяти минут, как я вернулся в спальню, схватил папирус и ткнул наугад пальцем в строчки.

«№ 5. Кафе. Будни, время ланча» — мой палец поехал ниже:

«№ 16. Зоомагазин. Выходной день, ближе к вечеру».

«№ 35. Студия манги. Три раза в неделю, вечерняя группа для взрослых».

— Фигня какая-то! — отшвырнул список я и задался более серьезным вопросом, как именно я хочу провести день своего рождения. В голову ничего не лезло, а на работу ни в коем случае нельзя было идти. Там Инга. Она наверняка опять попытается поймать меня в свои пленительные сети, устроив очередную развратную корпоративку в каком-нибудь клубе, как и в прошлый раз. Не то, чтобы я был против секса, совмещенного с работой, но дело было именно в красавице Инге: в ней чувствовалась какая-то подстава. Такую девушку лучше обходить стороной, и раз уже так вышло, что взял ее на работу, то лучше придерживаться определенных рамок и не переходить границу дозволенного.

С тех пор как я принял на работу Ингу, мой офис превратился в балаган. То Инга заказывает какие-то товары и косметику на работу, то примеряет шмотки, полностью раздеваясь в своем кабинете и забывая при этом закрывать дверь, то кофе пьет чашку за чашкой, томительно вздыхая на всю приемную или громко рассказывая о том, как ей в турецком отеле массаж двое парней делали... Нет, она, конечно, неплохой специалист, но, честно признаться, слабовата. Я бы такую сотрудницу никогда не взял на должность помощницы, если бы не Петрович — ее отец.

Петрович — будь он неладен! — решил трудоустроить свою дочку именно ко мне. С того самого юбилея, на который меня нелегкая принесла. Отказаться от посещения шумного мероприятия я тогда не мог себе позволить, ведь Петрович — не только мой старинный клиент — владелец крупной компании по производству и продаже медицинского оборудования, но теперь еще и деловой партнер. Да я и знать не знал, конечно, чем та вечеринка может обернуться!

Хитрый, скользкий и опасный мужик, этот Петрович, и дочка вся в папочку пошла. Вцепилась в меня, словно клешнями, весь тот юбилейный вечер от себя не отпускала. Пришлось сказать, что я женат, но и это ее не особенно останавливало.

— Я же не прошу, чтобы ты бросал свою жену и женился на мне, — кокетливо заигрывала она, а я гадал, сколько ей лет.

На вид не больше тридцати, вся крашенная-перекрашенная, куренная-перекуренная, но, несомненно, ухоженная, замазанная всем, чем только можно и где только можно. Сожженная загаром кожа не добавляла молодости, а напротив, делала ее похожей на чумазую дешевую проститутку, хотя шмотки, которые предпочитала Инга, и сервис, к которому она привыкла, были однозначно высшего разряда. Речь девушки и ее очевидное узколюбие в суждениях говорили скорее о юном возрасте собеседницы, и всё это вызывало настолько сильный когнитивный диссонанс, что я пошел на риск:

— Тебе сколько лет? Только не надо всех этих отмазок, типа неприлично подобные вопросы девушкам задавать.

— Двадцать три, — нисколько не смутилась она. — Я только в этом году диплом защитила. Папаня мне по этому случаю салон красоты подарил. Так что я теперь владелица. Но что мне салон, когда нужно хоть немного поработать по специальности...

— Это похвально.

— Ты считаешь?

— Да. Вызывает уважение, когда и о детях можно что-то сказать, а не только об их богатых родителях.

— Хм... — скривилась Инга и поиграла шампанским в бокале. — Поедем к тебе или ко мне в комнату поднимемся? Я совсем не обременительная. Жена не узнает.

— Прости, но я блюду верность, — едва сдерживался я, чтобы не нагрубить.

Мы вышли на балкон. Летний вечер выдался на славу: теплый, пряный, почти южный с незабываемым запахом легкомыслия. Внизу играл приглашенный оркестр, люди разбрелись по большому парку, а мы остались в особняке. Мне уже тогда почему-то казалось, что лучше не уединяться с этой девушкой в саду, но скоро выяснилось, что ее вовсе не смущало присутствие остальных гостей, которые периодически проходили мимо балконной двери и бросали на нас любопытные взгляды.

— Я дважды не повторяю, — многообещающе прижалась ко мне Инга, — но для тебя сделаю исключение.

— Я тоже. Маленькая ты еще, Инга. И глупая. Убери руки. К тому же спать с дочками своих деловых партнеров — это дурной тон и несерьезный подход к делу.

— Разве? А как же взаимовыгодные брачные союзы? — прикинулась глухой Инга, так и не убрав руки.

— Так вот зачем ты хочешь, чтобы я к тебе в комнату поднялся? — рассмеялся я.

— Нет... — ступевалась девушка, наконец-то отодвинувшись. — Я просто хотела... без всякого там бизнес-интереса.

— Пойдем лучше потанцуем. Смотри, какая ночь красивая, музыка шикарная, живая. Не дуйся. Пойдем.

Если бы я знал, к чему приведет тот мой необдуманый отказ, то... нет, вряд ли даже в такой ситуации я бы переспал с ней. Скорее всего, просто сказал бы, что страдаю импотенцией или вообще — заядлый гей. Хотя, уже зная ее, могу с уверенностью сказать: она бы не поверила и предложила бы полечиться (с ее помощью, разумеется) или пересмотреть предпочтения.

На следующий день мне позвонил Петрович и чуть ли не в приказном порядке потребовал взять на работу его дочку.

«Дьявол! — подумал тогда я. — Какая засада!»

Мой второй бизнес по раскрутке санатория в Чехии напрямую зависел от поставок туда уникального японского медоборудования, и с Петровичем всё было уже обговорено и даже за полцены, как надо же было такому случиться!.. Прекрасно понимая, что в случае отказа мне не избежать крупных проблем в бизнесе, пришлось выполнить просьбу. А заодно и придумать себе более конкретную «жену».

Никто не знает, кто эта женщина. Я всем говорю, что она с Кубы, а в Москву летать не любит. Зовут ее Мария (ничего более экстравагантного в тот момент я не успел придумать и ляпнул самое универсальное и распространенное имя), ей двадцать шесть, она сногсшибательно красива и вся в искусстве, так как по образованию искусствовед, пишет диссертацию и периодически проживает то в Лондоне, то в Милане, а со мной встречается

всего несколько раз в месяц, отчего я сильно тоскую по благоверной.

Самое сложное было успокоить маму, когда данная сплетня о моей женитьбе докатилась и до ее ушей, но она быстро поняла, в чем дело, и даже поддержала мою игру. Инга ей самой не нравится, а уж Петрович и подавно.

Игра игрой, но помощница-то мне действительно была нужна. В штате работников у меня только Потапыч головастый. Наш же всеобщий красавчик Степашка вообще не считается за специалиста — у него в голове опилки, так как он из той же серии, что и Инга — очередной мажор, сыночек выгодных клиентов. Соплей много, а толку мало. Мои налоги и зарплата, которую я выплачиваю этим двум бездарям, с лихвой компенсируются подачками их родителей: связями, благотворительными взносами в мой капитал, урегулированием многих второстепенных вопросов...

Но стоило мне дать своему секретарю Оксане задание по поиску помощницы, как Инга совсем сошла с ума. Тут же на правах главного специалиста перехватила инициативу в свои руки, и процесс поиска кандидатки затянулся аж на два года! Инга всех претенденток отфутболивала и даже забанила мое предложение организовать отдел кадров. Она находила разные предлоги, унижала кандидаток прямо на собеседованиях, доходило до смешного, конечно. И я бы посмеялся, если бы не тащил на себе весь объем работы.

В итоге, спустя два года, я вызвал Ингу на серьезный разговор, строго наказав ей раздобыть мне сотрудицу в течение недели, и предоставил уже одобренный мною список кандидаток, втихаря подготовленный Оксаной.

— И только попробуй сказать, что опять никто из них не подошел! — сделав страшное лицо, пригрозил я. — Не то я, несмотря на просьбы твоего отца «не слишком нагружать тебя работой», стану посылать тебя во все суды, и если ты заперешь мне рассматриваемые дела, то без зазрения совести уволю тебя.

— А почему только девушки? — поджав губы, процедила Инга, придирчиво изучая список фамилий. — У тебя предвзятое отношение к мужскому полу? Дискриминация, однако, мой дорогой патрон, дискриминация по половому признаку! У меня вот в моем салоне красоты и мужчины работают.

— Плевать мне, кто там у тебя работает, хоть гномы! И нет, это не дискриминация. Просто если я возьму к нам еще одного мужика, ты тут же превратишь его из потенциального работника в потенциального любовника.

— Да ты что?! — оскорбилась Инга. — Я вообще такими вещами не занимаюсь!

— Инга, прошу тебя, давай без театра! Просто выбери мне девушку, которая будет не просто обладательницей красного диплома МГУ или МГИМО, но еще и на самом деле не тупица. Пусть она окажется способной, ответственной, решительной, самостоятельной, пусть даже амбициозной гордячкой. Главное, чтобы не с потенциалом секретарши, которая способна только на перепечатку документов, да и то с кучей ошибок, — недвусмысленно припечатал я.

— Хорошо, я найду тебе такую, — сквозь зубы пообещала Инга, без труда поняв, на кого я намекнул, и стремительно покинула мой кабинет.

«Надо будет проконтролировать», — подумал я и на какое-то время забыл об этой проблеме, переключившись на насущные дела, но не далее как три месяца назад тема всплыла сама собой, когда в офис пришла очередная кандидатка на должность моей помощницы...

Инга намеренно не ушла к себе, а томно поплелась к кофемашине, чтобы сделать себе капучино. Взяв чашку с кофе, она уселась в приемной на диванчике и теперь с гаденькой улыбочкой следила за моими страданиями и стараниями. Мыть пол под чьим бы то ни было наблюдением — попытка несусветная! Я впервые задумалась над тем, почему все уборщицы такие злые и неискренние. Это же какой-то кошмар, когда ты пыхтишь, потеешь, а порой и кверху задом ползаешь, и тебя в этот момент не только рассматривают, но еще и оценивают, нередко насмехаясь и внутренне торжествуя. Всё-таки социальное неравенство, вся эта помойка обещаний социализма, коммунизма и капитализма — всё это единая чудовищная машина по растлению человеческих душ. Пока люди не начнут делать всё сами, своими руками, прикладывая собственные силы и энергию, они никогда не улучшат свой вид и не избавятся от бесконечного грехопадения.

— Палка, а ты не хочешь подработать полемойкой? — вдруг рассмеялась Инга, когда я полезла под книжный шкаф. — Я могу поговорить с Эрнесто, пусть он тебя возьмет к нам на полставки. Зачем мы тратимся на все эти клининговые компании? Ты у нас одна справишься, как мне кажется. У тебя хорошо получается. Прямо призвание. Юриспруденция — явно не твоё.

— Иди ты! — отозвалась я.

— А что? Подработаешь немного копеечек к Новому Году. Хочешь, я поговорю с Эрнесто, замолвлю за тебя словечко? Я сегодня добрая. Ой, вон там еще, вон там не помыла! Да нагибайся ты лучше! Хотя палки — они такие палки... совсем негибкие. Тебе бы на гимнастику, что ли, походить... Мужики, знаешь, гибких любят.

— Заткнись уже! — взбесилась я, вынырнув из-под шкафа. — Не то я не посмотрю, что ты такая вся из себя салонная дива, и как вымажу всю рожу этой тряпкой! Поняла?

Инга с Оксаной недоуменно застыли с чашками кофе, уставившись на меня круглыми глазами, очевидно не ожидая подобного. Даже Потапыч со Степаном выглянули из совещательной.

— Ой, кажется, я на большую мозоль наступила, — растянула свои тонкие, густоподобные губы Инга. — Мужика-то, видать, даже на горизонте не видно. Да, старуха... тут одной гимнастикой явно не обойдешься.

— Зато у тебя их полно! Ты, наверное, в горизонтальном положении большую часть времени проводишь, да? Всё не можешь определить, под кого же выгоднее подстелиться? Или «Фигаро тут, Фигаро там»?

— Радость моя, — мстительно прищурилась Инга, — не советую тебе со мной ссориться, а то быстро отсюда вылетишь. И не только отсюда. Я найду способ, как укоротить твой мерзкий язык и тогда, поверь, тебя даже полотеркой не возьмут.

И с этими словами она засемила своими балетками в кабинет босса.

«Ну вот... — с упавшим сердцем, подумала я, — увольнение накануне праздника... Что может быть лучше? Неделя до Нового Года...».

Не успела я помыть руки, как в дверь туалетной комнаты постучала Оксана.

— Слышь, Палка, там тебя команданте ждет в своем кабинете.

Я распахнула дверь и встретилась со встревоженным взглядом подруги.

— Ну-ну... — погладила она меня по плечу. — Не переживай ты так. Вон, смотри, вся

поблелдела... Не надо. Это всего лишь работа. Тебе накапать чего-нибудь успокоительного?

Я лишь помотала головой, не в силах отвечать. Меня колбасило так, что зуб на зуб не попадал, а из глаз того и гляди должны были хлынуть потоки слёз.

«Да почему же я такая неудачница?! Ведь я умная, ответственная... Но вечно что-то не так со мной!..» — вертелось в голове, когда я, нервно прибрав растрепавшиеся волосы, постучала в массивную дверь кабинета.

— Да! — послышалось оттуда.

— Можно? — заглянув внутрь, робко осведомилась я.

— Заходите, Полина Пална, — пригласил меня босс, не отрывая глаз от каких-то документов.

— Заходите, заходите, — промурлыкала Инга, вальяжно соскользнув с краешка круглого стола, что примыкал к письменному столу Эрнесто.

Этот общий круглый стол часто служил нам для мини-совещаний — утренних «летучек». За ним мы обговаривали будущие дневные заботы каждого сотрудника, получали нагоняй или обсуждали какое-нибудь сложное дело, если требовался мозговой штурм. Мне нравилось проводить здесь время, оно всегда дарило состояние некой общности, единения и давало возможность показать себя, да и что уж скрывать — лишний раз полюбоваться на Эрнесто, словить его похвалу за ту или иную отличную идею или поймать его заинтересованный взгляд, полный уважения и признания. Или я себе это выдумала? Эрнесто не из тех, кто принимает женщину, как равное существо, но мне казалось, что со мной... Хотя так, наверное, все мои предшественницы думали.

И вот, я наблюдаю беспрецедентно пренебрежительное отношение к этому святому месту, к этому волшебному круглому столу... такое фривольное поведение — сидеть на нем своей замассажированной до дыр пятой точкой, в этой гнусной обтягивающей юбке, чуть ли не рвущейся по швам крутых бедер... Она бы еще повыше задрала юбку! Хотя кто знает, какие у них отношения и почему Инга так уверена в своем влиянии на этого мужчину? По крайней мере, они на «ты», и Эрнесто позволяет ей сидеть фактически на его столе, перед самым его носом!

Оксана поговаривала, мол, до появления Инги здесь были другие помощницы, но быстро увольнялись, так как отношения с боссом у них всегда выходили на иной уровень. А Эрнесто считал это недопустимым, и как только дамочки начинали перегибать палку, то сразу увольнялись по тем или иным причинам. Якобы Оксана даже слышала какую-то истерику, доносившуюся однажды из его кабинета, мол, Эрнесто рявкнул кому-то: «Здесь не бордель, чтобы за секс платить!».

И я полностью разделяла такую позицию. Хотя, что уж душой кривить, сколько раз я сама предавалась мечтам, как вхожу в этот кабинет и...

— Инга, ты получила задание. Почему ты еще здесь? — поднял на сотрудницу глаза наш команданте, а после посмотрел на меня, застывшую у самого входа в его кабинет. — Палка, ой... это... Полина Пална, у меня не так много времени, чтобы... Мне скоро уезжать.

Я прошла мимо Инги. Та изогнула свои глестогубы и гордо прошествовала мимо меня с таким видом, будто проплыла по красной дорожке в Каннах... в своих балетках, из которых вся ступня вываливалась. Никогда не понимала эту моду на школьные стоптанные чешки.

«Молодая, а такая злющая, — не к месту подумалось мне. — Я старше ее, а чувствую себя рядом с ней настоящей школьницей-ботаничкой. Причем школьницей из самого

отстойного класса, задрипанного такого, что даже стыдно рядом постоять с подобной королевной...».

— Прощай, колхоз!.. — победно прошипела мне Инга, закрывая за собой дверь.

Эрнесто отложил своё занятие, отодвинул папки с документами и, откинувшись на спинку кресла, вопросительно посмотрел на меня. Так продолжалось минуты три: он смотрел, вздернув свою тонкую черную бровь, а я пыталась справиться с отвратительным комом в горле, который не просто мешал говорить, но еще и горечью подступивших слёз отравлял и без того затуманенный и искаженный взгляд на происходящее.

— Вы хотели о чем-то поговорить со мной, — милосердно напомнил команданте, поднявшись и налив мне воды.

«Ни у одного мужчины я не видела таких красивых, длинных пальцев, — почему-то отвлеклась я. — И дело даже не в том, что у него ухоженные руки, аккуратный маникюр, элегантная тройная цепочка-браслет, оттеняющая шелковистую кожу... нет, дело именно в том, что у него просто очень и очень приятные руки. Как бы мне хотелось коснуться их, переплести наши пальцы... Дура! Тебя сейчас уволит этот, который с приятными руками, а ты и дальше будешь сидеть да бестолково глазеть на его сексапильные пальцы, небрежно держащие стакан с водой!».

Приняв стакан, я попыталась сделать глоток, но вместо этого лишь неудачно кивнула в знак благодарности и клацнула зубами о стекло.

— Уmmm!.. — скривившись от боли, заскулила я.

— Осторожней, вы так себе все зубы выбьете, — вытаращился на меня Эрнесто.

— Да... простите... Сегодня не день, а какой-то... Впрочем, я спросить. Вы меня увольняете? — выпалила я на одном дыхании.

— Да, — быстро ответил он, точно ожидал этого вопроса и давно заготовил ответ.

— Понятно, — силясь сдержать слёзы, прошептала я. — Ладно, я тогда пойду... соберу вещи...

— Нет, — резко остановил меня начальник и уселся обратно в своё огромное кресло.

Тень пальмы, что стояла рядом с его столом упала на лицо Эрнесто, чуть скрыв от меня эмоции мужчины, и моё сердце затрепетало, надежда на лучшее расправила крылья и... рухнула, разбившись оземь, когда он пояснил:

— Еще рано. У вас впереди две недели отработки.

— А?.. — обескуражено уставилась я на него. — А можно без отработки? У меня всё равно больше не осталось невыполненных заданий, кроме парочки адвокатских запросов в департаменты и комитеты, но в основном я всё успела закрыть до праздников. А те два судебных дела... ну которые... Так вы сами забрали их у меня после того инцидента... Какой вам толк от того, что я буду мозолить глаза еще две недели?

— Ну, закон есть закон, — уклончиво ответил он, видимо прекрасно зная, как его можно обойти в данной ситуации, — к тому же вы в любом случае уже не успеете сейчас устроиться на новую работу. Но я могу пойти на уступки, закрыв глаза на эти две недели, а именно: предложить вам отработку в праздничные дни. Тогда вам не придется высиживать тут две недели после новогодних каникул, и вы сможете приступить к поиску новой работы уже сразу после двенадцатого или тринадцатого числа.

Я непонимающе уставилась на него.

— Вы хотите, чтобы я работала тут одна, в пустом офисе все праздничные дни?

— Почти так. Согласны?

Эрнесто погрузился в чтение документов, вдруг потеряв всякий интерес к моей персоне, но спустя минуту загадочной тишины добавил:

— При таком раскладе я не сниму с вас премиальные за тот знаменательнейший инцидент с отводом судьи и даже выплачу половину премиальных сейчас, до Нового года, а вторую половину получите после праздников, при прощальном расчете. Как вам такое мировое соглашение?

— Согласна, — еле слышно произнесла я, понимая, что только в этом случае не останусь без денег и смогу заплатить за съемную квартиру. Да и вообще, это слишком щедро с его стороны: дать мне премию за то, что я так подставила его.

«А там, сразу после новогодних праздников, устраюсь куда-нибудь. Уж каким-нибудь младшим менеджером меня точно возьмут... через месяц-другой... или три».

Я уже заранее впала в отчаяние, представив в деталях ад, через который мне в скором времени предстояло пройти: очередное безденежье и нервотрепка вкупе с непременными унижительными собеседованиями у всяких снобов-кадровиков.

Устройство на работу — это настоящее издевательство над людьми. Мало того, что нужно уметь рекламировать себя, дескать, я такая-растакая, умею всё делать так, как никто не умеет, и вообще... я уникальная, стою невероятно дорого, но так уж и быть... пришла поглядеть на то, чем вы тут занимаетесь в своей совяльне. А они такие: «Фи, у нас столько кандидатов, что мы уже порядком устали всех рассматривать. Ну, так уж и быть, лениво и с пренебрежением послушаем и о ваших достижениях. Покажите себя с этой стороны, а вот с этой... Повернитесь, сфотографируйтесь, встаньте раком и... мы подумаем. К нам сейчас еще рабынь десять приведут. Мы в них больше заинтересованы, чем в вас, они более покладисты, речисты. К тому же, вдруг у них зубы белее или волосы пышнее? Да и у вас как-то мало всего: и опыта немного, и дополнительных достижений, и что-то друзей в соцсетях у вас кот наплакал. Это в первую очередь свидетельствует о вашей замкнутости, между прочим, о вашей некоммуникабельности. Но так уж и быть, мы снизойдем и позвоним, если предпочтем именно вас». Тьфу! Мерзость какая. Жуткое унижение. Меня уже трясина начинает, стоит только подумать об этом. Всё-таки есть люди — типичные менеджеры. Им всё равно кому себя предлагать и что предлагать. Я же совершенно не в состоянии себя рекламировать и выносить все эти смотрины на невольничьем рынке и считаю это ниже своего достоинства, ибо прекрасно знаю себе цену. Да, возможно, я гордячка, но мне безумно стыдно унижаться. Ощущаю себя, будто шлюхой в публичный дом устраиваюсь, а меня раздевают и смотрят, сравнивают с другими кандидатками... Вот честно, я еще ни разу в жизни не встречала достойных и приятных людей, действительно чего-то стоящих, которые умели бы себя рекламировать и восхвалять. Те, кто обычно не стесняются это делать, на проверку всегда оказываются «фуфлом помоешным» — как говорит моя тетя.

И пусть психологи сколько угодно захлебываются, доказывая с пеной у рта, что себя нужно уметь превозносить! Якобы это говорит о раскрепощенности и отсутствии комплексов. Чушь собачья! Знать себе цену — да, это одно, но не лезть со своими «Посмотрите, что я могу! Жду ваши рукоплескания, ваши жеманные и неискренние улыбки и «красава!» — вот это уже совсем другая опера и скорее говорит о комплексах неполноценности, нежели о свободе духа от всевозможных условностей. Тем не менее, скоро всё это снова коснется меня и придется опять отравлять свой организм, свой дух и сердце всеми этими унижениями и играми в карьерную лестницу внутри гребаной человекоперерабатывающей машины под названием Жизнь.

Мне стало дурно до тошноты. Я поднялась, скомкано поблагодарила Эрнесто за предоставленную возможность получить премию к Новому Году, и расстроено направилась к выходу, как вдруг услышала:

— Надеюсь, у вас имеется загранпаспорт.

— Д-да... А что? — опешила я, повернувшись.

— В конце недели мы с вами улетаем в Чехию. У меня там дела. А вы как раз поможете.

— Но...

Эрнесто поднял на меня испытывающий взгляд.

— Какие-то трудности?

— Нет, но я...

— Вот и прекрасно. Мы полетим на частном самолете моего бизнес-партнера. Вылетаем вечером тридцатого. Смею надеяться, что ваш муж не станет противиться столь неожиданной командировке.

— Мой кто? — ляпнула я, но заметив, как брови Эрнесто поползли вверх, быстро сообразила: — Ааа... муж! Н-не знаю. Надо у него уточнить.

— Уточните, сделайте милость. Но, помнится, когда я принимал вас на работу, то вы «махнули, не глядя», подписав договор, который предусматривает командировки, не так ли? Или мне изменяет память.

— Ммм... — нахмурилась я, не в силах припомнить сей загадочный пункт.

— Ну, раз «mmm», то давайте я позвоню вам сегодня вечером, а вы мне уже точно скажете, как поживает ваше «mmm». Идет? Хотелось бы знать наверняка.

— А почему бы вам не взять с собой Ингу или Потап... то есть Михаила? — зачем-то спросила я.

— Михаил Валерьевич не сможет, он с семьей уже завтра улетаёт на все праздники и вернется только пятнадцатого числа, у него куча отгулов накопилось. А судебный процесс, если вы помните, один назначен на одиннадцатое число, сразу после окончания массового новогоднего гуляния и всенародной пьянки, а второй процесс — на тринадцатое. Так что у нас есть неплохой шанс застать судей в прелестном расположении духа. Но нам нужно хорошенько удивить их своими доводами. Давайте не запорим эти два выгодных дела. Поэтому мне нужно не просто созваниваться с вами или переписываться, а именно работать вместе, сидя рядом, не теряя время попусту. Там уйма законодательных и подзаконных правовых актов, которые нужно не просто пересмотреть, а извратить статьи таким образом, чтобы у судей глаза на лоб повылезали от нашей железной логики. Напомню, что ваши премиальные напрямую зависят от качества выполнения предстоящей работы. К тому же, у меня второе дело, тоже очень важное, и оно как раз в Чехии, а разорваться на две страны я не могу. Поэтому прошу вас сопровождать меня. Инга, кстати, тоже будет в Чехии, но... — вдруг замялся Эрнесто, скривившись так, точно прожевал целый лимон, — вы же сами понимаете... Мне нужен кто-то, кто реально рубит в нашем деле, а не просто нос задирает, козыряя своим красным дипломом и такими же красными труселями... В общем, вы поможете мне в Чехии на переговорах, а заодно мы поработаем там над нашими кассациями.

Он поднялся, поправил рубашку и ремень на брюках. Взяв с вешалки пиджак, Эрнесто принялся одеваться, неотрывно смотря на меня, и видимо ожидая какой-то ответной реакции.

Но какая там реакция, боже мой! Я тупо разглядывала складки на его брюках в районе паха, а в голове крутились странные мысли:

«Я с ним... все праздники... в другой стране... вместе работать... сидеть за одним столом... чувствовать его рядом... проживать... Стоп! А где, собственно?..».

— В отеле, — точно прочитав мои мысли, произнес он, едва заметно усмехнувшись.

Мои глаза с трудом переползи от его брюк к лицу, когда я переспросила:

— Что?

— Я подумал, вас беспокоит проживание. Мы остановимся в отеле. Он небольшой, семейный, можно сказать. Не переживайте, это уже моя забота.

— А-а, — кивнула я, когда он прошел мимо меня к выходу.

Он был так близко в эти мгновения, что безумно захотелось остановить его, коснуться руки, плеча, подойти совсем вплотную, прижаться... Я даже зажмурила на пару секунд глаза, дабы отсечь сии непристойные мысли, ведь он женат, черт возьми, женат! А это священное табу.

Опомнившись, я развернулась, ломанулась к выходу и... врезалась носом в его поставленную руку.

— Вы сегодня точно решили искалечиться, не так ли? — спрятав по своему обыкновению улыбку в уголках губ, заметил он. — Не ушиблись? — спросил Эрнесто настолько неожиданно мягко, даже интимно, что я поплыла, а он, чуть коснувшись моих растрепанных прядей, заглянул в лицо, зачем-то остановив свои восхитительные пальцы на моей пылающей скуле. Осознав, что происходит, я дернулась, словно от удара плетью, и Эрнесто тут же убрал руку.

Придерживая дверь, он галантно пропустил меня вперед, но я была настолько зла на себя в тот момент, что не подумала и негодуяще буркнула:

— Сегодня дурацкий день, полный дурацких сюрпризов! Надо еще выяснить, как ко всему этому мой муж отнесется. Огорчить его — это последнее, чего я хочу в этой жизни. И никакая премия не покроет развалившееся семейное счастье! — и прошмыгнула под его рукой, пулей вылетев в приемную.

Остановившись посреди комнаты, я обернулась, невольно отметив, что Эрнесто застрял где-то там, позади меня, и тогда я встретила совсем иной взгляд, нежели видела на лице этого мужчины еще секунду назад.

Эрнесто был откровенно зол.

— Вот как?.. — процедил он, поравнявшись со мной и смерив сверху донизу ледяным взглядом своих зеленых кристаллов. — Ну уж извините, принцесса, не угадал с подарками.

«Нет, ну какова, а?! Сначала врет-завирается насчет мужа, а потом и вовсе не изъявляет желания провести вместе новогодние дни. А с чего ты вообще взял, что нравишься ей? Может, у нее и правда кто-то есть? Вот она и держит дистанцию с помощью выдумки. Но она же смотрит, ёшкин кот, смотрит на меня! Ну и что, много тех, кто смотрит. Это вовсе не означает, что они готовы с тобой в постель завалиться. Хотя нет, именно так и происходит в большинстве случаев. А что с этой не так?», — злился я, пока вырুলивал со стоянки.

«У мужа она спросит... Ну-ну, пусть спросит. А я вот позвоню сегодня вечером, и пусть она придумает причину, по которой ее муж отпускает женушку на все праздники. Попалась, рыбка! Да ни один нормальный мужик свою жену на Новый Год в командировку не отпустит. Значит, там нет никакого мужика. Это же очевидно. Да и ни одна нормальная женщина от своего мужа на все праздники не срулит. Хотя бы из чувства собственности и сохранности имущества, ведь он явно устроит попойку и гулянку с девками, пока ее не будет дома».

Всё судебное заседание я пребывал в подавленном состоянии и даже отказался от прений, что для меня вообще нонсенс. Мой оппонент в осадок выпал, когда я просто молча уткнулся в документы, вместо того чтобы в очередной раз язвительно облить грязью его клиента и добавить масла в огонь: так сказать, нанести последний штрих к портрету.

— Что с вами, Эрнесто, вы как себя чувствуете, нормально? — усмехнулся Леонид, когда мы вышли с ним из здания суда. — Выиграли затяжное дело, а не радуетесь.

— А что я, по-вашему, должен делать, язык вам показывать или другую часть тела? — нагрубил я, подходя к своей машине.

Леонид закурил и предложил постоять, обсудить дальнейшее развитие дела.

— Я, разумеется, оспорю решение, — поведал он мне, затягиваясь сигаретой.

— Кто бы сомневался, — открыв дверцу и забросив туда дипломат, буркнул я.

— Личные проблемы? — хитро прищурился Леонид.

— Нет, — пожав плечами, отсек я, принявшись со скучающим видом рассматривать близстоящие здания. — Просто день тяжелый. Устал, не выспался.

— Осторожней, — выбросив сигарету, погрозил мне Леонид, — а то с таким настроением можно не только начать проигрывать дела, но и заболеть, и врезаться в кого-нибудь по дороге, и вообще...

Я рассмеялся, прервав тем самым злобные пожелания.

— А с вашим ядом можно не дожить до апелляции. Вы бы хоть как-то контролировали себя, что ли? А то еще и курите в придачу. Ух, какая там отравка растекается внутри вас по венам! Осторожней, Леонид, у вас уже возраст не тот, чтобы так небрежно к собственному здоровью относиться.

— Возраст понятие растяжимое, мой юный друг. И, к сожалению, быстро проходящее.

— По вам это заметно. Я бы принял дельный совет от умудренного опытом старца, но к вам это не относится. Вы из тех, кто только «кажется», кто создает видимость, но не является таковым.

Он позеленел, обдумывая ответ, но я успел запрыгнуть в салон машины, дал по газам и рванул со стоянки, чувствуя, как проклятия летят мне вслед.

— Вот бы пригодились сейчас защитное поле на моем летающем корабле, — хмыкнул я,

смотря в зеркало заднего вида.

Но пока стоял в пробке, слова Леонида непонятным образом достигли своей цели.

«...быстро проходящее...»

Это он о моих тридцати двух? Ха! Да у меня еще вся жизнь впереди! Да я вообще, можно сказать, вчерашний школьник! Да я в самом соку! Да я...

Со злости я даже двинул по клаксону, как и все остальные озверевшие водилы километровой мёртвой пробки, решив поучаствовать во всеобщем недовольном гуле, после чего принялся крутиться на месте, уже не зная, как сесть. Всё мне казалось неудобным. И расстояние до руля, что я уже раз десять подогнал, и само кресло. Потом настала очередь всех зеркал подряд. А пробка всё не двигалась и не двигалась. Тогда я занялся радиостанциями. Везде крутили какую-то муть. То безголосые певички, то гомикопискалявые певцы с прищемленным достоинством, то дикий речитатив бездарных реперов-мотюгальников.

Почему-то после середины 90-х российская музыка просто умерла. Остались каверы — явные или скрытые — песен иностранных исполнителей. А всё остальное — за очень редким исключением! — это такой отстой, что стыдно подобное по радио крутить, не то, что покупать и слушать. Зато наша эстрада ходит с гордыми соплями-пузырями, а там нечем гордиться, там лишь перепевки — как какое-то детско-юношеское творчество под названием фанфики, но только в музыке, или этот всеобщий новогодний блевотный позор, что крутят каждый год для фона пьянствующего народа. При этом есть ведь, есть авторские песни и прекрасные исполнители! Но их никогда не пропустят в эфир, на большую сцену, им никто никогда не даст возможность подарить людям свет и радость, грусть и раздумье, печаль и вдохновение, энергетический заряд и мощь неземных чувств. Политический заказ на всенародное оупение и бездарность превращает серую массу нашей страны в гниющую, зловонную жижу, и талантливых людей рождается всё меньше и меньше, а те, кто еще приходят в этот мир, в эту страну, они быстро опускают плечи под гнетом всеобщего непризнания.

Понятно, что и в других странах все известные исполнители прошли путь наркомании, алкоголизма, проституции и тому подобного разврата, но они хотя бы реально талантливы и способны «зажечь» стадионы во всем мире своими авторскими песнями, своими неповторимыми «фишками». Это реально Звезды, по недоразумению упавшие с Небес, точно павшие ангелы, вынужденные теперь самостоятельно искать путь назад. Они знали, на что шли: ради трех сокровенных слов в их самой знаменитой песне, ради вложенной Искры, они жертвовали всей своей жизнью для того, чтобы их услышали те, кто способен слышать, чтобы открылся Путь, позволяющий вернуться к Духу, позволяющий взлететь даже без крыльев...

А наши исполнители ради чего всё это делают? Протащив свои зады через продюсерские постели, они никого не зажигают и не вдохновляют, кроме пьяного поля в деревне Тихопукино. Разве можно сравнить концертный зал, наполненный с горем пополам вялыми поклонниками, со стадионами бушующих, опьяневших от счастья, фанатов по всему миру?! Где, где наши «великие» эстрадные певцы? Чем подтверждается их всенародная слава, кроме как эпатажными выходками? В них больше нет Искр. Нам всем подсовывают пустышек, приучая к мысли, что другого не существует и даже не стоит ждать... «сто веков», когда «в стране для дураков» кто-то воскреснет и споет стоящую, искрящую вещь,

способную зажечь миллионы сердец людей, впавших в летаргический сон.

Я щелкал радиостанции в надежде услышать хоть что-то приятное и мелодичное, наконец мне улыбнулась удача — старая песня Криса Айзека «Wicked game», да и дорожная пробка ожила.

Невольно вслушиваясь в слова песни, я почему-то вновь вернулся мыслями к Палке. Что она мне далась? Ну да, ёкнуло, когда ее впервые увидел. Ну и что. Подумаешь... Это вовсе не означает, что нужно три месяца паяться на нее. Потом я попытался сблизиться и даже намеренно разыграл сцену, типа, я случайно пошел в то же кафе, что и она. Но весь ланч она болтала по телефону со своим мужем. Судя по ее блестящим глазам, она его просто обожает. О чем она мне и сообщила, как только завершила тот сюсюкающий разговор со своим благоверным.

Глупо, конечно, но я тогда поинтересовался:

— Давно вы вместе?

— О, — нахмурилась она, вспоминая, — мы пока не расписались, но вместе уже больше десяти лет. Так что срок приличный.

Я совсем приуныл от такого заявления. Блин, десять лет! Это же не полгода, не два и не пять. Чтобы десять лет прожить с парнем, это надо быть либо идиоткой, либо действительно любить его. Есть, конечно, небольшой шанс, что после десяти лет совместной жизни у нее развилась стойкая неприязнь к своему сожителю, усталость и раздражение, а может, и разочарование, но и мне как-то не очень хочется брать то, что было под кем-то в течение такого длительного срока. Признаться честно, я никогда не понимал всех этих разведенков и женитьб по третьему и пятому кругу. Как не противно-то после кого-то? Ну, может, это я такой брезгливый, а людям всё равно с кем спать и кого трогать...

В общем, после того раза я честно попытался выбросить девушку из головы, заверяя себя: "Это не она!". Но каждый раз, когда я видел ее, ловил себя на мысли, что мне дико хочется заняться с ней сексом. Даже несмотря на ее десятилетний брачный союз с другим парнем. О... более того, кажется, меня это еще сильнее раззадоривало, вопреки всем моим принципам и брезгливостям. Что я только себе не представлял: и то, как я с ней в офисе один остаюсь поздно вечером (и я такое проделывал не раз!), и то, как я подвожу ее до метро, а потом в машине... Но в реальности, а не в фантазиях, она каждый раз, бросив скромное «спасибо», быстро выбегала на улицу. Оставалось сказать ей всё напрямую, рискуя выставить себя каким-то уродом, которому непременно нужно залезть под юбку своей помощнице. Но еще есть такая вещь, как репутация, которую нужно беречь. К тому же я — воспитанный человек и совершенно не могу подойти к ней и предложить всё это, прекрасно слыша, как она громко смеется по телефону, когда разговаривает со своим сожителем. Одно дело, если бы я не знал, что у нее кто-то есть, но совсем другое — когда меня поставили в известность. В конце концов, она моя подчиненная, она работает на меня, она... наверное, оскорбится, если я предложу ей такое. И тогда я потеряю не только хорошего, перспективного сотрудника, но еще и лишусь возможности видеть ее. Пусть хотя бы видеть! Да и понять, почему она так похожа на ту, которая... и почему так отзывается во мне — просто необходимо...

«Я и не мечтал, чтобы влюбиться в такую, как ты...», — в это время проплакал певец, попав словами, точно стрелами, в самое мое сердце.

Нет, нет... это никакая не любовь! Просто она заводит меня, это всего лишь животная страсть, с которой я всеми силами пытаюсь бороться. Даже маниакально выискиваю

недостатки, начиная с коротких волос, которые мне никогда не нравились, заканчивая тонкой, хрупкой фигуркой, отчего за глаза дал девушке обидную кличку «Палка». Хотя палкой она, конечно же, не являлась, а просто стройной, невысокой, нормального телосложения. Она одевалась не так, как Инга — без всякого лоска, без выделения своих достоинств. Очевидно, что у нее нет средств, чтобы покупать себе дорогие шмотки, которые бы выгодно сидели на ее фигурке... фигурке, которую мне безумно хотелось рассмотреть без одежды. Или хотя бы обтрогать в оной. Но нужно остановиться.

«Нет, я не хочу влюбляться... Этот мир лишь разобьет твое сердце...», — вторила песня моим мыслям.

К тому же Полина влюблена в своего парня или мужа, неважно, кто там у нее, но явно кто-то есть. Или она обманывает по причине, что я ей не нравлюсь. Тогда это еще прямолинейней... Тогда нужно просто отвернуться от нее и найти себе девушку. Причем срочно. Сколько можно травить байки о кубинской жене?!

Два года я выполнял требования из списка, подаренного мне Ниной — моей домработницей, и прекратил бегать по всем этим дурацким пунктам только с появлением в моем офисе Полины. Похоже, придется клин клином вышибать. Да и вообще, три месяца без секса, это уже как-то... по-стариковски.

Если раньше просто тупо хотелось секса, то теперь почему-то хотелось большего: чувств, романтики, нежности и теплоты, заботы и глубины, уверенности и спокойствия... таких простых и одновременно бесконечно сложных вещей, но явно имеющих наибольшую важность в жизни каждого человека.

«...быстро проходящее...»

Черт! Всё еще впереди. Ничего не проходит у меня, всё только набирает силу! Просто я меняюсь, меняются и потребности, нет в этом ничего ужасного. Наоборот, если я удовлетворю свои потребности, то всё станет гораздо ярче, чем было. Нужно просто найти свою любовь...

И как назло песня закончилась словами «никто никого не любит», как раз когда я остановился у своего дома. Выключив радио, я какое-то время сидел в тишине, смотря на коттедж и фонари, освещавшие извилистую дорожку к дому.

— И для кого я, спрашивается, украшал его всеми этими рождественскими гирляндами? Для соседей, наверное. Дому нужна женщина, как, видимо, и моему сердцу.

Небрежно припарковав машину, я выскочил из теплого салона на холод и стремглав понесся домой. Залетев в холл, я уже успел стянуть с себя верхнюю одежду и вскоре зашвырнул пиджак с рубашкой в самый дальний угол спальни. Включив свет в гардеробной, я достал из ящика туалетного столика заветный Список и, как обычно, зажмурив глаза, ткнул пальцем в строчку:

«№ 68 Автомастерская. Субботний вечер»

— Да ну, нет, — нахмурился я. — Кого мне там ловить? Слесаря, что ли? Или специально пойти и сломать себе машину, после чего бегать по цеху в поисках одинокой женщины, которая не умеет водить машину и врезается во всех подряд с периодичностью раз в месяц? Глупо как-то.

Пришлось снова закрывать глаза и колдовать над папирусом.

«№ 57 Кафе-библиотека. Вечер. Среда, четверг или пятница»

— Ну ладно, — скривился я, — так уж и быть. Всё же это лучше, чем № 12, когда

попался конный спортивный клуб. В итоге я там нашел, конечно, себе подругу. И даже поимел с ней близкие отношения. Привел ее к себе домой, накормил, напоил, искупал, всячески ублажил и даже конюшню ей построил, причем почти собственноручно. Надеюсь, библиотеку мне не придется выкупать, как понравившуюся лошадь.

Переодевшись в джинсы и пуловер, я заглянул по пути на кухню, открыл холодильник и офигел: там, рядом с ужином, стояла записка от Нины:

«Эрнесто,

Если вы не забыли, то на носу новогодние праздники. Завтра утром я приду последний раз, так как мы всем семейством уезжаем в Финляндию. Вернусь не раньше пятнадцатого. Я вам звонила сегодня, чтобы напомнить об этом, но устала общаться с вашим автоответчиком, а смс-ки я не люблю писать. Не забудьте передать мои поздравления вашим родителям. Надеюсь, вы приятно проведете время в семейном кругу.

Обнимаю, целую, всем сердцем с вами,

Нина.

P.S. Пусть наступающий год подарит вам встречу с настоящей любовью, с той женщиной, на которой вы всё-таки захотите жениться. Устала желать вам это, но кто знает, может, на третий раз моё пожелание исполнится?»

Я захлопнул дверцу холодильника, так и не узнав, что приготовлено на ужин.

— Ну да, — с горечью отозвался я в пустоте кухни, — нашел любовь, как же... Здесь чтобы подругу для секса найти — потрудиться нужно, если не хочешь провести ночь с какой-нибудь чувырлой, конечно, или с той, которая на следующий день решит уже перетащить ко мне все свои вещи, даже не спрашивая моего согласия. А вы, Нина, о любви... Да где она, эта любовь? Сказки для наивных людей, всячески оправдывающих свои неудачные выборы сексуальных партнеров.

Раньше, когда я был еще подростком, всегда удивлялся: почему все нормальные мужики моделей или актрис предпочитают. Ведь все они дуры дурами! Но потом понял, в чем причина. Это единственный контингент более-менее симпатичных женщин. Всё остальное — это какое-то кошмарное недоразумение, а не лица. Смотришь на них и ужасаешься. Такое ощущение, будто большинство женщин, которые не имеют отношение к модельному бизнесу, вообще не знают ни как косметикой пользоваться, ни как одеться, ни как привести себя в порядок, сделать прическу, ходить на каблуках, держаться в обществе... Деревня на деревне, зато понтов, особенно у тех, кто стоит в магазинах, торгующих косметикой, выше крыши. Каждая стоящая там — ну прям звезда! Я как-то обедал напротив входа в парфюмерный магазин. Боже... каких экземпляров я только не увидел. И все они уверены в своей неотразимости. Да там не духами поливаться надо, а пластическую операцию каждой второй делать. И эти громкие выкрики мужиков на 8 Марта: «Наши красивые женщины!» — да вы что, мужики, ослепли все разом?! Где, где вы красивых видели, лицемеры?! Одна страшней другой. А если с них косметику смыть, так вообще — кикиморы без грима. А ведь говорят, что внутренняя красота непременно должна отражаться во внешней. Что же тогда получается, что мы живем в обществе душевных уродов? Нет, фраза о том, что красота в глазах смотрящего, несомненно, верная, но в разумных же пределах! А здесь, когда на каждом шагу очевидное уродство, которое даже косметикой не скрыть...

Еще немного и я превращусь в озлобленного женоненавистника. А всё Палка виновата! Ходит передо мной, как живое напоминание о том, что, мол, нет, не все уродины, которые в модельный бизнес не пошли, вот, смотри... но я другому принадлежу... не тебе. Завидуй!

Кусай себе локти! Захлебывайся слюнями, изводясь от желания!

— Ну и катись к черту! — выругался я и, схватив куртку, сбежал с крыльца дома.

Навигатор услужливо показал мне сразу несколько кафе-библиотек.

— Отлично, — раздраженно отметил я, направляясь к ближайшему заведению, — найду там себе какую-нибудь заучку-неудачницу, которая ходит в кафе книжки читать и выпендриваться, дескать, умная очень, а потом... а потом я просто приглашу ее к себе и оттрахаю без всяких лишних разговоров и обещаний. Хватит уже по этой Полинке сохнуть. Не хочет меня, так пусть дальше не хочет. Пусть сидит со своим хахалем.

Войдя в кафе, я сразу напоролся взглядом на барменшу. Она мило улыбнулась и приглашающим жестом указала на свободный столик.

«Вот ее как раз и повезу домой...», — решил я, ответно улыбаясь, и опустился в мягкое кресло. Пока ждал официантку, обсматривал посетителей и книжные шкафы.

И тут со мной чуть нервный припадок не случился: по диагонали от меня сидела Полина.

Меня точно ледяным душем окатило, а потом стало невыносимо жарко. Притаившись, я замер, наблюдая за девушкой. Вот, оказывается, как она одевается, когда не на работе... Двуличная какая, однако.

Полина сидела, закинув одну ножку за другую, в темно-коричневых колготках, в замшевых сапогах на высоком тонком каблуке, в бежевом обтягивающем шерстяном платье-футляре с мягким объемным воротом-хомутом. Синие глаза были подведены гораздо ярче, чем в рабочее время, а ее аккуратная короткая стрижка, с привычно забранными за уши волосами, теперь представляла собой творческий белобрысый беспорядок. Мягкие, непослушные, завитые пряди игриво падали на лицо, оттеняя скулы и ярко накрашенные губы.

Как с обложки или экрана... Разве такие бывают?..

Не знаю, на сколько я завис, но мой рот как-то на удивление быстро наполнился слюнями, и как только я попытался их сглотнуть, то сразу же подавился. Больше всего я не хотел, чтобы Полина обернулась, услышав мои сдавленные откашливания, и вообще, как я ей объясню свой вечерний променад и посещение данного заведения в век, когда все нормальные люди читают книжки в электронном формате? Но, постойте... а она-то что здесь делает? Разве ей не нужно готовить ужин и стелить постельку своему распрекрасному Аркадьевичу или как там его?

Тихонько отойдя за книжный шкаф, я достал телефон и набрал ее номер.

Боже, сколько раз моё сердце ёкало, когда я звонил ей, но еще ни разу оно не скакало галопом, победно ликуя. Почуввав жертвенную кровь, я вцепился в возможность всеми своими когтями и клыками.

— Добрый вечер, Полина, — поздоровался я, улыбаясь от уха до уха, когда прижавшись спиной к книжным полкам, украдкой выглянул в зал.

— Да, добрый вечер, Эрнесто, — ответила она спустя минуту разглядывания вызова на своем телефоне.

— Я не отвлекаю вас?

— Нет, нет...

— Ну, просто время уже позднее, у вас же семья, как-никак. Так вы поговорили с

супругом насчет командировки?

— А... да, поговорила.

— И как решился вопрос?

«Давай, детка, скажи мне, что он не возражает. Значит, нет у тебя никого, что и требовалось доказать! А если скажешь, что муж возражает, то останешься без премии и на невыгодных условиях отработки. Ну, выбирай...», — внутренне злорадствовал я.

— Я вынуждена отказаться, Эрнесто, — произнесла она, и всё во мне оборвалось в тот момент. С одной стороны это свидетельствовало о том, что она — редкая женщина, не подвластная меркантильным интересам, а с другой... я ей не нравлюсь, и она не собирается проводить со мной время ни здесь, в Москве, ни в сказочном рождественском отеле в Чехии.

— И по какой же причине? — выдавил я из себя.

— Я уже озвучила эту причину сегодня. Мне бы не хотелось огорчать любимого человека. Я думаю, вам, как женатому мужчине, это должно быть понятно. Уехать на все праздники, оставить мужа... А вы, как вы уедете без жены, простите за любопытство?

— Моя жена прилетит в Чехию, но чуть позже, — глухо отозвался я, чувствуя, как меня достала эта отравляющая ложь, но я уже не мог пойти на попятную. Это выглядело бы ребячеством с моей стороны.

— Ах... вот оно как... — вздохнула Полина. — Прекрасно. Значит, вы сами не бросаете жену на рождественские праздники, а мне предлагаете так поступить?

— Нет, я понимаю и принимаю ваш отказ.

Мы помолчали минуту, после чего она заявила:

— Мне пора, ужин стынет, мы сейчас собираемся ужинать. Муж ждет.

И тут меня взорвало!

— Конечно, — ядовито процедил я, делая ее фото и отсылая ей его. — Не смею вас больше задерживать. Мои извинения вам и вашему супругу.

Вернувшись на своё место, я скрестил руки на груди и, ожидая реакции, раскинулся в кресле.

Сначала Полина уткнулась в свой телефон, прибрав знакомым, нервным движением волнистую прядь за покрасневшее ушко, затем дернулась, подскочила, обернулась и тотчас заметила меня.

А я заметил вторую чашку на ее столе и... Петровича, отца Инги, уверенно идущего из туалетной комнаты по направлению к столику Полины.

Завершив разговор и отложив телефон, я чуть не разрыдалась от обиды.

«Но а что я должна была сказать ему? — в который раз вопрошала я саму себя, сидя за столиком в кафе-библиотеке. — Согласиться на поездку? Но он далеко не глупец, заподозрил бы неладное. Сразу бы просек, что у меня никого нет. А если у меня кто-то есть, то почему меня отпускают? Соответственно, если отпускают, то я не очень интересна, как женщина. Я прекрасно помню слова Эрнесто, сказанные им на моем собеседовании, когда он заявил о неинтересных особах — старых девах, которые ему тоже не нужны. Мне совершенно не хочется выглядеть в его глазах ни обманщицей, ни старой девой, которую «муж» охотно отправил в командировку на все новогодние праздники. Пусть уж лучше я потеряю единственный шанс побыть с ним наедине в том отеле в Чехии, нежели он посмотрит на меня с осуждением, как на последнюю лгуню. Если бы он знал, что я тут вообще делаю, в этом кафе...».

Тут моё внимание привлекло сообщение. Сердце рванулось к макушке, когда я увидела адрес отправителя. А там какая-то фотка. Может, праздничная открытка? От счастья зрение мое помутилось, и я не сразу рассмотрела то, что мне прислал Эрнесто, а когда разглядела... себя же, вид со спины... Боже мой! Уличить меня во лжи... Да это смерти подобно!

Я обернулась, мгновенно выделив из сидевших в зале людей единственное и самое приятное лицо в мире и... взгляд, полный сарказма и даже издевки. Что он тут делает, в этом кафе? Ну ладно — я, дурында, хожу по пунктам своего глупого списка, выискивая потенциального мужа, а он-то что тут забыл? Однако это уже не имеет никакого значения, ибо меня уличили во лжи, поймали с поличным. Мне бы объясниться с ним, да тут очень некстати вернулся из туалетной комнаты Илья Петрович.

Этот странный тип — Илья Петрович — старинный клиент Эрнесто. Он позвонил мне сегодня буквально пару часов назад и предложил встретиться. Якобы хочет обсудить работу, которую может подкинуть.

Сказать, что я удивилась — ничего не сказать. Глава корпорации, сам, без всяких церемоний захотел со мной встретиться и посмотреть: подхожу ли я на какую-то там должность или нет. Это сон? Скорее сказка, новогодняя, опьяняющая...

Ну, встретиться, так встретиться, к тому же я и так собираюсь увольняться и подыскивать себе новое место, а у этого человека явно найдется, куда меня пристроить. Я даже, грешным делом, подумала, что это Эрнесто посоветовал ему, но, судя по обескураженному взгляду моего патрона, Эрнесто тут не при делах.

Не знаю почему, но я резко отвернулась и сделала вид, что не смотрю на Эрнесто. В конце концов, я не обязана отчитываться перед ним. То, с кем я провожу свои вечера: с мужем или с другим мужчиной в кафе, — это моё личное дело. И даже не обязана отчитываться, почему соврала. Имею право врать, сколько душе угодно! Это не нарушает ничьих прав и законов, кроме совести, а она у нас кодексами не регулируется. Другими словами: разрешено всё, что не запрещено законом. Поэтому спокойно могу быть лживой, подлой, стервозной подхалимкой, тупой работницей, запарывающей сложные дела, или неверной женой в его глазах. И вообще, распутной женщиной, чуть ли не проституткой. Да пусть думает обо мне, что хочет! Сам со своей женой в Чехии должен был встретиться, а мне предлагал оставить мужа, домашний очаг, и побежать выполнять его идиотскую работу,

за которую мне какие-то медяки перепадут. Да пусть катится! Вот сейчас как перейду работать к его клиенту!

— Линочка, — обратился ко мне Илья Петрович, когда снова сел в кресло, — я всё с вами на отвлеченные темы беседую, а к главной теме никак не подхожу... Знаете, я не очень люблю ходить вокруг да около, поэтому давайте начистоту. Я вам кое-что сейчас предложу, а вы подумайте, сразу не отвечайте.

— Внимательно слушаю вас, — кивнула я, крепче обхватив чашку, отчего звякнули кольца, ударившись о фарфор.

— Да вы не переживайте так, — растёкся в чеширской улыбке Петрович, — я ничего противозаконного вам не предлагаю. А то у вас такие глаза, прямо блюда. Ох, и красивые, признаться! Божественные, словно два синих озера... Вы когда-нибудь бывали в горах, видели горные озера? Особенно те, что на приличной высоте, в окружении скал или долин?

— Нет, как-то не было такой возможности, — напряглась я от этой чудовищной лести, — давайте ближе к делу, а то я и правда уже начинаю нервничать: такой заход туманный и многословный.

— Да-да... — ухмыльнулся Петрович, поправив свои манжеты с запонками.

«Золотые, небось», — отметила я, задержавшись глазами на его загоревших запястьях. Моложавый, поджарый мужчина, ухоженный, умасленный в салонах красоты, и лично снизошедший с Олимпа мультимиллионеров до какой-то помощницы адвоката. Зачем, спрашивается?

— Так вот, дело такое, очень и очень деликатное, я даже не могу его поручить другим людям — своим поверенным и помощникам. Я обязан решить его самостоятельно, так как не являюсь верхушкой пирамиды и мне велено... — вдруг запнулся он, но вскоре продолжил: — Вы три месяца работаете на Эрнесто, и я несколько раз видел вас вместе с ним, когда он приезжал ко мне в офис. Мне понравился ваш подход. Вы очень взвешенно тогда рассуждали, давали дельные советы. Даже весь мой юридический отдел не смог разрулить то дело с зависанием товара на таможне, а вы с Эрнесто смогли всё быстро уладить. У вас замечательные качества. Отчего-то я уверен, что в скором времени вы обгоните своего патрона и сможете открыть свой собственный адвокатский кабинет.

— Благодарю, конечно, но мне кажется, что до этого еще далеко, — стушевалась я, не понимая, куда тот клонит. Если бы хотел позвать меня к себе на работу, то просто сказал бы, что есть место в его юридическом отделе, а он мне про отдельный адвокатский кабинет загибает...

— Нет-нет, вовсе не так далеко. Всё дело в нужных связях. А вы сейчас сидите рядом с человеком, который видит в вас перспективного специалиста, будущего профессионала в своей сфере. И я всегда смогу помочь.

— Так в чем суть вопроса?

— Ха-ха, — стрельнул он темными глазами, — и это мне в вас тоже нравится! Ваша деловая хватка! Вам должно быть известно, что Эрнесто еще и мой деловой партнер, а не просто юрист на стороне, который иногда решает мои деловые вопросы. Но суть проблемы в том, что я не совсем уверен в его честности, закрались сомнения, так сказать... И мне бы хотелось, чтобы вы сфотографировали определенные документы, которые предположительно хранятся у него в сейфе, в его рабочем кабинете. Не исключено, что он возьмет эти документы с собой в Чехию, они ему там, скорее всего, понадобятся. Вам же

известно, что он туда собирается? Так вот, — и с этими словами он написал на бумажной салфетке сумму с шестью нулями. Салфетка проплыла по столу, повертелась перед моими округлившимися глазами и вновь вернулась в руки Петровича. — Мы поняли друг друга? Вам же хочется поправить своё материальное положение, нет так ли? Я наводил справки, вам едва хватает на оплату съемного жилья и элементарные нужды.

— Я уже сейчас могу ответить, не думая, — холодно отозвалась я. — Мне лестно, что вы выбрали меня для этой... ммм... работенки, но вынуждена отказаться. Я не занимаюсь подобными вещами, и следить за боссом не буду. Тем более, я уже отказалась лететь с ним в Чехию, он не далее как три минуты назад звонил мне, и я подтвердила свой отказ.

— Зря, — оскалился Петрович. — Знаете, я много чего повидал в своей жизни и могу заверить вас, что люди, играющиеся в порядочность и благородство, чаще всего таковыми не являются.

— Для кого-то это игра, а для кого-то — образ мыслей, девиз жизни, зов крови.

— Это по меньшей мере глупо, — отчеканил он, тут же растеряв всю свою лоснящуюся вежливость, и тут я впервые увидела то, что интуитивно чувствовала весь разговор и даже в предыдущие наши встречи: его непримиримую ненависть ко мне, невыносимое презрение и желание раздавить. — Позвоните Эрнесто прямо сейчас и скажите, что передумали.

— Что? — не поверила я своим ушам. — Либо вы меня плохо поняли, либо до сих пор не выросли из штанов, сшитых по лекалам 90-х годов.

— Ух, ты! — вздернул брови Петрович. — Кусачая, однако. Не ожидал, не ожидал. Впрочем, так даже интереснее. Итак, начнем с самого начала. Мне бы не хотелось огорчать вашу семью. Такая милая у вас сестричка, да и мамочка еще очень даже ничего...

Мне показалось, что я нахожусь где-то по ту сторону реальности, словно в каком-то фильме про гангстеров.

— Да ладно, — нервно хихикнула я, — вы это серьезно? На дворе знаете, какой год? Цивилизация уже давно шагнула вперед, ракеты в космос запускают, машины по Марсу ползают, искусственное оплодотворение, кибернетизация армии... Знаете об этом?

— Знаю, — вполне здравомысляще глянул на меня Петрович и показал фото моей семьи на своем телефоне. — Это вы, Линочка, к сожалению, слишком оторваны от реальности. Витаете где-то. А что в 90-х, что сейчас, что в позапрошлом веке — там, где большой бизнес, где крутятся интересы определенных слоев общества, — всё решается очень просто, без новомодных изысков, по старинке.

— А если я прямо сейчас пойду в прокуратуру?

— Это ваш выбор, — равнодушно пожал плечами Петрович. — Но заранее вас расстрою: они не откроют дело. Доказательств нет, только ваши слова. Да и в чем, собственно, вы собираетесь меня обвинять? В том, что я провел приятный вечер с вами, посетив кафе-библиотеку? Хм... Разве что феминистки в меня тапками запустят: я купил вам латте.

— Вы мне угрожаете, шантажируете.

— Разве? С чего вы это взяли? Я ни слова не сказал. Это вы делаете какие-то свои сумасшедшие выводы.

— Ваши намеки более чем прозрачны. Вы хотите, чтобы я принесла вам информацию, которая явно закрытая и не может быть вам известна, кроме как посредством кражи.

— Это всего лишь ваше субъективное понимание происходящего. Я даже не говорил еще ни о каких документах. Ничего конкретного. А о краже и слова не было! Ну вы и

выдумщица. А какие документы вы имеете в виду? — веселился Петрович.

— Которые предположительно...

— Вот именно! Только предположительно и всего лишь.

— Не делайте из меня идиотку!

— Не делаю. Напротив, я знаю, что вы очень способная девушка. К тому же, красивая.

И, насколько мне известно, ваша красота не прошла незамеченной для Эрнесто.

— Этим вы тоже попытаетесь воспользоваться? — поразила я.

— Нет, что вы! Это просто комплимент.

— Неужели? Хватит юлить.

— Вы правы, хватит. В любом случае, я не хочу вас запугивать. Мне было бы неприятно огорчать ваших родственников, а придется, если вы наклеузничаете кому-то на моё доброе имя. Дело не в том, что я опасаюсь, будто какой-то глупый служивый решит принять ваше заявление и завести дело, вызвать меня на допрос... Нет, я этого совершенно не опасаюсь. Просто мне не нужна лишняя возня вокруг моего имени и дела, которое мне выгодно как можно быстрее довести до конца. Как бы то ни было, но будьте уверены: я смогу урегулировать любой вопрос. А вот вы... Вы уверены в своих силах, связях, деньгах, чтобы выступать против меня и тех, кто встанет на мою защиту? Вы одна выстоите? Возомнили себя пупом мира, суперменшей, героиней с пушкой наперевес, а, может, ведьмой, которой подвластны стихии? Людям свойственно привыкать к тому, что они видят. А они ежедневно видят всё это в книгах, на экранах. Рано или поздно страх притупляется, и овцы послушно идут на заклание, веря в собственную свободу выбора. А если кто и вздумает побрыкаться, то быстро уразумеет простую истину: он — всего лишь мясо на скотобойне.

Мы уставились с ним друг на друга.

В такие моменты, действительно, только в кино показывают, как герои, взвесив все возможные перспективы и развороты событий, быстренько решают дельце, попутно еще и вворачивая сальную шутку. Но в реальности в подобных ситуациях все внутренности леденеют, а в голове птицей бьется неистовый страх. Причем, даже сначала не совсем понятно, какой конкретно это страх — за свою жизнь или за жизнь близких, но очевидно только одно: ничего хорошего не светит, потому что обложили... заперли... расставили смертельные ловушки, из которых при всем желании не выбраться.

Я дрожащими пальцами отыскала номер Эрнесто и нажала на вызов.

— Вот и умничка, — тихо произнес Петрович, самодовольно откидываясь на спинку кресла.

— Эрнесто, еще раз добрый вечер, — бесцветным голосом поздоровалась я. — Мне неловко, что всё так вышло, поэтому прошу вас простить меня. Я передумала. Я поеду с вами в Чехию.

Мне повезло, что я вовремя отошел за книжные стеллажи, и мой вибрирующий телефон не привлек внимание ни Петровича, ни его телохранителей, рассредоточенных по залу. К счастью, эта группа ребят не знала меня в лицо, и их взгляды скользили по залу, ни на ком особенно не задерживаясь. В то время как у меня имелось неоспоримое преимущество: в своё время именно мне пришлось «перетирать» с полковником ФСБ личные дела и просматривать анкеты претендентов на должности личных охранников Петровича, а память на лица у меня отменная. И эти ребята, на мою радость, были не лучшего десятка...

Пришлось залезть с головой в книжную полку и с умным видом начать там копошиться, якобы в поисках какой-то книги, но параллельно снимать на камеру Петровича, пишущего что-то на бумажной салфетке.

«Сумму пишет, — мгновенно понял я, прекрасно зная, как обсуждаются подобные вещи. — И не нужно быть Эдгаром Кейси, чтобы догадаться, о чем идет речь. О документах, что у меня на руках... Сукин сын, Петрович, чтоб тебя!.. Девчонку решил впутать в эти недетские игры...».

Всё во мне похолодело в тот момент, когда Петрович показал нечто в своём телефоне, и, судя по побледневшему лицу Полины, там была не фотография визгливой собачонки Петровича.

«Значит, шантаж... Полина отказалась? — изумился я. — Весьма смело, но недальновидно... Не глупи, девочка, сделай, как он просит, соглашайся на все условия, прояви заинтересованность, корысть, попроси прибавить нули... Ну же!».

Спустя пару минут, Полина позвонила мне. Я спокойно выслушал ее ледяной и ровный тон, буркнул «завтра поговорим, на работе» и отключился.

Петрович засмеялся, обрадованный результатом, а Полина еще больше побледнела.

«Только бы в обморок не упала...» — молился я, пока Петрович забирал своих громил и выдвигался домой.

В случае если оставлена слежка, то подходить к Полине было небезопасно, а посему мне только и оставалось, что продолжать прятаться за книжными стеллажами и выжидать. Видя, что девушка собирается повернуться в поисках меня, но словно не решается это сделать, я предусмотрительно отправил ей сообщение:

«Утро вечера мудренее. К слову, я сейчас смотрю фильм «Такси». Смешной такой! Помогает снять стресс после сложного трудового дня. А вы смотрели?».

Полина не ответила, но верно истолковала моё послание. Так и не позволив себе даже повернуть голову в мою сторону, она через десять минут покинула кафе, как только вызванное ею такси подкатило к парадному входу.

«Умница, — довольно хмыкнул я, искоса наблюдая из окна, как она садится в машину. И не ошибся: за ней пустили слежку. Черный внедорожник Nissan тут же вырулил следом за такси. Я же вылетел из кафе уже спустя минуту, как улица перед входом в кафе опустела.

Как домчался до своего дома — не помню. В голове болезненно пульсировало, а белое лицо Полины и вовсе ни на секунду не покидало моего внутреннего взора. Нужно было хорошенько всё обмозговать, но никакие мысли в голову не лезли, кроме самых страшных...

Вся решительность, весь мыслительный процесс впал в коматоз, а когда выходил из этого состояния, то метался между «Выждать, не спешить, не действовать, ничего не

предпринимать» и «Промедление — смерти подобно».

Сначала я полчаса тупо смотрел в окно на повалившийся снег, затем на нервяке сожрал всё, что приготовила Нина и только потом понял, что это было: рыба под маринадом. Осознав вкус обалденного блюда, я так и не смог насладиться им. Такое со мной впервые случилось. Более того, если бы я держал дома алкоголь, то точно выпил бы целую бутылку чего-нибудь... успокаивающего. В итоге я упился в хлам морковным соком и наелся кураги. Аж до дурноты.

Включил себе «От заката до рассвета», а после посмотрел «Блэйд». Почему-то вид экранной крови всегда успокаивал меня, в то время как вид настоящей крови — отрезвлял до состояния чистого, озаренного всезнанием разума, но, как оказалось, не в этот раз. Поскольку с кровищей не прокатило, я переключился на какой-то нелепый итальянский порнофильм, но, что называется, смотрел, да не видел. Всё только раздражало: и отталкивающие, неприятные актеры, и до тошноты шаблонные ситуации, и бездарная работа оператора. Не в силах ни на что отвлечься, я принял душ и, мыча мантры, в половине второго ночи улегся спать.

Пару часов я крутился, не зная, как дожить до утра, как тут мне пришло сообщение с неизвестного номера:

«Со мной всё в порядке. Я дома. Пишу со старого, давно забытого номера, с другого аппарата. Не знаю, правда, интересно вам это или нет. Особенно после того, что вы наблюдали и, очевидно, поняли, сделав соответствующие выводы обо мне...».

Я чуть не умер от облегчения и тут же написал ответ:

«Представьте себе такую странность: мне это было не просто интересно, а жизненно необходимо. Хотя бы ради того, чтобы спокойно заснуть»

«Простите, если я потревожила вас. И простите, если вы уже засыпали...»

«Я не сплю»

Она молчала, и тогда черт меня дернул спросить:

«А вы?»

«Почти четыре часа утра. Как вы думаете?»

«Думаю, что вы сейчас страдаете бессонницей»

«Нет, не бессонницей»

«А чем же?»

«Я вас обманула только по той причине, что встреча с П. оказалась совершенно спонтанной. Я думала, что мне предложат нормальную работу... Но сейчас я уже дома, и муж, кстати, тоже. У нас на самом деле был запланирован семейный ужин, но мне пришлось отъехать в кафе на встречу. Простите, что всё так вышло. Доброй ночи».

Я выпал в осадок.

— Да ладно... Муж?! Да кто в такое теперь поверит? — невесело рассмеялся я в тишине своей спальни. А потом задумался. — А вдруг и, правда, муж? Почему я не верю? Просто хочу, чтобы у нее никого не было, вот и не верю. Выдумываю объяснения, оправдываю ее поведение, строю логические цепочки... К черту логику! Люди иногда поступают совершенно иррационально и нелогично, да и отношения у них могут быть какими угодно, вовсе не обязательно, что муж блюдет каждый шаг своей жены, а она, как верная и порядочная супруга, планирует провести новогодние праздники в семейном кругу или наоборот — отдавшись работе и уехав в другую страну за новыми впечатлениями,

руководствуясь материальной выгодой. Может, ее муж из тех, кто говорит: «У каждого свои интересы. Я не лезу в твое личное пространство, а ты — в моё. Мы отдыхаем по отдельности, отдыхаем друг от друга, чтобы после познать эйфорию от встречи...». Может, так и она думает, разделяя его точку зрения... Что, если там сейчас идиллия и... всё остальное, что положено на супружеском ложе?

Мне казалось, что я теряю ум, думая о ней. Это выводило из себя, жгло, душило, давило изнутри какой-то невыносимой тяжестью. От этого хотелось избавиться, вырвать, забыть, забросить куда подальше... И никогда не вспоминать! Но если это было возможно наяву, то во сне мне отводилась незавидная роль — безвольного исполнителя.

И я играл свою роль упоенно, выкладываясь на полную катушку, точно знал заранее: «Оскар» мне обеспечен. А моей восхитительной партнершей в этом захватывающем драматическом блокбастере была, конечно же, Полина. Хотел я этого или нет.

И выходило так, что я сходил с ума по замужней женщине.

Мы бились с ней на равных, но, одержав верх, я почему-то начал ползать перед ней на коленях, а она издевалась в лучших традициях эротических — или скорее психологических — триллеров, где всякие садо-мазо. Нет-нет, эти сцены никуда не годятся, их лучше переснять. Пересняли. И даже декорации поменяли. Теперь издевался я, а она ползала, вымаливая прощение. И я, разумеется, прощал, но не сразу... По сценарию сначала шло мучительно-сладкое наказание.

После чего мы занимались любовью в совершенно невообразимых местах планеты и в самых невероятных позах, дав волю пьянящему ритму движений, развратной похоти и низменной животной страсти. Вряд ли это были сцены 18+, скорее все 30+... Я даже придирчиво пересматривал отснятый материал. По два раза точно. И находил его весьма удачным, в частности ее стоны и выкрики: «Пожалуйста, не останавливайся!». Или это я сам кричал?

Где-то на второстепенных ролях проскакивал страшно живучий «муж», которого я раз десять уже успел замочить на радость всей съёмочной площадке. Больше всех пищал от восторга режиссер моего сна: он, кажется, был полностью удовлетворен реалистичной и сверхжестокой расправой над мужем-монстром...

«Безмозглый маньяк!» — ухахатывался я над тушкой, жарящейся на вертеле над огненной бездной... или это было у меня в саду, там, где зона барбекю?..

Я с трудом разлепил глаза, когда Нина уже всю барабанила в дверь моей спальни.

— Эрнесто?! — кричала она. — Вы дома?

— А? — сонно отозвался я.

— Эрнесто, уже 10 утра. Обе ваши машины стоят под навесом, а значит, вы никуда не поехали сегодня? Я давно приготовила завтрак, жду вас, а вы всё не выходите... С вами всё в порядке, вы себя хорошо чувствуете?

— Сколько?! — вскочил я на кровати, насилу продирая глаза.

— Десять. Вы проспали?

— Да!!!

— Ой, как необычно... Завтрак на столе. Я побежала. У нас сегодня утренник в детском садике... С наступающими праздниками и до встречи уже в следующем году!

— Подождите! — бросился я вдогонку.

Наспех обернувшись одеялом, я вылетел из спальни, пронесся мимо обескураженной Нины, добежал до холла, где обшарил карманы своей дубленки.

— Вот, это вам, — пояснил я, довольно улыбаясь, и протянул небольшую коробочку. — С наступающими. Откроете под бой курантов. Обещаете не подглядывать раньше времени?

— Обещаю. Заинтриговали, — засмеялась Нина, и, обняв меня, указала на свой подарок, оставленный прямо рядом с завтраком на столе. — А это от меня. Раньше полуночи 31-го не вскрывать!

— Не буду, — поклялся я. — Спасибо.

Простившись с домработницей, я побрел на кухню, радуясь, что сегодня никаких архиважных дел на работе у меня не намечено, кроме одного, самого главного...

«Интересно, а она уже на работе?» — не успел я задаться этим вопросом, как вспомнил, что так и не включил звук на телефоне.

Пришлось бежать обратно в спальню. Отыскав телефон где-то под подушкой — собственно, где ему еще быть, если я всю оставшуюся ночь, а вернее — утро, разглядывал слова в посланиях Полины, изучая каждую букву, чуть ли не облизывая экран? — и я сразу же наткнулся на тридцать три неотвеченных вызова. И два из них были от Полины.

Быстро набрав ее номер, я даже не сразу услышал гудки — так сильно колотилось сердце в ушах.

— Эрнесто! — выкрикнула Полина, страшно задыхаясь, и меня всего прострелило от пяток до макушки. Думал, умру на месте.

— Что?! — заорал я в трубку. — Полина, где вы?! Что с вами?!!

— Я бегу на работу. Я проспала. Простите... Звонила, чтобы предупредить, но вы не брали...

— Чёрт...

— Что?

— Я убью вас.

— За что?

— Да вы меня до смерти напугали! Я думал, с вами что-то другое произошло...

— Простите.

— Ничего... Я сам проспал. Буду минут через сорок-пятьдесят, в зависимости от пробок на дороге. Скажите там Оксане и Инге, что скоро приеду, а то они обе уже обзвонились мне.

— Хорошо.

— До встречи, — попрощался я, произнеся это таким глупым, щенячьим голосом, что самому себя стало жалко. У нее там муж, о котором она мне постоянно напоминает, а я тут сопли распускаю — «до встречи» шепчу. Дурак! И добавил уже более официально: — И хорошенько продумайте оправдание, почему вы проспали. Мне-то можно, я ваш начальник, а вот вам я такого разрешения не давал! И я еще проверю, все ли мои поручения вы успели выполнить до праздников, а то вдруг соврали. За вами такое водится, как выясняется.

И отключился, не дожидаясь ответа.

Так тщательно я еще никогда не одевался. Пожалуй, я перемерил весь свой гардероб, не хуже какой-нибудь принцессы, но, так и не найдя ничего на мой взгляд сексуального, рванул по магазинам, даже не позавтракав.

Успокоился я лишь к трем часам дня, и то только после того, как на мой вопрос, адресованный девушкам из очередного модного бутика: «Я достаточно привлекателен в этом?» вместо ответа получил номера телефонов и предложение сделать «всё и сразу»

непосредственно в примерочной.

Теперь можно было со спокойной душой собирать чемодан в Чехию. Ну, держись, Палка! Посмотрим, кто выиграет эту битву: я или твой недожаренный муж.

А Петрович пусть запасется валерьянкой. Играть, так по-крупному...

Вопреки всем нашим ожиданиям, Эрнесто явился не через час, а уже ближе к вечеру. Я тщательно собрала все свои выполненные задания, все документы и подготовленные письма, и, вооружившись ежедневником, приготовилась к вызову на ковер. Но ничего не произошло. Более того, команданте меня вообще не удостоил своим высокомерным вниманием. Как только он появился в офисе, то сразу же посвятил всего себя Инге и ее неотложному делу.

Уходя, я заглянула к нему в кабинет, отчаянно надеясь на откровенный разговор, но Эрнесто по-прежнему что-то обсуждал с нашей салонной девицей. Он только махнул мне рукой и... всё.

Чуть не расплакалась. Столько нервов, столько переживаний, а он, прекрасно понимая ситуацию, почему-то не желает поговорить со мной и расставить все точки над *i*.

Вечером пришло сообщение о пополнении моего счета. В панике я полезла посмотреть и едва не лишилась чувств. На моем банковском счету лежала кругленькая сумма, переведенная компанией Петровича за оказанные услуги по липовому договору. Затем пришла смс-ка от Петровича:

«Это залог нашего будущего тесного сотрудничества. Остальное после выполнения известных обязательств»

Я покрутила в руках телефон и всё же набрала ответный вопрос:

«А что делать, если я не смогу за эти три дня выполнить свои обязательства? Если обсуждаемый предмет будет на руках у известного нам лица?»

«Тогда... прикупите себе наряды. Там, куда вы направляетесь, соберется почти весь высший свет, и намечаются изысканные вечера. Мне бы хотелось, чтобы вы произвели на известную нам личность должное впечатление, если это единственный способ получить доступ к тому, что у него на руках...».

На это я решила ничего не отвечать. Меня просто трясло. И от страха, и от возмущения, и от безвыходности. Из меня делали куртизанку, какую-то гейшу-шпионку... И как назло, единственный человек, с кем я могла бы обсудить данную проблему, был не только под строжайшим запретом, но еще и сам не горел желанием общаться и идти на контакт.

«А с чего ему идти на контакт? — погружаясь в полную ванну, вопрошала я саму себя. — Он видел меня со своим бизнес партнером, сделал соответствующие выводы о моей верности, о моей лживой натуре... То, что он волновался — это всего лишь говорит о том, что ему не хочется давать показания в случае моего убийства. Как-никак я его подчиненная... Так что, скорее всего, он волновался вовсе не из-за меня, а только из-за своей репутации. Хорошо, что я написала ему про мужа, который якобы ждал меня дома. Противно врать, но не выставлять же себя еще большей лгуньей. Раз уж начала эту игру, раз соврала один раз, так теперь придется врать до победного конца».

Единственный, вполне разумный и ожидаемый конец любой лжи — это неизбежное расставание с человеком, общение с которым началось с обмана. Редко кто способен простить как солгавшего, так и самого себя. Редко кто способен вынести этот груз... Ложь гнетет, выворачивает наизнанку, незаметно отравляет. Даже ложь во спасение, даже если обман оправдан по всем статьям и имеются веские причины, это в любом случае болезненно, ведь за всем процессом — от первых лживых слов до последних — неустанно следит Совесть. А Совесть — это такой специфический суд, где, если и предусмотрены

адвокаты, то они все почему-то безнадежно немы и право голоса не имеют.

По радио крутили какую-то муть, и пришлось переключиться на собственные записи. Теперь в моих наушниках играла моя любимая песня Хулио Иглесиаса «Abrazame», и я, пуская слезу за слезой, погрузилась в мрачные раздумья на тему неизбежного разрыва отношений. Даже если это любовь с первого взгляда, такая любовь, что запросто способна двигать горы и менять русла рек... Или такая любовь случается исключительно в книжных романах и глупых сентиментальных фильмах для умалишенных дурёх, верящих в подобную глупость?

Все восхваляют великие дела прошлого, военные походы и завоевания в честь прекрасных дам... Какая чудовищная ложь! Всё это делалось ради славы, денег и власти, ради самолюбования и оставления памяти о себе — любимом и великом. Взять тот же Тадж-Махал! Придумали сказочку для дурочек. А если внимательно прочитать историческую литературу и разобраться что к чему, то там всё сразу становится на свои места: какой «душевный» человек его строил.

Между тем песня в плеере сменилась, и я на надрыве пропела вместе с певцом припев песни *Por un raso de tu Amor*, перевод которой без труда складывался в моей голове в рыдающие слова сердца:

"За каплю твоей любви, за место в твоём сердце,
Я отдам всё на свете — только тебе, ради капли твоей любви..."

Но, похоже, мой испанский вокал категорически не понравился соседям, о чем они мне тут же сообщили ожесточенным стуком по батарее. Я вытащила наушники и услышала пару веских аргументов:

«Хорош орать, безголосая! Хватит тоску нагонять!»

«Отстань от неё, она и так певичка-неудачница!»

«Заткнись!»

«Сам заткнись!»

«Я тебя по голосу узнаю, выясню из какой ты квартиры и уши надеру!»

Дальше я вслушивалась в волнующий сердце спектакль, где мои соседи душили друг друга санкциями, а после переключилась на передачу «Страсть, страсть и еще раз страсть» — это молодожены из соседней квартиры вернулись домой после рабочего дня и решили поплескаться в своем белом корыте, пропитанном фтором и завистливой тишиной соседних квартир.

Ванная комната в многоквартирном доме — это вообще... официально разрешенная общественная прослушка.

Потом я плакала всю ночь во сне, а Эрнесто — такой невообразимо красивый и притягательный — стоял у какого-то огромного окна в старинном готическом замке и, сцепив руки за спиной, холодно наблюдал с высоты, как я уйду от него по дороге всё дальше и дальше... Проснулась я от собственных всхлипов и вся разбитая. Села на кровати, всё еще разрываясь от жгучих чувств, что испытывала во сне, но не успела посмотреть на прикроватные часы, как пришло сообщение от Эрнесто, мол, если мне не нужно в офис, то сегодня я могу не приходить, а вместо этого готовиться к поездке и собирать вещи. И в конце была самая страшная приписка:

«Поездку перенесли, так что придется вылетать раньше оговоренного срока. Но так даже лучше. Лёшу не могу прислать — у него послезавтра аншлаг: сплошные разъезды.

Поэтому заеду за вами сам, на такси, в пять часов вечера».

Лучше? Да о чем он?

Соврать тому, кто стал так мил сердцу, попытаться выкрасть у него документы, предать... Я не представляла, как с этим жить потом, если уже сейчас было невозможно смотреть на себя в зеркало. И я уже пятьсот раз прокляла час, когда согласилась на встречу с Петровичем!

Но в первую очередь нужно подумать о своей семье, о родных... а не о том, что обо мне подумает мужчина, который... вообще-то женат. Но разве дело только в нем? Меня заставляют делать то, на что я никогда бы не решилась. Здесь вопрос во мне, в моей совести, в моей душе, а не в том, что подумают обо мне другие люди, в том числе моя семья, которую я — удивительное дело! — почему-то тоже не могу предать. Что я скажу матери, как посмотрю ей в глаза, если с сестрой что-то случится по моей вине?.. Я должна молчать, ничего не говорить Эрнесто, не открывать тайну, никому не жаловаться, не сообщать в правоохранительные органы... Мне совершенно не верилось, что со мной такое происходит в реальности. Успокаивало только заверение Петровича в том, что ничего противозаконного он мне не предлагает. Ему просто нужно взглянуть на документы. Что в них — он мне не сообщил, но мне и не нужно это знать. Сделаю, как он просит, получу деньги и уеду куда-нибудь в банановую республику... заливать водкой испачканную совесть и загубленную жизнь.

Не найти мне любовь, не для меня она придумана, а для всех остальных — умных-разумных, опытных, щедрых душой и телом. А я скупая на любовь, как выразился один психолог, закрытая, обиженная на весь свет...

Чем я занималась весь последний год? А, так, ерундой. Всего лишь пыталась начать жить заново, как и все остальные люди, пыталась найти пресловутую любовь, что прячется от меня, точно от самого страшного зверя.

Я даже составила себе этот глупый список, где вскоре вычеркнула пункт «замуж за босса», потому что он... Боже мой, ну почему именно Эрнесто так запал мне в сердце?! Да что ж с моими глазами, почему они не хотят поискать любовь в другом месте?!!

— Какая любовь, нахрен?! — в сердцах выругалась я, стоя в ванной комнате и с остервенением смотря в зеркало. — Он женат! И ему плевать на тебя!

— И верно, детка, — послышалось откуда-то, — нахрен такого! Другие есть — холостые. Я, кстати, на пятом живу. А ты откуда? Да не дрефь, ответь! Ты только скажи, и я мигом у тебя буду, сразу про своего женатика забудешь.

Я замолчала, покраснев до кончиков волос, и выдавила почти весь тюбик зубной пасты на щетку.

Не знаю, как я раньше ходила по магазинам и мечтала, что когда-нибудь у меня появится возможность покупать себе любые наряды, обувь, драгоценности... Теперь же, покупая вещи на полученные от Петровича деньги, я не испытывала ничего, кроме отвращения и стыда. Мне казалось, что у меня на лбу всё написано: «Воровка, предательница и преступница».

С большими деньгами, со всеми этими покупками, пакетами и коробочками, я безошибочно чувствовала себя «на дне», прекрасно представляя, как всё это будет использовано в ближайшем будущем. Решив, что сразу же после выполнения своих обязательств сожгу все эти вещи, купленные на деньги ненавистного Петровича, я скрутила

нервы в кулак и заставила себя обойти все самые дорогие бутики в городе. Таксист, что возил меня весь день по городу, подумал, что я — жена какого-то олигарха.

— Обновляете гардероб? — в который раз помогая мне с покупками, удивлялся он.

— Да, что-то вроде того, — улыбнулась я, уже не зная, куда скрыться от его ошарашенных и осуждающих взглядов.

— Никогда не видел, чтобы столько вещей покупали за один раз.

— Бывает и такое.

— Меняете имидж?

— Приходится. Сильно похудела, — попыталась отделаться я.

— Хотел бы я так... «похудеть»... Да спонсора не найдется, — крикнул мужчина и, больше не сказав ни слова, довез меня до дома, где злобно выбросил из багажника все мои вещи, не пожелав помочь поднять их на этаж.

На следующий день я была вся не своя и уже к трем часам дня выставила чемодан с сумкой в прихожей, а сама принялась наматывать круги по квартире, ежеминутно всматриваясь в стрелки на часах.

«Может, поговорить с ним в машине? — мучилась я. — А если прослушка через мой телефон, даже когда он в выключенном состоянии? Тогда, может, мне написать ему письмо?».

Что я и сделала. Чистосердечное признание получилось несколько скомканным, но искренним. Я спрятала лист в конверт, затем подумала, что конверт привлечет внимание, и тогда свернула лист в такой крохотный квадратик, что письмо теперь больше напоминало поделку оригами, нежели послание.

«При первой же возможности положу ему письмо в руку, а там... будь что будет! В конце концов, на том свете никого не будет волновать, что я спасала жизнь своей сестры, матери или кого-то еще. Спросят с меня, с моей души, с моей совести. Именно ее станут рассматривать под лупой, а адвокаты, как известно, там молчат. Что бы ни рассказывала нам всеведущая религия, но свои души мы куём сами, поддаваясь страхам и иллюзиям этого грешного мира», — твердо решила я, но как представила себе прикосновение к ладони Эрнесто, так сразу сердце заныло.

«Он женат», — напомнила себе я, как раз в тот момент, когда раздался телефонный звонок.

— Да?

— Полина, я подъехал, — услышала я в трубке его голос.

«Ммм... бесконечно волнующий тембр, от которого мне хочется, если не плакать, так стелиться у его ног», — со стонущим сердцем, невольно отметила я и открыла входную дверь со словами:

— Сейчас выхожу. Ааа!!! — заорала я на всю лестничную клетку.

— Это всего лишь я, — недоуменно наклонил голову Эрнесто, — не надо так орать.

— Вы напугали меня. Я думала, вы внизу ждете.

— Простите, не хотел вас пугать, а всего лишь собирался помочь с чемоданами, — окинув меня цепким взглядом, извинился он. — У вас, как я погляжу, обновка? Встретил бы вас на улице — не узнал бы, — отметил он моё белое чудо из песка.

— Вам нравится? — потеряно спросила я.

— Нет. Я не люблю, когда убивают ради меха, — резко ответил он, открыто посмотрев

мне в глаза.

— Аналогично, шеф, — выпалила я, даже не подумав, как это выглядит со стороны.

— Зачем же вы тогда купили?

— Натуральный мех считается... более уважаемым, — пояснила я, готовая провалиться сквозь землю от отвращения к самой себе. Я ведь на самом деле никогда не покупала ни натуральный мех, ни кожу именно по этой причине: моя неменяемая любовь к животным не позволяла не то, чтобы носить на себе кожу, содранную с мертвых тел, но и есть мясо.

— Мне кажется, ваша вязаная шапочка с помпоном выглядела куда привлекательнее этого огромного капюшона из спинок невинных животных. Ну да ладно. Вы, видимо, как и все женщины — любите и цените только трех зверей: одного в виде дорогой машины, второго на себе — в виде меха или шкуры, а третьего — в постели. Где, кстати, ваш постельный экземпляр? Не хочет ли он выйти и познакомиться?

— Нет, — отрезала я, оскорбленная подобным обобщением. — Он уехал рано утром на работу. И я — не как все остальные женщины!

— И решил не провожать вас? — проигнорировал Эрнесто, точно заиклившись совершенно на другом вопросе. Он попутно попытался заглянуть в прихожую квартиры, но я не позволила и грубо оттолкнула его от входа.

— Представьте себе, — вытаращилась я на этого хама. — А вы, можно подумать, носитесь со своей женой каждый раз, когда она куда-то уезжает?

Эрнесто сжал губы в тонкую линию и, ничего не ответив, схватил мои чемоданы. После чего направился к лифту, где принялся ожесточенно барабанить кулаком по кнопке вызова.

— Вы так кнопку вызова сломаете, — пожурела я, но быстро пожалела об этом: Эрнесто метнул в меня свои зеленые взгляды-кинжалы, чуть ли не распяв на месте.

Пока мы ехали в лифте, я делала всё возможное, чтобы не смотреть на этого мужчину, но не смогла справиться и вскоре мои глаза украдкой любовались им, жадно пожирая то, что было под строжайшим запретом — то, что могла свободно трогать другая женщина. Но она оказалась настолько бестолковой, что оставила своего потрясающего мужа в другой стране, в компании многочисленных дам, а сама посвятила себя какой-то там учебе и диссертациям. Вот ведь ирония... А кому-то не везет. Поганка судьба дразнит меня, демонстрируя Эрнесто, точно насмехаясь: «Посмотри, какие бывают мужчины: и головокружительно красивый, с совершенной фигурой, умный и коммуникабельный, успешный и внутренне сильный. Но тебе такой никогда не достанется. Твой удел — это мурло запойное и гулящее, тупое и предающее, не умеющее даже отличить добро от зла, порядочность и верность от аморальности и порочности...».

Эрнесто заметил, как я бесстыдно рассматривала его, и перевел на меня вопросительный взгляд. Пришлось объясняться, но я удачно выкрутилась:

— А сами-то, вон, в дубленке ходите.

— Это искусственная дубленка. Просто хорошего качества, поэтому выглядит, как настоящая.

— Производство искусственных материалов засоряет планету, — упорствовала я, — разрушает экологию и создает множество проблем в здоровье людей, которые носят все эти химически протравленные аналоги.

Вместо ответа он просто по-мальчишески передразнил меня, скривив физиономию и беззвучно прощмякав презрительно изогнутыми губами.

Я изо всех сил старалась сдержаться, но смех сам вырвался наружу. То ли от перенапряжения последних дней, то ли, действительно, от комичности ситуации — ведь не каждый день можно лицезить своего всезнающего патрона обескураженным и подловленным на несоответствии — но хохотала я чуть ли не до колик в животе.

Обиженное лицо Эрнесто вскоре раскрасилось задорным взглядом, а в уголках губ задрожала едва сдерживаемая улыбка.

Мы вышли на улицу к ожидающей нас машине, и я уже по привычке остановилась у пассажирской двери. Эрнесто был единственным мужчиной в моей жизни, который когда-либо открывал мне дверь. Он меня к этому и приучил за те волшебные разы, что подвозил до метро. Сначала я дико стеснялась подобного джентльменского поведения, но, увидев, что это доставляет ему подлинное удовольствие, решила потакать, наступая на горло собственными комплексам. К тому же так появлялась еще одна возможность приблизиться к Эрнесто, вдохнуть его запах, почувствовать его биополе, опьянеть от него...

Сев в машину, я вновь подумала, что зависть — самое пагубное чувство на свете и с ним непременно стоит бороться. Господи, но как же это трудно! Я безумно завидовала его жене и ничего не могла с собой поделать.

Вскоре он разобрался с нашими чемоданами и вернулся в салон, заняв место за водителем такси.

«Между нами каких-то двадцать сантиметров...» — с тоской подумала я, уставившись на его бедра, показавшиеся из-под полов расстегнутой дубленки. Эрнесто был в темно-коричневых вельветовых брюках, сшитых по фасону джинсов, и ткань так соблазнительно обтягивала верх ноги, что я едва удержала свои руки. Кажется, у меня даже дыхание перехватило, как жгуче захотелось коснуться его.

Мы ехали в тишине, пока тяжесть невысказанных слов не начала давить и ощущаться физически, и тогда Эрнесто первым тихо заговорил о наших рабочих делах, при этом еще ближе пододвинувшись ко мне на сиденье. С трудом заставив себя сосредоточиться на обсуждаемых вопросах, а не на коленках желанного мужчины, я, как могла, поддерживала беседу, но в очередную паузу не удержала своё любопытство в узде:

— А почему вы с женой порознь живете? — спросила я таким... неожиданно кокетливым голосом, что всерьез подумала о возможности выпрыгнуть из машины и сбежать, спрятав пылающее от стыда лицо.

Эрнесто стрельнул в мою сторону недовольным взглядом. Даже думала, что нагрубит, но нет, ответ всё-таки прозвучал более-менее вежливый.

- Она учится. Ей хочется получить интересное образование. Я же не деспот какой-то, чтобы сажать ее дома — босую, беременную и на кухне, мол, щи мне вари, женщина, и думать забудь о собственных интересах и саморазвитии.

— А вас не пугает, что ваши дороги неизбежно расходятся?

«Черт, он сейчас подумает, что я клинья подбиваю...» — похолодела я, но было поздно: слово не воробей.

— Нет, — чуть помолчав, всё же ответил он.

— Вы так уверены в ней?

— Полина, — прищурился Эрнесто, — мне кажется, если человек сам выбрал себе кого-то, то как-то глупо запирает его дома или сажать рядом с собой на короткий поводок в надежде, что это избавит от гипотетических измен. Они могут случиться и дома, прямо у вас

под носом. Они бывают даже в строго охраняемых гаремах, что уж говорить о европейских государствах с более свободными нравами. Не замок на двери удерживает от измен, а замок сердечный. Проблема в том, что его не проверить заранее и никак не укрепить в процессе. Это не мышца, которую можно накачать. У этого замка иная природа. А вообще, надежность закрытой двери зависит не от замка, а от стен и самой конструкции входного портала, скажем так, от стржня, от духа всего жилища. Если человек, его душевные качества — хлипкие и слабые, с дырами и щелями, сквозь которые свободно гуляет ветер, то какие бы засовы вы ни придумывали, какие бы дорогие двери ни устанавливали — всё бесполезно: вышибут при первой же возможности и обворуют вашу сокровищницу. И это в лучшем случае. А то еще и нагадят там или сожгут всё дотла. И глупо обвинять одних воров. Виноваты всегда оба: и тот, кто ворует, и сам хозяин хлипкого жилища, где вы опрометчиво складываете свои сокровища.

Боль пронзила меня насквозь. Я отвернулась к окну, изо всех сил закусив внутренние стороны щек, дабы не расплакаться.

Он рассказал именно то, что и произошло в моей жизни. В последнее время я научилась не вспоминать, как была разграблена моя сокровищница — мой первый брак, длившийся в течение четырех лет. Господи, четыре года витать в облаках и обманах... верить на слово... ждать и надеяться... прощать... и видеть, как сквозь щели улетает моя женская сила, однажды доверчиво отданная в руки другому человеку.

Двойное предательство, уже однажды уничтожив меня, похоронив со словами «Не бывает большей лжи», вновь тянет ко мне свои ядовитые щупальца. Этот ненасытный монстр, во что бы то ни стало, вознамерился проучить меня за дерзкие клятвы, в сердцах брошенные в мировое пространство:

«Я никогда не посмотрю в сторону женатого мужчины! Никогда не причиню невыносимую боль другой женщине, верящей, любящей, ждущей... Никогда не позволю ей испытать то, через что прошла сама»

Сколько мне потребовалось времени, чтобы хоть как-то восстановиться? Почти вдвое больше по временной шкале и несоизмеримо больше по душевным затратам.

Все психотерапевты, которые пытались вытащить меня, твердили практически одно и то же: я должна полюбить саму себя, должна простить и научиться смотреть на ситуацию отстраненно, должна понять, что я — не придаток, не бесплатное приложение к тому, который меня предал, а самостоятельная личность, идущая своим неповторимым путем...

Господи, они вообще себя слышат?! Простить? Да как, как такое можно простить?! Боль от этого всё равно никуда не денется, такое не забудется и не растворится в памяти, не исчезнет.

Выйдя замуж в восемнадцать лет, я уже к двадцати двум годам оказалась сломанной, разрезанной на множество частей и выброшенной за черту нормальной жизни молодой женщиной. Чтобы собрать себя воедино, склеить все эти кровоточащие сердечные осколки, я потратила семь долгих лет.

Нет, я не жила эти годы. Скорее существовала в некоем зазеркалье, где мне ежедневно устраивали показы одного и того же мучительного фильма. Повторы, по идее, должны были бы притупить боль. Но это только в теории, а на практике всё происходило с точностью до наоборот.

Задыхаясь в этом адском пекле, я упрямо поднималась с колен, но не из-за жажды

жизни, как полагали всевозможные лже-врачеватели. Нет, никакого желания жить в изуродованном, перевернутом мире у меня уже не осталось. Я просто хотела доказать своим ничемным существованием, что возможно жить и не причинять никому боли; жить так, чтобы твои белые одежды не пачкали чужие — темные.

Как скоро выяснилось, это совершенно невозможно. Так или иначе, я всё равно причиняла боль, хотя бы тем, что не желала примерять платье с чужого плеча и сапоги с чужой ноги; не желала рядиться в испачканные одежды чуждого мне фасона; не желала прощать и понимать то, что моя душа была не в силах принять.

Одинок ползая в потемках по жгучим углям, я превращала свою исковерканную душу в пепел; я надеялась, что она отлетит, но нет — она крепко сидела в тщедушном теле — униженном, растоптанном, оскверненном и противном мне самой. Я ранила руки о собственные острые слезы и кровавыми ладонями старалась отгородиться от мира, но он настигал меня снова и снова. И вот теперь мир показывал мне всё ту же ситуацию, но уже с другого ракурса, терпеливо обучаая... и давая возможность испытать всю горечь до самого дна... Зачем, кому нужна эта изощренная пытка?.. Неужели мне самой? Я не верю в это, ибо подобного извращения не существует в природе. Здоровое дерево не начнет рубить само себя.

Столько лет прошло, а я до сих пор не могу заставить себя позвонить матери. Их дочка — моя самая младшая сестра, судя по фотографиям, которые мне с настойчивостью садистки из концлагеря каждую неделю шлет родная мамочка, — очаровательная малышка. Дитё, не виноватое ни в чем, рассматривает мои фотографии, сравнивает меня с собой... учит стишки в подарок своей старшей сестричке, которую мечтает увидеть...

Мама не нарадуется на нее и говорит, что Регина очень похожа на меня: тот же овал лица, блондинистые кудрявые волосы, но губы и глаза — его.

Губы, что лгали мне, и глаза, что лили искаженный свет.

Весь полет меня развлекала Инга своей бесконечной трескотней, в то время как Полина сидела, погруженная в свои мысли. Я неотрывно следил за девушкой, но, в конце концов, не выдержал, поинтересовавшись:

— О чем задумались, Полина?

Она вздрогнула, переведя на меня какой-то затравленный взгляд.

— Ни о чем конкретном. Хотя, постойте, всё же думаю: об этом шикарном воздушном судне. Я даже и представить себе не могла, как это: летать на личном самолете. А где же ваш деловой партнер, которому принадлежит сей инопланетный борт?

— Он прилетит через пару дней в Чехию, — по-хозяйски развалившись в кресле рядом со мной, промурлыкала Инга, да с таким видом, будто делала одолжение своим пояснением. Меня это жутко покорежило, терпеть не могу подобный тон, так и хочется осадить.

— Ясно, — отвернувшись к иллюминатору, процедила Полина, и, вдев наушники в уши, включила плеер.

Такая расслабленная, притягательная... сидит напротив и смотрит на розовеющие облака, а отблеск солнечного света оставляет на лице девушки свои закатные поцелуи...

Поднявшись, я сделал вид, будто собираюсь в туалетную комнату, но резко притормозил, опустившись к Полине и вслушиваясь.

— Что такое? — рассердилась она, когда мои волосы коснулись ее головы.

— Простите, мне просто стало любопытно, что вы слушаете, — не сдержав улыбку, ответил я.

— Хулио Иглесиаса.

— Я узнал его голос. Вы знаете испанский или просто так слушаете, из-за мелодий и голоса?

— Учила в институте. Не могу сказать, что прямо знаю, но кое-что понимаю.

— Странно, что вы умолчали об этом, когда вас принимали на работу, — сузила свои чернящие глаза Инга.

— Это потому, что я, в самом деле, очень плохо говорю на испанском, — пожала плечами Полина, — вот поэтому и не указала в резюме.

— Обычно все наоборот пытаются указать как можно больше навыков, а вы утаили, — удивился и я подобной скромности.

— Потому что она испанский, наверное, начала учить не далее, как три месяца назад, а теперь заливает, скромной себя выставляет, — искривив губы в желчной ухмылке, предположила Инга, при этом окатив Полину таким токсичным взглядом, что я сам чуть не отравился от «испарений». Но Полина, надо отдать ей должное, с достоинством и с совершенным спокойствием пережила неприятный момент, даже не поддавшись на провокацию.

— Испанский красивый язык, я бы с удовольствием попрактиковалась, — переведя на меня более чем смелый взгляд, вдруг заявила Полина, и всё во мне вспыхнуло в ответ.

Боже, я горел, как на костре инквизиции, и был готов устроить ей «практику» прямо там, в салоне самолета.

— Эрнесто работать едет, а не давать вам бесплатные уроки испанского! — сурово напомнила Инга, заставив меня почувствовать себя, как под перекрестным огнем.

— Эээ... думаю, что всё-таки смогу предоставить вам пару часов языковой практики, — быстро пообещал я.

Резко развернувшись, я поспешил удалиться в спасительную туалетную комнату прежде, чем эти две тигрицы успели бы прожечь меня до костей своими пылающими взглядами.

Возможно, всё было ошибкой.

Особенно начиная с того дня, когда взбешенная Инга влетела ко мне в кабинет и потребовала уволить Полину, и мне не оставалось ничего другого, кроме как согласиться, иначе о договоренностях с ее отцом можно было бы забыть. И эта проблема потянула бы за собой другие, уже более весомые вещи. Однако и сдать я тоже не мог себе позволить, ведь это проигрыш, а проигрывать не в моем характере, мне нравилось быть сверху в любой ситуации, ну... за исключением некоторых...

К сожалению, радость длилась недолго. Когда удалось выставить свои условия и прогнуть под себя Ингу, слетевшую с катушек, то тут же вскрылась другая проблема, ибо стоило Инге узнать, что Полина до конца новогодних праздников не только будет числиться на работе и претендовать на двойную премию, но еще и проведет время вместе с нами в Чехии, как моя заместитель просто озверела. Видимо, папочка не ввел ее в курс дела, хотя кто их знает.

В любом случае, я уже чувствовал, как вокруг меня начинают копошиться змеи, и чем ближе мы подлетали к Чехии, тем серьезней становились мои опасения.

— А как называется отель, в котором мы остановимся? — поинтересовалась Полина, до этого ни разу не задав вопроса о размещении.

Я вытащил из своей сумки красивый буклет и передал ей. Пусть изучает.

Вдали от цивилизации, окутанный тайной и древними масонскими легендами, полуразрушенный, но отреставрированный старинный замок... теперь принадлежавший мне.

Решив заняться отельным бизнесом, я отреставрировал этот разрушенный временем шедевр и вложил туда все свои — и не только свои — средства и силы. Поставив на карту столько, что страшно подумать! Но оно того стоит по многим соображениям, и альтруистические причины тут играли весьма важную роль.

Я даже невольно улыбнулся, представив себе реакцию Полины, когда она узнает о том, кто является владельцем отеля. Заранее дав задание управляющему, чтобы номер для Полины приготовили непременно VIP и рядом разместили меня в подобном номере, вместо моих привычных комнат в замке, я уже предвкушал страстные ночи. Главное, чтобы Инга раньше времени не взболтнула и не испортила показательное выступление. Но она вроде и не собиралась, ей это крайне невыгодно: посвящать соперницу в финансовые нюансы моего благосостояния... растущего, как на дрожжах.

— Основан в IX веке? — недоуменно посмотрела на меня Полина, оторвав взгляд от буклета. — На месте еще более древнего сооружения и капища?

— Верно, это крайне интересное место, — подтвердил я, отпив сок. — Многие его называют «местом силы». Но если отвлечься от мистической составляющей, то на территории замка наикрасивейший парк с многочисленными фонтанами и три глубоких, больших озера. Своя вертолетная площадка. Так что сразу после приземления мы пересядем на другой вид транспорта.

— На вертолет? — с загоревшимися глазами, уточнила Полина.

— Да, — получая дикое наслаждение от ее детской, восхищенной реакции, таял я.

Она вся трепетала, и я трепетал в ответ, будто на расстоянии двух метров чувствовал ее вибрации, ловил их, настраиваясь на одну волну. Мне казалось, еще немного и сердце выпрыгнет из груди. Да даже не в сердце было дело. Что-то несоизмеримо глубже, нечто яркое, мощное, раскрывалось в груди, словно там зарождалась ядерная реакция в только что сформированной звезде. Никогда такого не испытывал и даже представить себе подобного не мог. Для меня любовь всегда была чем-то банальным, чем-то вполне объяснимым, волнующим, но не более, хоть я и относил себя к числу романтических личностей. Наверное, я впервые понял весь смысл пришедшей фразы: «Любви все возрасты покорны». На самом деле, чувствовал себя, как шестнадцатилетний пацан.

— Вы когда-нибудь летали на вертолетах? — насилу справившись с собой, поинтересовался я, продолжая опьяненным взглядом скользить по ее открытым коленкам, по бедрам, на которых натянулась юбка...

— Да я и на самолетах-то не особо...

— Значит, получите массу новых впечатлений.

— Я уже вся трепещу! — восторженно прижав руки к груди, выдохнула Полина, и с моих губ почти сорвалось «Я тоже, знаете ли, едва сдерживаюсь!», но в это время Инга, манерно причмокнув, отпила виски и прокомментировала:

- Мужчины так падки на дешевую лесть. И особенно на плохую игру, как в погорелом сельском театре.

— Что-что, прости? — повернулся я, уже стервенея: мало того, она мешала мне наслаждаться спектаклем (да, я прекрасно понимал, что Полина переигрывает, местами даже приторно, но как же мне хотелось пить этот нектар и пьянеть от него!) так еще и выставила меня не в лучшем свете.

— Ничего, — буркнула Инга, опрокинув в себя весь стакан.

— Вот и молчи, раз ничего. Жаль, что тебе мало знакома такая вещь, как воспитание.

— Я просто сказала то, что думала.

— Именно. Знаешь, это и отличает человека воспитанного от невоспитанного. Воспитанный никогда не скажет вслух то, что думает.

— Другими словами: лжец не скажет.

— Нет, ложь — это когда ты намеренно утаиваешь правду, либо искажаешь ее. А воспитание — это когда ты всё прекрасно понимаешь, умеешь водить машину, знаешь правила езды по крутым дорогам, но не нарушаешь их и не создаешь опасную ситуацию. Воспитание — это когда ты играешь по правилам общества, пусть даже видя, что эти правила надуманные и не всегда адекватные, но тем не менее ты не желаешь причинять неудобство собеседнику своими спорно-остроумными умозаключениями, не видишь смысла, чтобы ставить человека в неловкое положение, опускаешь какие-то моменты, не заостряешь на них внимание.

— Учту, — насмешливо фыркнула Инга, — благодарю за разъяснение и чтение морали, папочка.

— Упаси меня от «папочки», — округлил глаза я.

— А что, тебе не нравится? — прикусила пшеничную соломку Инга. — Многим мужчинам нравится, когда их «папочкой» называют всякие маленькие девочки. Это повышает их самооценку.

— Не извращенец, знаешь ли, не педофил, — огрызнулся я в ответ, — и повышать

самооценку мне не нужно.

— Ну, конечно, куда еще выше! — ехидничала эта зловредная ирга.

— Не раздражай меня, Инга.

— А то что? Ты разозлишься и станешь рычать? Prrrrrr... — выставив ногти-когти зарычала Инга, начав царапать моё плечо. — Ну, давай, позлись. Мне нравится, когда ты рычишь в ответ. Это заводит.

— Зато меня не заводит такое. Не выношу лицемеров, язвительных глупцов и лгунов.

— Сказал адвокат! — взорвалась смехом Инга.

— Мы не в зале суда, и я не страдаю профдеформацией, как многие, — отчеканил я и мстительно добавил: — Не представляю, каким мужчинам ты можешь нравиться. Наверное, лишь тем, кому нужно постоянно что-то доказывать, куда-то лезть, драться за детсадовские игрушки, мериться яйцами с другими псевдо-ловцами мамонтов, когда в реальности они не то, что мамонта поймать не в состоянии, но и текущий сортир не могут самостоятельно починить. У них мамонты бегают вместе с инстинктами, знаешь, где? На экране, в компьютерных игрушках, что проели им все мозги. Может, такие недоумки и заведутся от тебя — вечно подкалывающей и треплющей своим поганым языком без костей то, что можно, и то, о чем лучше бы тактично промолчать. Ты настолько типично поступаешь, все твои низменные мотивы, твои приземленные умозаключения, оправдания лжи, шитые белыми нитками... — как на ладони! Думаешь, этого никто не видит? Или ты считаешь, что если тебя не мокнули носом в твоё же лживое дерьмо, то всё прошло безнаказанно и можно продолжать в том же духе? Всё это меня не интересует, мне до отвращения скучно, Инга! У меня имеется своя песочница, я не пользуюсь общественной, понимаешь, кукла? Я давно перерос этот возраст, когда хочется подраться, а потом потрахаться, взяв сучку в наказание.

Лицо Инги не просто исказилось, оно пошло судорогой.

— А говоришь, что не страдаешь профдеформацией, — выдавила она из себя. — В суде я от тебя и не такое слышала, но не ожидала, что ты мне... вот так...

Поднявшись, она пулей добежала до туалетной комнаты, где и скрывалась до самой посадки. И прекрасно! Потому что мне было ужасно стыдно, ведь мало того, что пришлось говорить всё это при Полине, так еще и портить отношения с дочкой Петровича в самый неблагоприятный момент бизнес-сделки... Но я уже был не в силах это терпеть. Когда-нибудь подобная стычка случилась бы, это было лишь вопросом времени. Закулисные игры сложны и опасны, и ненавистный человеческий фактор всегда побеждает в схватке: расчет vs сердце.

Мне вообще не нравится, если приходится разговаривать в подобном тоне, причем как с мужчинами, так и с женщинами, но когда люди переходят все разумные грани приличия, когда выставляют меня идиотом только из-за того, что я лишний раз не пожелал поругаться, сознательно попытался избежать конфликтной ситуации, хотел чисто по-дзеновски проигнорировать, не указав на откровенный промах или ложь, что льют мне в уши... То есть сыграл... солгал, прекрасно видя подноготную, но из-за очевидной выгоды решил сделать вид, будто не заметил, отшутился, ушел от ответственности перед собственным сердцем... Может, всё-таки профдеформация? На работе такое приходится проделывать постоянно, каждый день, виртуозно лгать или притворяться слепым и невнимательным в каких-то ситуациях, видя в документах и делах очевидные факты, которые: либо решать по справедливости, либо игнорировать, а третьего, увы, не дано. Но как же ужасно, когда вся

эта проституция перекочевывает в твою личную жизнь и бытовые вопросы! Ложь не спасает, она лишь усугубляет, отодвигая проблему, что за время забвения обрастает такими уродствами, что...

Возможно, мне стоило еще раньше объясниться с Ингой и Петровичем. Это избавило бы от многих дальнейших проблем. Наивно. Нет-нет, в наших кругах так не поступают, иначе это могила. Хотя и это тоже — всего лишь вопрос времени. Я же знал, на что шел. Я сознательно, в здравом уме, вступил на этот путь. Так хочется думать, будто изначально у меня имелся выбор.

Не понял, с каким выражением лица сидела Полина: то ли с осуждением, то ли с недоверием, то ли с...

— Простите, — извинился я. — У нас с Ингой своеобразные отношения, но в любом случае мне стоит извиниться перед ней. Жаль, что вы стали свидетельницей подобной нелицеприятной сцены. Это не делает мне чести.

— Не страшно, — улыбнувшись, пожала плечами Полина, — мне недолго осталось работать под вашим началом. Так что у меня нет причин опасаться, будто и я когда-нибудь услышу от вас подобное.

— Поверьте, мне не хотелось вас увольнять.

— Но вы быстро приняли решение.

— Обстоятельства...

— Ну да, — закивала она, — я понимаю. Не нужно, я сама во всем виновата. Да и просто я могу не подходить вам. К тому же я плохо вливаюсь в коллективы, и мне не очень уютно работать с такими людьми, как Инга.

— Значит, вы меня не осуждаете? — наклонив голову на бок, с надеждой уточнил я.

— Честно? — засмеялась она. — Если по правде, то не очень. Мне чисто по-женски было радостно видеть, как вы поставили ее на место, а вот по-человечески... Это, конечно, было антигуманно.

— По-человечески и по-женски, — отметил я. — Женщина — это не человек, это отдельный вид?

— Увы, — закивала она. — Не всегда это хорошо, но и не всегда плохо.

Боже мой... Я просто физически не мог выносить ее взгляд, особенно когда она так весело и открыто смотрела на меня. Не хотелось прерывать этот волшебный зрительный контакт, но если этого не сделать, то зрительный вполне мог в мгновение ока перерасти в телесный. Контроль над собой давался нелегко, учитывая, что я мог позволить себе всё, вот абсолютно всё... и мне за это даже ничего не будет.

Что я там говорил о мамонтах и недоумках? Да в такие моменты я ничем не отличался от пещерных дикарей! Мне хотелось схватить ее и...

— Расскажите еще об этом отеле, — кокетливо отвела глаза Полина. — Вы же там не в первый раз останавливаетесь, я правильно понимаю?

«Если у нее и имеется муж, то он — полный кретин, — уверился я. — Отпустить такую женщину под Новый Год в место, где праздник и веселье накроют с головой, где ожидаются вечеринки и разгульное настроение, опьяненное сказочным местом, алкоголем, наркотиками и свободой».

— Отель? — переспросил я, промочив пересохшее горло водой. От одного представления открывающихся возможностей мой тестостерон просто зашкаливал.

— Да.

— Сейчас там проходит ледовая выставка. Знаете, множество фигур изо льда?

— Фантастика!

— Не знаю, видел пока только видео и фото с этой выставки. Так что я тоже в предвкушении.

— И часто там устраивают подобное?

— Ледовую выставку — в первый раз. В рамках рекламной кампании для привлечения внимания к этому красивейшему месту. Прошлым летом проводились водные состязания. Озёра больно хороши! Но мне бы хотелось, чтобы вы всё увидели своими глазами. В Чехии полно всевозможных старинных замков, но этот, поверьте, особенный.

— Легко было его приобрести? — просто спросила она, и меня пригвоздило к креслу.

— Откуда вам это известно? — спустя минуту молчания, холодно осведомился я.

Полина без слов развернула прошлогодний буклет и продемонстрировала мне фото в нем. Совершенно вылетело из головы, что там моя фотография, на которой я разбиваю бутылку шампанского о яхту в «приотельном» яхт-клубе.

Ёлки-палки, какая неловкая ситуация...

— Слишком круто для обычного адвоката, — вернулась к рассматриванию буклета Полина. — Старинный замок, яхт-клуб, а самолет, может, тоже ваш?

— Нет, самолета у меня нет. Пока что.

— Это упущение.

— Несомненно.

Как-то я не рассчитывал, что всё так осложнится. Я вообще не рассчитывал влюбляться, когда вступал в масонскую ложу и еще один... старинный орден.

Эмоции, что захватили меня во время полета на вертолете, грозились перевернуть мою жизнь, но то, что я испытала, когда мы приземлились на вертолетной площадке позади замка — не поддается описанию. С высоты птичьего полета мне открылся весь объект целиком. Замок, представляющий собой раскрывшийся цветок и полностью оправдывающий своё название «Огненный лотос», утопал в закатных лучах светила, как будто кто-то включил разноцветные прожектора, устроив фееричное представление — настоящее огненное шоу посреди снежно-белого великолепия горной долины. Прямо аленький цветочек из сказки...

Невероятное зрелище! Созданный не просто из камня цвета слоновой кости, но еще и с ярко выраженным розоватым оттенком, замок и вовсе преобразался в свете заходящего солнца, «полая» и распространяя вокруг себя необыкновенное тепло. При взгляде на него, не возникало чувства холодности, кое во мне частенько просыпалось, стоило посетить какое-либо здание из камня. Не знаю почему, но все эти белокаменные палаты, дворцы и замки еще с детства вызвали во мне ассоциации со склепами, где обязательно должны были быть катакомбы и замученные узники подземелья.

Глупо, но отделаться от неприязни по отношению к каменным строениям я так и не смогла. Возможно, это еще и потому, что выросла в «дышащем» деревянном доме. Как известно, тот, кто пожил продолжительное время в своем отдельном деревянном доме, в любой квартире будет чувствовать себя словно в бетонной клетке, даже если это пентхаус где-нибудь в Дубае. Чего мне стоило переехать в съемную квартиру — это отдельная песня и боль. И в первую очередь боль вызывало даже не одиночество и чужое имущество, а именно холодность мертвых стен, излучающих губительное...что? Я не знала и даже боялась подумать об этом, особенно после изучения вопроса о влиянии на организм материалов, применяемых при строительстве. Но здесь меня накрыло теплом.

Красно-коралловое покрытие кровли башен... обрамление парадных лестниц... великолепные веранды, опоясывающие «Цветок» искусным кружевом... Я задохнулась от волнения! И не в последнюю очередь от победоносного взгляда Эрнесто: да, замок произвел впечатление, и я даже на какое-то время позабыла неприятное чувство, что пронзило меня еще в самолете, когда я поняла, кто является хозяином сего мини-королевства.

Как только мы отошли от вертолетной площадки, передо мной раскинулось множество расчищенных от снега дорожек, замощенных таким же по цвету камнем. Они удивительным образом дополняли цветочный образ замка. А ровно подстриженные кустарники обрамляли прогулочные зоны, поражая изысканным лабиринтом, ничем не уступающим тем, что встречаются на территории Франции. Нас окружала холмистая местность и лесной массив, припорошенный снегом. Чуть дальше я увидела озера... и пропала! Там стояли настоящие ладьи викингов! Только выполнены они были в виде саней.

— Впечатляет? — видимо, не выдержав моего молчания, поинтересовался Эрнесто.

— Я в таком восторге была только в детстве, — призналась я, — когда впервые попробовала сладкую вату. Мы тогда пошли в цирк с отцом. И здесь, вон там, на деревьях, — как будто кто-то разбросал снежно-розовую вату! Сказочно красиво. Это действительно «Огненный лотос»!

— Вообще-то, — замялся Эрнесто, — судя по историческим документам, что мне

удалось достать, раньше у него было и второе, менее известное название.

— Какое?

— «Сердце Дракона». Но это легенда. Там ведь была еще и фамилия хозяев-основателей замка, которые упоминаются в старинных источниках, — «Друзен». Потом ее переделали в «Друзенштейн», а после и вовсе забыли. Сам замок представляет собой смешение стилей, — указывал Эрнесто то на одну башню, то на другую, пока мы шли по направлению к фасадному входу. — Здесь и от барокко, и от эпохи Ренессанса, и даже немного готической мрачности, но в основном это светлое и очень романтическое, внешне легкое сооружение. Цвет камня, как мне кажется, сыграл основную роль.

— А он таким и был? — крутя головой во все стороны, интересовалась я.

— Да, именно таким. Много сил пришлось потратить, дабы достать именно этот материал.

— И вложения себя оправдали, — отметила я, с трепетом касаясь розоватых мраморных перил.

Мне хотелось думать, будто это красота замка пленяла мое сердце, будто все эти мраморные прожилки камня сами собой вливаются в мою кровь, что с каждым шагом всё быстрее и быстрее пульсировала в венах, но как я быстро поняла, замок был неотделим от своего хозяина. Они словно дополняли друг друга. Я застыла в недоумении перед распахнутыми стеклянными дверьми, украшенными витиеватой бронзовой ковкой. Обернувшись, я окинула восхищенным взглядом фигуру Эрнесто, также замершего рядом на лестнице. Он как-то по-особенному звучал; он в самом деле был созвучен с этим волшебным местом! Солнце и легкий ветер играли на его черных волосах таинственную мелодию, будто перебирая умелыми пальцами струны небесной арфы, а в светлых глазах отражались искры пламенеющего заката.

— Вы так подходите своему замку, точно вы с ним одно целое, — помимо воли вырвалось у меня, и я тут же смутилась своей откровенности, а Инга не преминула воспользоваться моей неловкостью:

— О, уже лизоблюдство пошло в ход.

На скулах Эрнесто катнулись желваки, а мне стало так бесконечно жаль! Испорченный момент взаимопонимания, когда глаза в глаза, когда от сердца к сердцу. Этот миг уже не вернуть. Я была искренна, и, возможно, никогда бы не решилась сказать подобное, но что-то заставило меня, да и в глазах Эрнесто вспыхнуло в ответ нечто такое, что... Но надо же было всё так испортить! Стерва. Злая, завистливая, мелочная! Почему люди всегда судят по себе? Неужели их житейский опыт ограничивается только тем, что они сами в состоянии пережить? Но для чего же тогда дан Разум, если не для разумения, если не для проникновения Светом туда, где потемки скрывают другую душу?

Нас радушно встретил управляющий. Этот истинный англичанин, вылитый Берримор по поведению, а внешностью больше напоминавший испанского принца Филиппа, о чем-то беседовал с Эрнесто, тихо шепча ему. Хозяин замка коротко кивнул, явно довольный новостями, и повернулся к нам с Ингой, стоящим в огромном холле.

— Наши комнаты готовы. Инга займет свой прежний номер, а вы Полина пройдите за мной, я сам покажу вам вашу комнату.

Судя по Инге, она пребывала в тот момент как раз в таком состоянии, что с нее можно было писать карикатуру: когда руки сжаты в кулаки, из ноздрей — пар, волосы дыбом, а

глаза навывкате.

Я даже не удержалась и улыбнулась ей.

— Чему радуешься? — всё же взяв себя в руки, процедила она, отправившись к лифту, следом за коридорным.

Не успела я ответить (да и не представляю, что на такое вообще можно было ответить), как Эрнесто указал мне в сторону второго лифта.

— Современные удобства в старинном замке, — заметила я, когда мы вошли в кабину лифта, отделанную зеркалами и витиеватой позолотой.

— Здесь пять этажей, в зависимости от крыла здания, и пятьдесят номеров вполне обычных, но ровно столько же для VIP-гостей. Люди приезжают отдохнуть и поправить здоровье. Это не всегда молодые люди и бегать по лестницам, какими бы потрясающими они ни были, им непросто. Пришлось сделать два лифта, что немного испортило впечатление.

— Что вы, Эрнесто, нисколько! — поторопилась с отрицанием я, и это прозвучало как-то... Может, Инга в чем-то права, и мои восторги выглядят со стороны, как лебезятничество? Ужасно смутившись, я замолчала.

И хранила безмолвие ровно до того момента, пока Эрнесто не распахнул передо мной две двери... Это был мой номер. Три комнаты: спальня, небольшая гостиная с примыкающей к ней столовой и кухонной зоной, отдельный рабочий кабинет... Из огромных окон, украшенных «английскими» решетками-шпросами, открывался незабываемый вид на парк, где вдали виднелись озера и зарево: это последние лучи солнца нежно ласкали вечнозеленые холмы в их снежном убранстве...

— Я не верю... — выдохнула я, отодвинув штору.

— Придется, — пожал плечами Эрнесто. — Через час спускайтесь в общую гостиную. Там сегодня соберутся все постояльцы отеля — коих уже немало — и мы попробуем обсудить программу предстоящих развлечений. После чего смею пригласить вас на ужин, что состоится в ресторане. Вы не откажете мне?

— Вам? — охрипшим голосом глупо переспросила я, во все глаза таращась на этого странного мужчину. Он не смотрел мне в глаза, а делал вид, что крайне заинтересован видом из окна.

— Ну да... — открыв балконную дверь и выйдя на лоджию, ответил Эрнесто. — Не переживайте, это не приглашение провести со мной вечер, который обычно заканчивается интимом. Не надумывайте себе. Это всего лишь неформальная деловая встреча. За моим столом соберутся деловые партнеры, и мне бы хотелось, чтобы вы внимательно изучили их лица.

— Зачем? — не поняла я.

— Чтобы в дальнейшем вы, — наконец, повернувшись, как-то непонятно посмотрел на меня Эрнесто, — смогли дать мне дельный совет. Одна голова — хорошо, но две лучше, не говоря уже о том, что в некоторых вопросах... женской интуиции нет равных. Я не из тех, кто слушает лишь голос разума, Полина. Нужно совмещать навыки, дарованные свыше, и тогда это дает превосходные результаты. Во всех сферах жизнедеятельности.

— А если мной движет корысть?

Я с невероятным трудом вырвала это жгучее признание откуда-то из глубин себя, изо всех сил надеясь, что Эрнесто воспримет его всерьез, но он лишь иронично улыбнулся в ответ, разбив последние надежды на исповедь. Да и какая исповедь?! Я застыла, чуть ли не с

открытым ртом. От его обворожительной улыбки и смеющихся глаз внутри меня расцветал дивный сад с певчими птицами, заглушающими своими неземными трелями голос разума. Всё, абсолютно всё перестало иметь для меня значение. Всё потом, сейчас это не являлось самым главным во Вселенной. Гораздо важнее было то, что творилось в моём сердце. Исход декабря, а в сердце почему-то звучали свирели весны...

«Я влюбилась, это же очевидно», — с горечью констатировала я, и жуткая боль от предстоящего предательства пронзила меня с головы до пят, мигом окунув и в воспоминания разбитого замужества, и в шантаж, коим наградил меня ненавистный Петрович.

— Через час спускайтесь в холл, оттуда вас проводят в гостиную. Вот ваш ключ, а я пошел к себе. Если что нужно — звоните напрямую мне, всё-таки это я вас сюда приволок, — напомнил Эрнесто.

— И стоит мне позвонить, как хозяин этого великолепного отеля начнет бегать, будто коридорный мальчик? — съязвила я, пытаясь за насмешкой скрыть собственное бессилие и отчаяние. И слова попали в цель. Эрнесто обиделся. Его лицо передернуло отвращением ко мне, и он буркнул, открывая входную дверь:

— Никому в моем отеле не позволено относиться к служащим, как к тем, кто «бегают» по щелчку пальцев. И если мне плевать на привычки VIP-персон в данном вопросе, то не стоит и сомневаться, что...

— Оу, — криво усмехнулась я, не позволив ему продолжить, — конечно, куда мне до VIP-персон! Я так, серая канцелярская крыса, чисто по недоразумению попавшая в Рай. Не морочьте мне голову, Эрнесто: богатые люди очень любят выставлять себя простачками, якобы говорящими на одном языке со всеми остальными плебеями. Но это так показушно, что тошнит.

Эрнесто, ничего не ответив на это, вышел в коридор и тихо прикрыл за собой дверь.

А я залилась слезами.

Я всё испортила! А ведь могло бы... Да ничего не могло бы получиться! Что за идиотские малолетние надежды! Он на такую, как я, никогда не посмотрит! Ибо давно известно: деньги к деньгам.

Через час Полина не пришла. Она даже не позвонила по номеру телефона, что я оставил ей, хоть и обратила внимание на листок в прихожей ее апартаментов.

В отеле установлены глушители сигналов и нет возможности подключаться по WI-FI. Здесь только проводная сеть и исключительно проводной телефон. Это единственная вещь, к которой труднее всего привыкают постояльцы.

«Не позвонила... — выбирая костюм для ужина, хмурился я. — Да и зачем? Не позвонит же она со словами: «подождите меня, спустимся вместе». Она страшно боится показаться неопытной. Господи, надо же так комплексовать, чтобы начать грубить! Уму непостижимо. Как с ней муж-то уживается?! И главное, все люди почему-то свято верят книжным романам и киношным мелодрамам, будто начав отношения с заковыристых ссор, скандалов и недопонимания, они когда-то там, в необозримом будущем, смогут прийти к согласию, притереться друг к другу и прожить счастливо много-много лет аж до гроба. Чушь собачья! Если изначально нет взаимопонимания; если изначально люди бросаются друг на друга по любому поводу, то ни о каком дальнейшем клубнично-ванильном будущем не стоит даже заикаться. А клубнично-ванильное состояние — это основа не только семейного уюта, но и личного здоровья. Если основы нет, то многослойный торт не получится, как и без прочного фундамента даже самый красивый замок превратится, если не в могилу, унесшую жизни, так в ветхий шалаш — точно. Только вот почему-то все за основу принимают какое-то там уважение, соревнования, страсти-мордасти, считалки кто, кому и за что... когда на самом-то деле основа всегда одна, она универсальная: Любовь... Когда иначе, тогда и Лада нет; тогда рано или поздно какой-нибудь конфликт обязательно выйдет на иной уровень. Сколько таких разводов я веду?.. Да все суды завалены! А сколько исков по алиментам? Такое ощущение, что вся страна только и занята оцениванием чувств в денежном эквиваленте... Да что там страна! Весь мир этим занят, в то время как другие просто играют их жизнями, словно шашками...».

Выбрав костюм, я плюхнулся в кресло и уставился на своё отражение в зеркале. Вся эта афера с адвокатским кабинетом, с несуществующей женой, настолько давила на меня, что хотелось выть. И вообще, почему бы мне не сообщить сегодня-завтра новость о своем разводе с непонятной женой?.. Вон, все разводятся. Что в этом такого? У меня с ней и детей нет, даже вымышленных, так что делить нам совершенно некого, и аморальным я в глазах еще более аморального общества не стану, так что можно опять соврать. Только уже о разводе, с этой, как там ее у меня зовут? А, Марией!

Как-то странно получается: люди женятся, рожают детей по любви и во имя любви, а потом вся их любовь измеряется в деньгах, будто дети — это общее имущество, которое нужно содержать и отсуживать. Порой настолько противно смотреть на людей, погрязших в корысти и алчности, что так и хочется проиграть дело, а потом честно сказать: вы это заслужили, так как никого не любили, не любите и не полюбите, ибо не способны. Потому что вот она, такая вся из себя злобная фифа, мать детей, неважно скольких. И в гробу она видела своего мужа, что стал алкоголиком. Главное, чтобы он алименты выплачивал на детей, а то, что он уже ото всех отказался, открестился и захотел забыть, как страшный сон, и сам с голоду подыхает, не в состоянии выйти из запоя и найти себе работу да жилье, это ее уже не волнует. У нее маниакальная идея: высшая справедливость! Которая вся, абсолютно

вся сводится лишь к тому, чтобы наказать поганца, нагадить ему своей тупой мстостью и поймать эти банковские бумажки — талоны на еду, где номинально нарисована цена мифического золотого запаса страны. Они ей очень нужны, эти тысячи, они положены ей по закону на содержание имущества, ой, то есть на общих детей — это такие живые, вечно голодные засранцы, что вдруг перестали быть «рожденными во имя любви», а резко превратились в «рожденных от этого козла», с которым нужно было заключать деловое соглашение прежде, чем заниматься той самой постылой любовью. Но она лоханулась, не заключила договор, испугавшись, что мужик сбежит, так и не дойдя до постели.

Она ведь наивно полагала, что мужчина не станет разбрасываться семенем, ее почему-то не убедили его прошлые связи и — о! — пресловутый колоссальный опыт в постельных утехах. Почему-то логически у нее это в мозгу не срослось, что в данном вопросе количество отнюдь не переходит в качество. А с голубых экранов ежедневно продолжает литься ложь, будто богатый опыт в постельных делах приравнивается к взрослости, степенности, порядочности и осознанности своих жизненных телодвижений, особенно тех, что поступательно-возвратные.

О, как это возбуждает женский пол! Наверное, это как игра в русскую рулетку: поступит он так с ней, как с предыдущей пассией, или скажет ей с чистыми глазами: «Киска, я трахал всё, что двигалось и не двигалось, но такую дуру — еще никогда, а посему быть тебе моей женой!». И никто не желает спросить мужчину напрямую о его намерениях, заранее выяснить его отношение к семейным ценностям, к детям, его подход к вопросам воспитания и к сексу на стороне, в конце концов! Ведь это неприлично задавать подобные каверзные вопросы, они могут спугнуть шибко опытного и сильного самца, не привыкшего к совестливым разговорам по душам...

Или мать, пьющая все соки из своей дочери или сына, коверкая им жизнь, измываясь и фактически психологически насилая, она сделает всё, чтобы ей к пенсии прибавилось... ненависти. Она обязательно вытрясет содержание из своего взрослого ребенка, который в свое время был вскормлен на молочной кухне чужим молоком; отдан на воспитание бабушке — и это в лучшем случае, но всё чаще — в казенное учреждение; затем отправлен на поточную учебу, где ему по машинным стандартам государства основательно промыли мозги, при этом отняв одиннадцать лет жизни. После полученного стресса ребенок своевременно передавался на опытное лечение в руки бездушных «профессионалов по риску», а после всего, так уж и быть, совершался героический подвиг по взятию профсоюза — надо же оправдать звание матери-героини в глазах подруг и коллектива! Тогда ребенок с чистой совестью отправлялся на отдых в лагерь к недоумкам-вожатым, благо если не к педофилам-вожатым, что тоже не редкость... А зачем? А затем, чтобы подальше от глаз, чтобы не кормить три-пять раз в день, не стирать, не гулять, не разговаривать, не контролировать.

Короче, чтобы не мешал жить и не сводил с ума ором и неумной энергией, а заодно, чтобы не быть заподозренной в дурном обращении с чадом. А потом — да, такая женщина вспоминает, что она вообще-то мать-героиня, сумевшая в одиночку вос-Питать своего любимого ребеночка, и теперь ей полагается за это... вознаграждение. Ибо материнство и отцовство — это такой особый вид возмездного оказания услуг, когда платить по счету полагается после наступления либо совершеннолетия ребенка, либо после создания ребенком уже собственной семьи. Или можно назвать это красивым словом «ответная

помощь» или «поддержка», ведь ребенок не сдох от бесконечных ОРВИ, гастрита и стресса, а выжил, мать его, несмотря ни на какие издевательства!

Почему-то другие матери, которые действительно питают своего ребенка чем-то душевным, не бегают потом за пособиями, не вытрясают из своих чад деньги, не судятся из-за квартир, а получают всё, что может дать им ребенок, но в добровольном порядке, сердечно, с благодарностью и радостью. Те же, кто этого не получает, а пытается вытрясти из неблагодарных тварей — детей или бывших супругов — хоть кусок хлеба, обязательно получают этот кусок... отравы. Воистину мудрость: каждому по вере его. И во что верит человек, каковы его высшие ценности, то он и дает миру, то он и ждет в ответ, то и получает... Как в сказке про золотую антилопу, когда жадный раджа подох в дерьме, в которое превратилось накопленное золото.

— И законы на этой планете пишутся не для душевных людей, не для порядочных и разумных, а именно для тех, кто всё делает «правильно» с точки зрения социальных норм, общественной морали и государственных стандартов воспитания новых рабов. Вообще не понимаю, зачем люди женятся и рожают детей, отбывая наказание в этом строгом тюремном режиме. Для начала нужно сломать тюрьму, а уж только потом думать о продолжении своего свободного рода... Я никогда не женюсь. Теперь это точно! — решил я и, яростно отбросив удавку-галстук, хлопнул дверью апартаментов.

Проходя мимо дверей соседних апартаментов, я потоптался там... минут пять... Потом подумал, как всё это глупо выглядит со стороны, и, разозлившись еще сильнее, сбежал вниз по лестнице, украшенной рождественскими гирляндами. Надеялся, что Полина посетит общую гостиную; хотел, чтобы она увидела всю эту рождественскую сказку, но моя дражайшая гостя не пришла. Это уже не просто взбесило меня, а повергло в унынье и тоску.

А на что, спрашивается, взъелась Полина?

Ну, выбросила ирга очередную порцию пачкающих ягод, испортила чудесный момент — пусть! Зачем обращать внимание на завистливых дур? Особенно если у тебя самого и в мыслях не было подлизываться. Ведь я видел, что восхищение и все слова Полины были совершенно искренними.

Или Полина обиделась на меня, когда поняла, что я лгал? Да не лгал я, а просто не говорил!

Я всего лишь утаил от нее, что не совсем обычный адвокат... Неужели я должен был кричать на каждом шагу, что являюсь миллиардером? Посыпались бы вопросы о том, как я построил свой капитал... Неудобные, прямо скажем, вопросы... затрагивающие другие сферы... И понесся бы снежный ком, нет, даже не ком, а настоящая лавина! Почему адвокат? Почему притворство, почему живу в обычном особняке в Подмосковье, а не где-нибудь в Швейцарии или на острове? Почему меня еще никто не грохнул, ведь я хожу без телохранителей, как Петрович, например?... Много вопросов, а отвечать на них Полине мне бы не хотелось. Да и не обязан. И вообще, у нее муж есть. Любимый, единственный и неповторимый. Обидно так, что рыдать хочется.

Полина спустилась лишь к половине седьмого, когда все уже переместились из общей гостиной в ресторан. Остановившись при входе, она обежала глазами зал и, отыскав меня, кивнула. Вся такая из себя собранная и строгая, облаченная в свой черный рабочий костюм. Сказал же ей, что ужин неформальный! Хотя после ее резких слов о мальчике на побегушках, как-то мне резко расхотелось принимать участие в ее судьбе. И делать из нее

делового партнера — тоже расхотелось, а ведь была такая лихая мысль, была... Я хотел, чтобы Полина присмотрелась к этим лицам, к этим бесчувственным серым лицам наших потенциальных врагов, что прятались под масками заинтересованных в общей прибыли лже-друзей.

Хорошо. Если Полине больше по душе язвить и оставаться всего лишь помощницей адвоката, то пусть так оно и будет во веки веков, а точнее — вплоть до ее увольнения!

— Добрый вечер, — подошла Полина к нашему круглому столу на двенадцать персон.

— Присоединяйтесь к пиршеству, — указал я на свободное подле себя кресло. В кресле по другую руку извивалась Инга, всячески выставляя свой роскошный бюст на обозрение, в то время как ее змеиное платье в обтяжку переливалось всеми красками в приглушенном свете люстр, торшеров и свечей, расставленных по всему нарядному столу.

Пока официант помогал Полине с креслом и тихо задавал вопросы касательно предпочтений, Инга, видимо, решила взять реванш за происшествие в холле. Как только официант удалился, Инга по-свойски облепила грудью мою спину и зашептала Полине таким театральным шепотом, чтобы я не упустил ни слова:

— Ты понимаешь, что такое неофициальный ужин? Зачем ты напялила этот ужасный черный костюм? Кажется, я даже вижу на нем катушки. Ты его, случаем, не донашиваешь за кем-то?

— Я тоже вижу катушки, — наклонилась к ней Полина, обдав меня едва заметным ароматом цветочных духов, — у тебя в декольте. И, кажется, они тоже сильно бэушные. По крайней мере, глазами их уже все мужики облапали, а это, считай, что руками замусолили. По мне, так это хуже всяких катушек на пиджаке.

— Палка, завидуй молча.

— Было бы чему...

Встревать в перепалку женщин, когда они меряются своими декольте-возможностями, было как-то не комильфо, и я просто терпеливо ждал, когда же за моей спиной закончатся все эти срамные соревнования. А заодно уже успел обсудить некоторые вопросы с партнерами.

— ...результаты исследований, которые вы должны были получить из института Планка. Они меня крайне интересуют, — напрямую залепил мне Акайо Танака — владелец одной серьезной клиники, специализирующейся на сердечнососудистых заболеваниях.

С японцами очень трудно вести переговоры. Нужно постоянно держать ухо востро, чтобы и не прогнуться под них, и в то же время балансировать на острие клинка, дабы не сорваться в конфронтацию, когда эти довольно-таки жесткие люди начинают давить.

— Результаты у меня на руках, — ответил я на английском как можно флегматичнее, при этом невольно отметив, как за моей спиной дернулись обе девушки, мгновенно прекратив свои шипящие разборки. — И они более чем занимательные.

— Мы их увидим? — напрягся Акайо Танака.

— Возможно, — лучезарно улыбнулся я в ответ, поймав одобрительную и хитрую улыбку Синь Ляня — это был мой самый удобный партнер, но, в то же время, самый малозначимый и уязвимый: «всего лишь» доктор наук и один из самых известных в мире натуропатов, а также гениальный врач традиционной китайской медицины, собственными руками спасший столько жизней, что ему давно должны были поставить памятник. Но, за редким исключением, ставят памятники только тем, кто жизни отбирает. Синь Лянь — умнейший человек, но ужасно запуганный, как своими собратями, постоянно

напирающими с фармацевтическими геноцидными новшествами, так и правительством страны, скупающим органы людей в обмен на неуплату налогов.

Синь Лянь одержим идеей помочь полностью оцифрованным гражданам Китая выйти из клеток концлагерей, лишь издевательски условно названными «домами» и личным имуществом. После расстрела его отца во время культурной революции, он приложил максимальные усилия, дабы скрыть факт родства с именитым в своё время эпидемиологом, выступающим против начала претворения в жизнь страшного плана мирового правительства. И в этом ему помог мой отец. Так что... тут уже не просто рука руку моет, тут фактически клятва на крови.

Достаточно сказать, что я не подписал с ним ни одного договора, всё только на словах. Я доверяю ему полностью, как и он мне, но не доверю тем, кто может на него влиять. А таких много. То, что Синь Лянь всего лишь акционер крупнейшей корпорации, выпускающей традиционные китайские препараты, не делает из него «серьезного» конкурента перед лицом других крупных игроков, а вот если бы он стал владельцем... Впрочем, именно об этом он и мечтает. Не могу сказать, что не понимаю его, но, учитывая альтруистические устремления этого почтенного господина, мне кажется, это благо, что он до сих пор только акционер. Его просто изувечат и закопают, если он начнет гнуть свою линию, придя к полноценной власти в компании или хотя бы заполучив контрольный пакет акций. Говорят, понять то, что в голове у китайца невозможно. Это не так. Невозможно понять зомбированного идиота с промытыми мозгами, а Синь Лянь относился к тому редчайшему, почти исчезнувшему виду благородных людей, не имеющих ни расовой принадлежности, ни особого социального статуса, зато достойных быть честными и справедливыми правителями всей Земли. Такому человеку можно доверить жизнь и быть уверенным, что если он и не справится с задачей по каким-то форс-мажорным обстоятельствам, так точно положит все силы на это, вплоть до собственной жизни. Да и что скрывать, мне льстило иметь личным консультантом Синь Ляня. Если бы не его авторитетные заявления и заключения, я бы не смог и части сделать. Взамен я, как могу, влияю на его оппонентов в совете директоров, посредством закупок в Харбине. Они поставляют мне необходимые травы и минералы для всевозможных SPA-салонов, расположенных на территории моего отеля, не говоря уже о крутых профессионалах-массажистах и настоящем шелке, что закупается для пошива постельного белья наших VIP-номеров.

— Как насчет геологических исследований на вашей территории? — жутко нервничая, спросил Федор по кличке «Фулхаус» — известный спонсор различных неперспективных разработок, а точнее отмыватель госденег, полученных преступным путем (с другой стороны, когда они получались иным путем?), дабы затем проверить главное: наладить производство еще одной землеубивающей машины. Деньги вообще не волнуют элиты, вопреки мнению наивных граждан. Можно обкупиться яхтами, замками, островами, корпорациями и пересадить себе сердце хоть десять раз, но когда ты знаешь, что существуют люди, которые спокойно живут без всяких пересадок и болезней более трехсот лет, то все деньги мира перестают иметь значение, и целью жизни становится совсем иное, как и валюта...

— Вынужден вас расстроить, Федор, — увлекшись форелью, нехотя ответил я, — но не далее как месяц назад, я уже подписал бумаги на раскопки.

— Вот как? — прищурился Федор. — И с кем же, что за компания? Под чьей эгидой?

— Эмм... форель просто тает во рту, — смаковал я реакцию Федора. — Чья компания? Моя. Я подарил ее себе на Рождество, пригласил туда перспективных ученых, но, увы, отвергнутых «научным» сообществом или тех, кто влачил жалкое существование, работая не по специальности. Весной я выделяю им участок для раскопок, размещаю людей в одном из крыльев этого отеля, полностью спонсирую все их нужды и... забираю результаты себе, чтобы иметь возможность свободно распоряжаться ими.

— Осторожнее, Эрнесто, — постучал вилкой по столу Федор, явно теряя терпение (у наркоманов оно вообще крохотное), — не то пойдете по стопам своего отца.

— А если и так? Исследования на стыке различных наук, на мой взгляд, дают более полноценную картину.

— Кому она нужна, Эрнесто, эта полноценная картина? — усмехнулась дама, официально возглавляющая один из старинных, еще военных научно-исследовательских центров Германии. Они занимаются лечением психических заболеваний путем химического воздействия на организм пациентов, другими словами — отравляют их, проводя исследования в другой параллели: угнетение самосознания, стирание краткосрочной и долгосрочной памяти, хотя их больше всего интересует внедрение и запись нескольких личностей, душ, в одно тело. Фактически они изучают, как делать из людей зомби и переключать их с одной личности на другую по мере необходимости. И успешно с этим справляются, особенно с началом массового внедрения в жизнь обычных граждан беспроводной связи. Солдат и бездумных убийц у них покупают за баснословные деньги.

— Мне, конечно. Как самому грязному на планете эгоисту, — послав ей воздушный поцелуй, пошутил я. — Эти исследования нужны для оценки возможных проблем. В перспективе.

— Те, на кого вы работаете, не одобряют раскопки и огласку, — пообещал мне «Фулхаус». — Вы кусаете руку, что вас кормит.

— А кто сказал, что ожидается огласка? — оскалился я. — К тому же, разрешение я уже получил. И вот еще что, Федор... В следующий раз, когда начнете кампанию против меня по изъятию этой земли для государственных нужд — или ваша вторая фишка: через подставных лиц захотите натравить на меня «защитников» недр — то лучше десять раз подумайте прежде о том, где тут госнужды с недрами, и у кого они в кармане на самом деле, а не на бумаге.

Федор откинулся на спинку кресла, а в его глазах теперь витало только одно желание: доза.

«Отлично, и передай «своим», что мы тоже не лыком шиты!» — ликовал я, когда искоса глянул на Полину.

Девушка всё прекрасно понимала и, кажется, была смертельно напугана. Ее белизна ярко контрастировала с черным костюмом, а светло-голубая блузка придавала лицу не свежесть, а могильную бледность.

— Вы хорошо себя чувствуете, Полина? — тихо осведомился я.

— Да, — переведя на меня ошарашенный взгляд, закивала она, — но я бы хотела поговорить с вами после...

— Обязательно. Сразу после ужина.

— Мне что-то ни один кусок в горло не лезет, — вымучено призналась она, смотря на меня такими огромными глазами, что захотелось обнять ее и успокоить. — Вы разрешите

удалиться?

— Как пожелаете.

— А где мы тогда?..

— Скажите коридорному, что вас ожидают в каминном зале. Он проводит вас в другое крыло замка. Я буду там самое позднее через сорок минут.

«Господи, во что я ввязалась?!!» — тряслась я, пока дрожащими руками включала воду в ванной комнате.

Мне необходимо было успокоиться и с трезвым умом, без лишних эмоций поговорить с Эрнесто с глазу на глаз, что требовало от меня значительных усилий. По крайней мере, я намеривалась заняться самовнушением, дабы укрепить свой дух перед нелегким испытанием, особенно после того, что выкинула Инга, ведь стоило мне покинуть зал ресторана, как она выскочила следом за мной.

— Ты почему убежала, Палка? — прогнулась ирга в самой откровенной позе, дабы постояльцы отеля, мигрирующие туда-сюда через холл, смогли полайкать все ее прелести.

— Мне хочется принять ванну. Я так и не успела этого сделать после прилёта.

— А чем же ты занималась? — хмыкнула Инга, скалясь своей белозубой улыбкой, — рассматривала убранство VIP-номера?

— И это тоже. Хотя меня больше впечатлил вид из окна. И воздух, конечно! Горный, чистый, он ни в какое сравнение не идет с тем, что в городах и даже в ближайших к ним населенных пунктах. Здесь всё иначе.

— Что верно, то верно... — задумчиво подтвердила Инга. — Послушай, а тебе не показалось странным, что наш команданте скрывает какие-то бумаги, какие-то исследования из института Планка, м?

— Нет, не показалось, — отрезала я, направляясь к лестнице. — Если Эрнесто считает нужным не показывать какие-то документы своим партнерам — это его дело.

— Не страшно, цыпленочек? — прищурилась Инга. — Ты даже не представляешь, наверное, что за люди сидели рядом с нами за столом, да?

— Однозначно, что не президенты, — пожала плечами я, попытавшись изобразить равнодушие, но Инга расценила это по-своему:

— Глупая ты, Палка, ох, и глупая... Если бы там сидели президенты, то можно было бы расслабиться и поесть.

Мы вместе поднялись на третий этаж и, пройдя в тишине до дверей моих апартаментов, остановились.

— Я пойду, Инга.

— Да-да... Ох, какой у тебя номер! — заглянув в распахнутую дверь, воскликнула Инга. — Можно посмотреть, да?

— Вообще-то нет... — но было поздно. Инга, не дожидаясь ответа, самоуправно прошла внутрь.

— Ну, спальня, как спальня, у меня тоже такая огромная, а гостиная... ничего так... А здесь что? А, кабинет... Разумеется, Эрнесто же прилетел работать, а не благотворительностью заниматься. Ты представляешь, сколько стоит проживание в таких апартаментах?

— Нет, даже не задумываюсь об этом. В отличие от тебя. Ты, конечно же, уже всё посчитала, и последние сбережения отдала, да?

Инга окатила меня презрительным взглядом и, открыв дверь в ванную комнату, проинформировала:

— Я тоже не оплачиваю тут проживание. Взамен предоставляю самолет для перелета.

— Это же самолет... — опешила я.

— А ты не знала? Петрович — мой отец, — взяв виноград со стола и начав поедать его, не без гордости созналась Инга.

— О...

Признаться, я растерялась. Но теперь многое становилось понятнее.

— За что ты так невзлюбила меня, Инга?

— Хочешь поговорить по душам? — запрокинув голову, захохотала Инга, и мне даже захотелось увидеть, как она давится, настолько мерзким был ее издевательский смех. — Ты вроде старше меня, а ведешь себя, как неопытная молодуха. Откровенности тебе подавай, прямые вопросы, порядочность... Ты где росла, в какой-нибудь деревне у папуасов?

— Если бы там, то я бы уже жарила тебя не костре.

— Ты желаешь мне смерти? — вытаращилась на меня Инга. — Какая ты, однако, жестокая и неадекватная.

— Мне кажется, это более адекватно, нежели вечные подколы, издевки и презрение с твоей стороны, когда и причин нет.

— Причины, моё ненавистное белое пальто, есть всегда. Даже если они не видны невооруженным взглядом.

— Всё дело в больших деньгах, да? Ты полагаешь, если они имеются у тебя, то тебе позволительно быть такой стервой? Прости, но всё это выглядит мелко и ничтожно, как зависть.

— Зависть? Ты в своем уме, Палка? — всё-таки подавилась виноградиной Инга, но, откашлявшись, прохрипела: — Чему можно завидовать, смотря на тебя? Ты — невзрачная, щуплая, бледная, совершенно невыразительная. Как говорится: ни кожи, ни рожи. Ты не знаешь, как вести себя в высшем обществе; краснеешь, бледнеешь, и голос у тебя дрожит, когда нервничаешь... Да ты первый претендент в психушку! И что-то подсказывает мне, ты врешь насчет мужа. Что-то ты не похожа на ту, у которой муж есть.

— С чего ты это взяла? — напряглась я, готовая отстаивать своего эфемерного сожителя.

— Ты какая-то уж слишком... ну, не знаю даже. Такое ощущение, что ты из детства еще не вышла. И до женских разборок, до всяких взрослых интриг, ты просто не доросла, не тянешь. Поэтому мне и смысла нет тягаться с тобой.

- А ты собиралась? Уж не из-за Эрнесто ли? Так он женат. Ты же в курсе?

— Женат. Но супруга его далече, а я всегда рядом, красивая, с модельной внешностью, сексапильная до опупения, свободная и не напряжная, а главное — молодая. Для любовницы — это то, что доктор прописал. Ты, кстати, уже старая для него.

— Если этот доктор — убийца, то, конечно, — съязвила я. — Надеюсь, у Эрнесто хватит ума...

— Он едва терпит, чтобы не наброситься на меня, дура! — истерично рассмеялась Инга. — Только благодаря тому, что я сама периодически охлаждаю его пыл, я всё еще не позволила ему затащить меня в постель.

— Ты не позволила? — хохотнула я. — О, расчудесная Инга, я вынуждена тебя расстроить, но все твои позы, в которых ты замираешь, воображая, будто со стороны это выглядит красиво и естественно; все твои образы, которые ты на себя напяливаешь: то царицы, то тигрицы, то послушной монашки, то исполнительницей деловой секретутки — всё

это настолько омерзительно смотрится со стороны, что, думаю, Эрнесто никогда не поведется на подобную искусственность. Без разницы, какие шмотки ты надеваешь; без разницы, какие образы на себя примеряешь, но ты со своей самоуверенностью в собственной неотразимости, сексапильности и очаровании настолько смешна, что выглядишь настоящей деревенщиной. И вообще, тебе надо играть бабу Ягу и желательно без грима, ты и в гриме-то страшна, как смерть, а без него — даже жутко представить. Знаешь, в той деревне, где я проводила каждое лето, даже там не было таких позорных и тупых тёлочек, выставляющих себя напоказ всем, кто только способен видеть.

— Тёлочка? — взвилась Инга, вцепившись ногтями в край стола. — Что ты себе позволяешь, замухрышка?!

— А ты?

Вопреки сложившему у Инги впечатлению, на этот раз мой голос не дрожал. Я говорила ровно, почти без эмоций, совершенно спокойно:

— Тебе не надоело нахваливать себя при каждом удобном и неудобном случае, каждый раз выставлять напоказ свое «влияние» на Эрнесто, по пять раз на дню менять ампула, заигрываясь настолько, что становится ясно: тебя настоящей просто не существует? Ты настолько пустая внутри, что вынуждена постоянно носить маски. И надо сказать, что ты выбираешь отвратительные маски, самые глупые, которые без труда «читаются», вскрываются на раз, точно гнилой орех. Ты понимаешь, что это признак ущербности? Или это недоступно твоему юному и всё еще развивающемуся разуму?

— Да у меня красный диплом!

— И рожа у тебя сейчас тоже красная, Инга. Остынь. Диплом всего лишь свидетельствует о прослушивании курса. У меня он, кстати, тоже красный. Но не в этом суть, а в том, что ты на каждом шагу демонстрируешь узколобие и низость.

— Заткнись!!! — подлетела ко мне Инга. — Заткнись немедленно, иначе тебя выкинут из отеля уже спустя пять минут!

— Да ну? — вздернув брови, улыбнулась я.

— Да! Я надавлю на Эрнесто, и он выставит тебе счет за проживание тут. Или тебе придется покупать билет на самолет, или...

— Что-то у тебя не особенно хорошо получается продавливать Эрнесто. А все твои заявления, дескать, мужик слюни по тебе пускает — это комедия! Потому что он как минимум нос от тебя воротит!

— Жаль, ты не слышала, какие комплименты он мне сегодня отвечивал, когда я пришла в ресторан! — испепеляя взглядом, нависла надо мной ирга, опасно покачивая своими руками-ветвями с растопыренными когтями.

— Поверь мне, крошка Инга, поверь старушке Палке: мужчины много что говорят пустого, особенно если женщина сама нарывается на комплименты и буквально умоляет сказать ей хоть какие-то приятности. Твои мольбы так очевидны, что Эрнесто, наверное, просто сжалился, и решил подать тебе руку, дабы ты не захлебнулась в своей грязной луже из комплексов неполноценности.

И тут произошло то, что я никак не ожидала. Она вцепилась мне в лицо! Боже мой, я такое только в кино видела! Даже в детстве с девчонками не дралась, а тут... Не знаю, как сработал мой инстинкт самосохранения, но я сумела наступить ей на мысок туфли своим каблуком, и оттолкнуть. Инга отшатнулась, запуталась в своих длинных ногах и полетела назад, приземлившись на пятую точку. Я испугалась, что она расшибет себе голову о край

стола, но не повезло: голова Инги всего лишь стукнулась о ножку этого стола.

— Ай! Коза паршивая! Ненавижу... — схватилась за затылок Инга.

— Инга... Как ты? Ударилась?

— Да пошла ты!.. — она поднялась, пошатнулась и неровной походкой направилась к выходу, пообещав напоследок мне всяческих неприятностей. Каких конкретно — я не особенно вслушивалась.

Вся эта ситуация настолько взвинтила мне нервы, что я первым делом пошла в ванную комнату. Вода всегда успокаивала меня, а сейчас — сам Бог велел! Да и райская купальня успокоительному процессу весьма способствовала.

Выполненная из розового мрамора в форме цветка, с подсветкой, точно сквозь тонкие мраморные лепестки лился сказочный свет, ванна годилась лишь для любования. Тем не менее, я позволила себе залезть туда, в этот волшебный цветок, мгновенно ощутив себя дюймовочкой в долине фей. В конце концов, когда еще представится в жизни возможность побывать в подобной ванной комнате? Наверное, никогда.

Можно к гадалке не ходить: Инга уже несётся к Эрнесто жаловаться и продавливать. Ах, ее отец Петрович... Это многое, очень многое объясняет, но не всё...

Спустя час я открыла дверь и сразу же наткнулась на коридорного. Он вежливо передал просьбу Эрнесто одеться потеплее и взять с собой верхнюю одежду.

— Зачем? — уточнила я, но коридорный лишь пожал плечами, и мне не оставалось ничего другого, как выполнить просьбу хозяина отеля.

— Секунду подождите, пожалуйста, — попросила я, скрываясь в своём номере. Хм, секунду... Это проще сказать, чем сделать. Пришлось снова выбросить на кровать весь шкаф. Взмыленная, как скаковая лошадь, я выскочила в коридор спустя полчаса, одетая в длинное шерстяное платье в обтяжку, высокие сапоги и держа под мышкой шубу с шапкой.

И началось мое путешествие по замку. Великолепнейшие стеклянные переходы с пальмами, словно небольшие зимние сады, не могли не восхищать, особенно когда за стеклом, на улице, шел снег, танцуя под светом фонарей. Мне так хотелось обдумать то, что предстояло сказать Эрнесто, но я почему-то никак не могла сосредоточиться, бежала чуть ли не впереди своего провожатого, ощущая себя настоящей принцессой, несущейся через все эти залы, врываясь в распахнутые двери, торопясь на свидание с тем, кто... Нет-нет... Он женат. А я — не Инга, я не стану желать того, кто мне не принадлежит. Это вообще смертный грех: вожделеть женатого человека, ведь это не просто посягательство на чужое, но еще и разрушение, разрыв, боль и ненависть, предательство...

Предательство... Как можно рассчитывать на честь мужчины, на его порядочность в будущем, если он уже когда-то кому-то изменил, в том числе и с тобой? Как восхищаться им после того, как он однажды решил, что может позволить себе переступить грань и просто переспать с кем-то на стороне? Да какой там переспать! Всунул-высунул и пошел дальше. Всего три минуты на яркое приключение в коридоре, на лестнице, в туалетной комнате, в собственном кабинете, в салоне машины, в парке, да полно мест, где это происходит! На флирт больше времени уходит, чем на сам процесс. И так у всех. Просто большинство женщин закрывают глаза на очевидное, не желают осознавать эту страшную реальность и тем самым дают согласие на измены. Сегодня она думает: «ладно, все мужики полигамные развратники, это их природа, тогда я тоже буду вертеть задом на своей работе и начну флиртовать ему в отместку, в отместку его природе!». Где тут логика?! Если она уверена,

что это полигамная природа виновата, тогда почему она мстит, почему ненавидит, обижается, испытывает боль от несправедливости космического масштаба? А если предположить крамольное, полностью перечеркивающее многотомные труды мудрых профессоров-толкователей жизни: мужчины тоже моногамны и изменяют совсем по иным причинам.

Все привыкли приводить в пример кого-то... несуществующего, кого-то в книгах, фильмах, знакомых малознакомых, соседа с пятого этажа, певца, поэта, драматурга. Кого угодно, но только не самих себя! И все продолжают лицемерить и притворяться. Я не буду больше играть в эти идиотские игры, я не хочу больше никого оправдывать, искать мнимые «природные» объяснения очевидной низости людей. И если спросят, то я хочу приводить в пример саму себя, а не условно святых и вымышленных персонажей, ссылаться на чьи-то тексты и искать подтверждение своим мыслям в трудах авторитетных ученых. Впредь я буду говорить только от себя. И если Эрнесто решил поиграть со мной, пока не прилетела его жена, то... то я достойно откажу ему! Я найду в себе силы, я смогу сделать то, что не могут другие влюбленные женщины, когда понимают, что их взор упал не запрещенный объект вожделения. Я хочу уважать этого мужчину, и если нам не суждено быть вместе, то я буду обожать его тайно и любить по-настоящему, а это в первую очередь означает: не допускать его морального падения... в моих глазах.

Меня вновь скрутило воспоминаниями, сжало в тисках горечи. Казалось бы, столько времени прошло, а я всё еще не могу восстановиться, не могу позволить себе быть счастливой и легкой. Точно разбитая ваза, которую склеили, а швы, пусть даже незаметные, остались, как незримый энергетический отпечаток. Они, эти уродливые швы моей разбитой семейной жизни, как будто проштамповали меня: «бывшая в употреблении», старая, расколотая, с трещинами, «идет с молотка по заниженной стоимости», как уценёнка. Поэтому, по мнению большинства «опытных» дам, мне следует соглашаться на любого мужика, который обратит на меня внимание, изменит своей жене, бросит ее и... женится на мне, дабы потом точно также обжиматься по углам с более молодыми дамочками вплоть до начала его мужских старческих проблем...

Сколько раз думаю об этом, столько раз и понимаю: я другая, я так не смогу. Даже если философски отнесусь к жизни, даже если соглашусь на секс без всяких обязательств, просто ради того, чтобы удовлетворять потребности тела. Но разве тело способно удовлетворить потребности души? Нет. Всегда только наоборот. Тогда почему меня всеми силами приучают думать о теле в обход души?

Зачем мне нужны незаживающие раны, почему я сама не хочу исцелиться? Будто кто-то невидимый убедил меня, что проживая снова и снова эту жгучую боль предательства, мне откроется некая тайная дверь, за которой стоит добрый чародей, дарующий путь к свободе. Но нет, никакого особого понимания «тайны» ко мне не приходит, кроме еще одного пройденного круга личного ада со всеми моими слезами, обидами, с чувством растоптанной женской гордости и ущемленного достоинства, с многочисленными комплексами неполноценности. О, сколько их развилось на этом фоне, на этой благодатной почве, возделанной «любимым» мужчиной! Но разве не я пахала вместе с ним это поле, разве не я бросала семена, пытаюсь быть понимающей, ходить на компромиссы, учиться быть женщиной и играть по правилам, которые приняты во взрослой жизни?.. В какой-то степени это можно назвать самопознанием, глубинным адским психоанализом собственных ошибок и провалов.

Я бережно собрала урожай с моих плодородных полей, но оказалось, что съесть всё это богатство просто невозможно — ведь это сплошные сорняки и токсичные яды, которые я безуспешно пытаюсь выкорчевать на протяжении стольких лет, а они только множатся, неподъемно тяжелеют, укореняются и прорастают, сплетаясь в чудовищные, уродливые композиции внутри моей души. Окольцовывая меня, они затягивают всё глубже и глубже, заставляя проваливаться в трясины, откуда уже не видно истинного Света. Там лишь искаженные лучи, преломленные множеством фильтров, радуют тех, кто давно не видел настоящего солнца, не чувствовал его подлинного тепла. И что остается таким отравленным людям, кроме как называть подлинное солнце и тепло — вымыслом?..

Вот и я уже очень глубоко, ибо не верю ни людям, ни в людей, но зачем тогда нечто внутри меня всё еще настойчиво напоминает о том, что там, за горизонтом, куда не может проникнуть мой потухший взор, всё еще существует Жизнь полная красок, легкости и счастья без всякого лицемерия и лжи?

Вскоре мы подошли к залу с открытыми дверями, и не могу сказать, что меня это обрадовало, так как я планировала поговорить с Эрнесто наедине, вдали от глаз любопытных, но когда услышала звуки рояля, то мгновенно мне стало как-то наплевать на всех, кто мог бы стать свидетелем нашего разговора.

Провожатый скромно удалился, оставив меня одну на пороге каминного зала, а я всё не решалась войти. Наконец, преодолев себя, я сделала пару тихих шагов, чтобы не отвлечь музыканта, да он сам заметил меня, и тогда полилась не просто мелодия, которую я без труда узнала до этого, но еще и слова песни. Возможно ли подобное совпадение, что Эрнесто знал наизусть мою любимую песню и умел играть ее без нот?

Затаив дыхание, я остановилась подле рояля, за которым сидел Эрнесто. В комнате, где уютно потрескивал огромный камин; где освещением служило лишь пламя и гирлянды на огромной елке, лились пророческие слова песни, от которых по моему лицу невольно побежали слёзы.

Акустика в каминном зале была восхитительная, и я, являясь единственной слушательницей этого проникновенного и потрясающего голоса, ничуть не уступающего эстраднему певцу, роняла слезу за слезой, вовсе не смущаясь, ибо это был тот самый долгожданный миг, о котором говорят: момент Истины. И стесняться слёз, коли захватило это удивительно возвышенное чувство, позволяющее понять, кто ты есть на самом деле, ни в коем случае нельзя.

В исполнении Эрнесто эта песня, и без того до дрожи пронзительная, врывалась в меня чарующими волнами теплого океана. Наверное, я впервые поняла значение выражения, когда говорят, что голос и тембр любимого человека не просто божественны, они представляют собой всю гармонию Вселенной, являясь единственно возможным «настройщиком» тонкого и уникального душевно-сердечного инструмента...

Abrázame

y no me digas nada, sólo abrázame

Me basta tu mirada para comprender

Que tú te irás... Abrázame

...Si tú te vas sólo me quedará el silencio para conversar,

la sombra de tu cuerpo y la soledad

serán mis compañeras si te vas...

Обними меня и ничего не говори, просто обними меня, мне достаточно твоего взгляда, чтобы понять: ты уходишь...

Если ты уйдешь, мне останется лишь разговаривать с тишиной. Твоя тень и одиночество станут моими спутниками, если ты уйдешь...

Эрнесто замолчал, так и не допев до конца. Поднявшись, он хотел было коснуться моего лица, но его пальцы замерли возле скулы, как будто натолкнулись на невидимую преграду.

— Простите, что расстроил вас.

Я не сразу смогла справиться с голосом. Рыдания буквально душили меня, а Эрнесто — такой необычайно красивый и элегантный, в белоснежной сорочке с закатанными рукавами, без галстука, в свете камина и рождественских гирлянд — стоял напротив и тревожно всматривался в моё лицо, будто сердце этого удивительного мужчины жаждало спросить о чем-то таком бесконечно важном, что словами не озвучить, ибо лишь взгляд способен задавать подобные сокровенные вопросы.

Помотав головой, я просипела сквозь слёзы:

— Нет, не расстроили, а наоборот — воодушевили. Я очень люблю эту песню. Как вы угадали?

— Не старался угадывать, просто спел то, что самому нравится... из репертуара того, кто нравится вам.

— И вы так спели ее...

— Как? — приблизившись, тихо уточнил он. Взяв мою ладонь в свою, а другой рукой скользнув по талии, он повел меня в танце, чуть слышно напевая слова этой песни.

У меня моментально закружилась голова. Его легкое дыхание касалось моего виска, в то время как я сама перестала дышать... какие-то картины на стенах крутились перед моим расплывшимся взором... приглушенная подсветка заснеженной улицы в огромном окне... сказочно-уютная ёлка... рука, обвившая талию... теплая ладонь, державшая мою... так бережно и нежно, что захотелось взвыть одновременно и от радости, и от отчаяния!

Я видела бьющийся пульс на его шее, и сладостное притяжение магнитом тянуло коснуться привлекательного тела, несмотря ни на какие выставленные самоограничения и рамки. Меня бросало в дрожь от желания вдохнуть запах его шелковистой загоревшей кожи; спуститься пальцами ниже, к пылающей сердцевине, где звучала на высочайших вибрациях одна из самых загадочных энергий в мире: та, благодаря которой мужчине и женщине дарована возможность почувствовать себя Единым Божеством...

В ямке на его шее, там, где были расстегнуты верхние пуговицы сорочки, блестела серебром цепочка с кулоном в виде доски для серфинга, и мне казалось, что эта доска, украшенная бриллиантовыми брызгами, скользит по волнам жара, исходившим от Эрнесто. И как же я завидовала этому кулону!

Мне безумно хотелось последовать совету песни и обнять! Без слов, без объяснений, а просто обнять, прижаться к его груди, обвить руками шею, почувствовать единство с ним, и сказать: мой, мой всецело и безраздельно!

Осознание факта, что это далеко не так, своей неправильностью и несправедливостью резало мне сердце, и всё, что я могла — это легко касаться в танце его плеча. Я чувствовала, как моя ладонь прожигала его до кости, распаяя еще сильнее сумасшедшее взаимное

притяжение, вспыхнувшее — что уж отрицать! — с первого взгляда, еще при приеме на работу, когда Эрнесто почему-то назвал меня ангелом, которым ему бы хотелось любоваться.

Не знаю, как я нашла в себе силы отступить на полшага назад. Единственное, что я могла себе позволить по отношению к этому табуированному мужчине, это признать очевидное:

— У вас завораживающий тембр, Эрнесто. И сразу видно, что это ваш родной язык. Только понимая каждое слово, чувствуя все смысловые связи и возможный подтекст, можно так расставить акценты, как это сделали вы. Благодарю вас, я... никогда не забуду этого бесценного дара.

— Знаете, Полина, вы очень чувствительная и... ослепительно красивая женщина, — с грустью в глазах произнес Эрнесто. Он отпустил мою ладонь, не смея настаивать на продолжении танца, но взгляда не отвел, а напротив, сделал его еще более пытливым.

— Это всё рождественские гирлянды, это они ослепляют, — попыталась оправдаться я.

— Нет, не вините гирлянды. Дело в ваших колдовских глазах... И слёзы ваши — искренние, не наигранные, не разумом сотворенные, а сердцем отданные. Это я должен благодарить вас. Никто еще никогда... так искренне... никогда... — он запнулся, не сумев договорить.

Мы стояли в глубокой тишине, не решаясь нарушить ее, и лишь поленья в камине да мерцание гирлянд вели свою чарующую игру на предметах интерьера, на лакированной крышке рояля, на жгуче черных волосах Эрнесто и в наших сверкающих глазах. Еще секунда и я бы пала к его ногам, предложив постыдное... предложив ему опорочить свою честь и честь его супруги. О своей чести я даже уже не заикаюсь. Представляю, что бы он подумал обо мне — о замужней женщине, предлагающей ему отношения на одну ночь... хотя бы на одну волшебную ночь!..

Надо было срочно взять себя в руки, но эта сказка никак не желала отпускать нас обоих: его необыкновенные светлые глаза искали во мне подтверждение и решимость, точно ответ на вселенски значимый вопрос, заданный не голосом, но душой. И я решилась.

— Эрнесто, я бы хотела кое-что рассказать вам. И мне безумно стыдно, что я не сделала этого раньше.

— Одевайтесь, — прервал он мою исповедь и, накинув на себя пальто, первым пошел к стеклянной двери, что вела на открытую террасу.

— Эрнесто, выслушайте меня, разговор очень важный! Он касается ваших бумаг, тех самых результатов исследований из института Планка, — не скрывая своего разочарования, выпалила я.

— Я знаю. Именно поэтому, прежде чем вы начнете разговор, я хочу вам кое-что показать.

Накинув шубу, я, пребывая в разрывающих сердце чувствах, послушно отправилась следом. Мы вышли на террасу, затем спустились по ступеням в сад с ледяными скульптурами, безмолвно прошли мимо экспозиций по тропинке к озеру, а там Эрнесто помог мне взобраться в «скандинавскую» мини-ладью и, включив двигатель, привел в движение это чудо инженерной мысли.

Сани шли практически бесшумно, и поначалу меня волновал вопрос о том, как они вообще двигаются, но легкий ветер вскоре изгладил из моей головы все тревожные мысли о

воздушной подушке под днищем и о скорости приблизительно в шестьдесят километров в час. Ветер трепал волосы прохладными порывами, и я последовала примеру Эрнесто: накинула капюшон, так как по мере увеличения скорости шапка не спасала от свистящих в ушах воздушных потоков.

Мы пересекли озеро, затем нырнули в долину и помчались вниз по склону. Там уже не было фонарей. Лишь редкие звезды и мягкий желтый свет ламп и фар нашей ладьи позволяли мне видеть улыбку Эрнесто, изредка бросавшего на меня взгляды. Он сосредоточено вел свой «корабль», а у меня захватывало дух: вокруг заснеженная красота гор, звездный вечер, огромная луна, эта несущаяся ладья среди безлюдных мест, волны снега, взбудораженные нашим плаваньем, и он со мной. Он!!!

Не имея ни единой мысли, куда вёз меня Эрнесто, я полностью доверилась ему, с отчаяньем понимая, что больше никогда не испытаю ничего подобного. Но тут пришло еще одно осознание: такое сильное чувство бывает только один раз в жизни. Что бы там ни вещали «мудрые» пожившие люди, но настоящая любовь дается исключительно единожды и, увы, далеко не всем подряд.

Я рвано выдохнула, запоздало осознав исцеление. И слёзы вновь заструились по моему лицу. Их срывал ветер, а я смеялась, изо всех сил держась за кресло и поручни, чтобы не лишиться чувств от счастья и несчастья одновременно.

Отныне я свободна и... несвободна.

Боже, я, оказывается, никогда не любила! И понять это удалось, не выбивая клин клином, абы с кем-то, абы как-нибудь, а лишь соединившись душами с конкретным человеком, посланным мне самой судьбой. Все мои поиски, все мои неудавшиеся попытки залечить себя, зализать раны, найти того, кто просто заполнит собой пустоту и скрасит одиночество и неизбежную старость — все эти тысячи стратегий и глупых идей умных людей ничтожны по сравнению с единственным искренним мигом и волной жара, накрывшей нас там, в каминном зале...

Но как теперь жить? Ведь если я расскажу ему, что свободна, это даст ему повод оступиться и загрязнить свою душу. И почему-то я была уверена, что Эрнесто, не раздумывая, сорвется со мной в эту пропасть убийственной страсти.

Новая волна осознания глубины своих чувств чуть не убила меня: я была готова и дальше лгать Эрнесто о своем замужестве, лишь бы он сохранил свою душу в чистоте, лишь бы безболезненно забыл обо мне, как о кратковременной вспышке, чуть не спалившей его брак.

Когда-то мне казалось, что я знаю, что такое любовь: это дарить радость по утрам, готовить ужин, плакать ночами, когда муж где-то задерживается... доказывать... убеждать... приводить примеры... прощать... понимать... оправдывать... обманываться... ждать, что вернется и одумается... убиваться в одиночестве, упиваясь своим горем.

Но теперь всё перевернулось с ног на голову. Теперь же самую большую ценность во всей Вселенной для меня представляла даже не жизнь Эрнесто, а его душа, его спокойствие и отсутствие угрызений совести. Что такое одна человеческая жизнь по сравнению с бессмертием души? Жизнь в любом случае закончится, рано или поздно, а душа продолжит своё существование, понесет дальше искаженный, исковерканный грехом свет, заражая Дух...

Я была готова раствориться ради Эрнесто, стать эфиром, стать незримой

хранительницей его души, лишь бы он сберег себя целостным, не разрывался, не падал туда, где так мрачно и холодно, туда, откуда он вызволил меня, подарив самое великое чувство в мире.

Для него я всего лишь ослепительно красивая женщина... Я не хочу ослеплять его, напротив, я желаю видеть его зрячим и здравомыслящим, а не опьяненным минутной страстью.

— Мы приехали, — вдруг донеслось до меня и я, очнувшись от своих мыслей, принялась оглядываться по сторонам.

Мы находились недалеко от ущелья, а над нами нависла скала, полностью покрытая снежной шапкой, отчего создавалось впечатление, будто некто гигантский приоткрыл для нас запретный вход в сокровищницу.

— Что это за место, Эрнесто?

— Иногда, чтобы познать Высшее, падают к низшему, — загадочно ответил Эрнесто и протянул руку, помогая мне выбраться из ладьи. Я ойкнула, провалившись в снег по икры, но Эрнесто быстро вытащил меня из небольшого сугроба, недвусмысленно прижав к себе.

— Я чуть не утонула, — нервно хихикнула я, поняв, что это первый раз за много-много лет, когда меня касается мужчина; когда он стоит не просто близко, а интимно прижавшись ко мне, и смотрит таким красноречивым взглядом, что у меня мгновенно задрожали колени.

— Здесь не очень глубоко, — пошутил он, — в случае беды, я бы нырнул следом. Представляете, как бы мы смотрелись, барахтаясь в двадцатисантиметровом снежном море?

— Да уж, по-взрослому! — я совсем разнервничалась, не зная как реагировать на близость, но хуже всего было то, что мне казалось, будто мой смех выглядит глупо и неестественно, как у какой-то школьницы-девственницы. Господи, да так почти и было! Кроме мужа у меня не было ни одного мужчины, а муж был так давно, что это уже представлялось сном, особенно вблизи Эрнесто.

Похоже, он это понял. Заботливо поправив мою шапку, Эрнесто улыбнулся своей фирменной улыбкой «на миллион» и, прислонившись лбом к моему лбу, вкрадчиво поинтересовался, почти касаясь губами моих губ:

— Не боитесь идти туда поздним вечером?

— Нет, с вами не боюсь, — «...даже Ада...», хотела добавить я, но вовремя замолчала, прикусив язык и опустив глаза.

— Так-так, очи долу и смущенный румянец, — шутливо прокомментировал он, и, взяв меня за руку, повел внутрь пещеры.

«Она испугалась... — без труда догадался я. — Но всё-таки что-то сдвинулось с мертвой точки. Теперь Полина готова к диалогу, к общению и откровенности, но ей тяжело даются прикосновения, и наш танец в каминном зале это доказал».

Господи, я ощущал себя коварным совратителем! Казалось бы, всё так просто: мы оба горим страстью, это видно невооруженным глазом, но она замужем, а я не могу держать себя в руках. Всегда считал, что мужики, пристающие к замужним женщинам, это полные козлы, а сам попался, практически потеряв бдительность...

А мне никак нельзя забывать о тонкой грани между решительностью и давлением, между проявлением инициативы и насильственными действиями сексуального характера. Если бы я мог влезть к ней в мозг, то это вряд ли решило бы проблему. Сегодня одно у нее на уме, завтра — другое, да и позволить себе данное вмешательство довольно-таки нелегко, это всё равно что переступить запретную черту, когда обратной дороги уже не будет.

Все эти женские «да-да, я тоже хочу и завелась...», а потом «ой, я что-то передумала...» в самый последний момент, когда ты стоишь, словно дурак, которого прокатили и нагло обманули, фактически психологически изнасиловали, забрали весь твой запал, энергетически выпили, после чего ты чувствуешь, как по крови невольно разливается яростная обида и жажда мести, желание забрать обратно то, что украли, так и не дав ничего взамен... Да и телу уже не объяснишь, ведь древние инстинкты берут своё, но почему-то надо усилием воли включать мозг, убирать руки и охлаждать свой пыл. Иначе мисс «Ой, я передумала!» просто обвинит тебя в изнасиловании, и жизнь полетит коту под хвост.

Когда кругом враги, то осторожность — это наше всё. По сути, любая девушка может сделать так, как, например, поступила с одним моим клиентом его подружка. Половой акт был? Был. По взаимному согласию? Несомненно, ведь она сама к нему приехала, сама разделась, сама выпила и принялась за соблазнение. А чем она потом по дороге в больницу разодрала себя — это так и осталось тайной, которую не смогла отгадать экспертиза. Еще повезло, что, благодаря экспертизе, удалось доказать, что конкретно те повреждения никак не могли быть получены при половом акте, иначе мужика бы посадили надолго, а весь его бизнес перешел бы к партнеру, который, к слову, и подослал ту мисс «пострадавшую».

Все богатые люди проходят одни и те же стадии: от эйфории мнимой свободы до осознания, как они собственноручно возвели себе строго охраняемую тюрьму, из которой при всем желании уже не выбраться. Это ловушка для избранных, для всех тех, кто обладает более высоким интеллектом или лидерскими способностями, или талантами, например. Как только свободомыслящему человеку — художнику в широком смысле слова — предлагают деньги, он мгновенно попадает в капкан обезличивания и бесконечного потребительства. Очень скоро раздутое эго известной персоны, по тем или иным причинам опасной для системы, заставляет человека прогибаться под «естественные» нужды и выполнять противные его сердцу заказы, дабы оставаться на плаву. Ведь это так страшно вновь упасть с небес на землю и оказаться бедным, бесславным и бесправным... И так человек, некогда способный изменить мир в лучшую сторону, вдруг теряет интерес к альтруизму и творческому процессу, облачаясь в робу денежного раба. Он больше не грезит о создании вещей ради справедливости, но лишь руководствуется меркантильными интересами. Ни о какой личной свободе речь уже не идет. Деньги — это рыболовный крючок цивилизации, и

чем больше у тебя их, тем острее и надежнее твой личный крючок. Как его ни назови, но это орудие сдерживания, подчинения и истребления. Многие фантазируют, будто с избавлением от товарно-денежных отношений, цивилизация вступит в полосу сверхразвития. Увы, это утопические мечты и красивые сказки тех, кто пророчествует о новом Золотом Веке при использовании квантовых технологий и сверхмощного искусственного интеллекта. Ибо любая техногенная грубо-материальная цивилизация обречена на самоуничтожение. Просто вскоре деньги заменятся иными ценностями, перейдут в другую форму, но оплата услуг останется. И то, чем вскоре заменят привычные деньги, будет гораздо страшнее золота и бумажек. В мышеловке иногда нужно производить замену приманки, и лучше, если она будет казаться бесплатной или сверхблагородной. У искусственного интеллекта множество достоинств, но нет основного: он лишен Совести.

А я? Разве я не лишен совести? Ведь даже если взять ситуацию с Полиной, то оказывается, я готов нарушить божественный закон, согрешить, ибо вожделею чужую женщину. И ладно, если бы мне изначально не было известно о ее замужестве, еще бы можно было оправдаться перед самим собой, но мне же это было заведомо известно. Хоть интуиция и говорит об обратном, но сама Полина утверждает, будто несвободна, а значит, мои попытки привлечь ее внимание — это давление на ее волю... И я бесстыдно давлю, пытаюсь произвести на девушку нужное впечатление; хожу, как павлин, выставляя напоказ всё это великолепие замка, этих саней, снежного вечера и даже больше — я собираюсь открыть Полине тайное... Ради чего такие жертвы? Что за инсайдерские глупости я творю?!!

Я оглянулся на Полину. Стоило поймать ее восторженный взгляд, как все мои сомнения будто рукой сняло.

«Что я сейчас делаю?! — витало где-то на задворках сознания, пока я помогал девушке выбраться из саней. — Занимаюсь идиотизмом. Хожу по лезвию бритвы, прекрасно зная, зачем с Полиной встречался Петрович. Разум всё понимает, но упрямое сердце не слушает его, да еще и тело поддакивает. Наверное, я просто хочу верить, что Полина согласилась на всё из-за страшного шантажа, которому, как я видел, ее подверг Петрович. Ведь изначально она отказалась от поездки, а значит, была веская причина, заставившая ее передумать. Да, я жажду откровенности с ее стороны, и как же я боюсь этой откровенности! Если я открою ей свою тайну, если она увидит всё своими собственными глазами и после этого солжет мне, то... То это будет удар ножом в самое сердце. И зачем мне это? Да затем, что я смертельно устал от жизни во лжи! Нет смысла жить и выдумывать, хитрить и изощряться, играя во все эти глупые игры. В конце жизненного пути подобные ухищрения вызовут лишь отчаяние и горечь отвращения к самому себе, но не радость и удовлетворение от правильно проведенного тут времени».

Удивительно, но Полина на самом деле не боялась идти со мной в пещеру. Она, может, и не боялась, зато я трепетал от страха. Ведь если я ошибся в ней, и она предаст меня после того, что увидит, я буду вынужден... убить ее. И понять, ошибся я в ней или нет, мне предстоит заранее, уже в этой пещере. Фактически, это равносильно вынесению приговора загодя, когда человек еще ничего не совершил. Сейчас от моих интуитивных способностей зависит жизнь этой девушки. Имею ли я право рисковать ее жизнью из-за эгоистичного желания быть с ней? Имею ли я вообще право любить и быть любимым? Или мой удел такой же, как и у подобных мне — вынужденное одиночество?

Нет-нет... я так не хочу... я вообще не понимаю, как можно брать согласие у ребенка, а

именно тогда это согласие у меня и брали — в самом нежном возрасте! Черти проклятые. Одни не лучше других. Ненавистная мышьяная возня власть имущих и всех этих оккультных обществ, что держат весь мир в своих кровавых руках. Первые используют одно, вторые — другое, но все они едины во лжи, которую льют в уши серым массам на протяжении многих тысячелетий. А иначе никак...

— Эрнесто, да ведь это не просто колонны! — ошеломленно выдохнула Полина, когда мы вошли в пещеру, и я привычно нащупал рубильник, включающий свет.

— Вас это удивляет?

— Еще как! Я таких... атлантов... никогда не видела... Гигантские! И от них невозможно отвести взгляд! Какая восхитительная работа! Они идеальны, как живые, но разве живые бывают настолько красивыми?.. И, что, они реально поддерживают свод пещеры или эти скульптуры тут исключительно ради красоты? Господи... сколько же они в высоту?!..

— Эти по пять метров. Когда спустимся ниже, вы увидите других.

— Ниже?

— Ну да. Вон по той лестнице.

— Что это за здание, Эрнесто? Это не похоже на пещеру, как мне изначально показалось.

«Ну, началось...» — внутренне напрягся я и, собравшись с духом, пояснил:

- Это не здание, Полина. Это настоящий подземный город. Миоцен, приблизительно восемь миллионов лет назад... Скальные подземные города известны во всем мире, но если повсеместно они представляют собой руины, то здесь... — и я широким жестом указал ей на площадь, что вскоре раскинулась перед нами, как только мы спустились на пару этажей ниже.

— Невероятно... — выдохнула пораженная видом Полина. — Вы не ошиблись в датировке?

— Ничуть.

— Тогда я не понимаю, кто это мог построить в те времена?

— Интересней вопрос не "кто?", а "зачем и почему?", — невесело отметил я, указывая ей на другие мегалитические статуи.

— Кто это? — широко распахнув глаза, озиралась по сторонам Полина.

— Конкретно эти статуи изображают ванаров. О них еще в «Рамаяне» написано. Эта такая мифическая раса разумных гигантских обезьян, и, судя по древнеиндийскому эпосу, они считались верными союзниками Рамы. Вот эти эффектные создания — многоголовые наги, разумные змеи, некогда обитавшие на этой планете, а вон те — производные от них, рептилоподобные люди.

Полина нервно хихикнула и, обернувшись ко мне, саркастично подняла бровь.

— Ну да, еще скажите, что рептилоиды существуют и это не выдумки конспирологов ради поднятия рейтинга некоторых политиков и отвлечения внимания масс от более насущных проблем.

— Мой отец поспорил бы с вами на эту тему, а я не буду, так как отвлекать внимание от насущных проблем кое-кто, действительно, прекрасно умеет, — уклонившись от прямого ответа, прошел я к противоположной стене, которая ничем не отличалась от других таких же пещерных стен, за исключением одного нюанса: стена служила скрытой дверью. — Полина, будьте добры, отойдите на пару шагов подальше. Меня сейчас просканируют, и тогда мы

сможем пройти внутрь.

— К-куда «внутри»? — отскочила назад Полина.

— Ну, вы же не думаете, что я привел вас сюда только ради того, чтобы показать древний город исполинов и все эти каменные мегалитические сооружения?

— А разве есть еще что-то более впечатляющее? — успела спросить Полина, прежде чем ее голос сорвался от волнения. В эту же секунду стена отъехала в сторону, и нам открылся широкий проход. Можно было бы поинтересоваться, а не передумала ли девушка, но передумывать уже было поздно. Обратный путь для Полины теперь только один.

Так больно прострелило сердце от укола совести...

«Проклятый эгоист! — кричало всё внутри меня. — Чем ты теперь лучше насильника?»

— Эрнесто... — прошептала Полина. Ее колотило от нервов так, что зуб на зуб не попадал. — Теперь мне действительно страшно.

— Пойдемте, — пригласил я, протягивая руку, — я покажу вам то, из-за чего идет такая дикая драчка за это место; из-за чего и вас втянули в эту опасную игру.

Войдя следом за Эрнесто в этот странный туннель, я, наверное, впервые поняла, что влипла, причем по-крупному. Неловкость уступила место инстинкту самосохранения, и я сама вцепилась в руку своего спутника, так вежливо протянутую мне навстречу.

— А это безопасно? Сам туннель и то место, куда мы направляемся? — сорвавшимся голосом, просипела я.

Глаза Эрнесто остановились на моем лице. Так и хотелось спросить, о чем он думал в тот момент, что за мысли витали там, за его зрачками... Немыслимое напряжение читалось в его взгляде, будто нечто клокотало внутри мужчины, но, запертое на ключ, не имело возможности вырваться наружу. Как-то само собой пришла мысль, что ничего хорошего меня не ждет, если неожиданно найдется ключ к этому жуткому замку. Отчего-то взгляд Эрнесто стал холодным, выжидающим, расчетливо-колким. Мне безумно захотелось убежать обратно, но дверь, так радушно впустившая нас в туннель, со страшным глухим звуком вновь срослась с пещерной стеной. На нас пала пугающая тишина, в которой я отчетливо слышала далекий звук капающей воды и биение собственного сердца. А больше ничего. Будто мы оказались отрезанными от всего мира, будто провалились в иное измерение, в некий карман.

— Полина, даже самое невинное приключение способно обернуться смертельной опасностью.

— Вы хотели мне что-то показать...

— Да, верно. Существуют легенды... возможно, вы слышали о них... В них говорится, что предыдущая цивилизация строила особенные города. По всему миру разбросаны руины, следы их повсюду. Мой отец знаком с ними не понаслышке. Точно также как и с тем, что подобные знания входят в разряд запрещенных. Вам известно, почему раньше строились города в виде многомерных звезд?

— С целью защиты? — неловко предположила я. Мало того, что рассуждать на данные темы не входило в мои привычки, так еще и место, и время, мягко говоря, не способствовали этому.

— Нет, Полина, даже общедоступная теория о якобы оборонительном характере построек высоких многоярусных поселений не выдерживает никакой критики. И военные это тоже прекрасно знают.

— Тогда какова причина? Почему именно такие формы?

— Форма звезды выбрана неслучайно. В древности умели слушать землю и ее воды. Уже тогда было известно, что структура молекулы воды при воздействии на нее музыки принимает форму звезды. И некоторые вирусы тоже, к слову. Одна разумная жизнь сражается с другой... На местах древних «звездных» городов построены все современные, особенно те, что превратились в столицы. Это не что иное, как энергетические установки, влияющие на пространственно-временной континуум, к тому же все они, как и пирамиды, напрямую связаны с подземными резервуарами воды, глубокими темными реками... И от того, чем их будут «заряжать», «питать», от этого зависит наше будущее. В прямом смысле слова. Беда в том, что практически все современные города превратились в вирусы. В своё время многие древние города подвергались если не пожарам, так намеренным разрушениям, якобы во время осады и битв, после чего их волновой диапазон, их музыка сфер менялась, перестраивалась, искажалась до неузнаваемости, и вся прежняя информация сжигалась. Это

еще одна причина, почему люди, живущие в крупных городах, постоянно болеют и чувствуют дискомфорт. Волновое загрязнение пространства пагубно влияет на здоровье, человек пребывает в электромагнитной ловушке, не позволяющей ему ни чувствовать мир, ни самого себя, ни трезво мыслить. К сожалению, всё это создано искусственно, намеренно. И за созданием образа мира, за его глобальной картиной, следят всего несколько групп на планете. Поток информации четко распределен по всем странам. Не думайте, что вы увидите в сети или по телевизору то, что запрещено. Нет, никогда, если только повезет и вы сможете урвать файл в первые секунды, пока боты не подчистят загруженную информацию. Кино, музыка, поэзия, проза, новости... — все регламентировано. Цензура строжайшая, всепланетная, как и пропаганда лже-ценностей. Мало того, что идет отслеживание людей в реальном времени: все эти соцсети с "конфиденциальным" общением, камеры, еда, вездесущие боты, радиация телефонов и «умных» часов на запястьях, которые вообще несовместимы со здоровьем, так еще и преследуется вполне конкретная цель: достижение цифрового бессмертия, загрузка всех имеющихся воспоминаний в роботизированное тело.

— Это еще зачем? — не веря, я потрясенно помотала головой. Как по мне, такой сценарий походил на бред из желтой прессы или на фантастический фильм, но никак не на реальное положение дел. И, кажется, Эрнесто сильно расстроился, точно рассмотрев во мне сомнения.

— Мир стоит на грани всепланетной катастрофы, — нехотя пояснил он, отчего я безумно пожалела о своем неумении скрывать правду. Что же я за тупица такая?! Откровенность — это вовсе не означает прямолинейность! Почему я никогда не могу вовремя заткнуться?

— Эрнесто, простите. Я так реагирую не потому, что не верю вам, а скорее это защитная реакция. Увидеть подобную пещеру, все эти статуи, попасть в какой-то пугающий туннель с отъезжающей дверью... я сейчас чувствую себя не хуже героини какого-нибудь фантастического фильма или крутой компьютерной игры. У меня всё это просто не укладывается в голове! О какой планетарной катастрофе идет речь? Их столько уже было предсказано, что не знаешь чему верить.

— Противоречивые предсказания — это всегда страшилки для широких масс, это рейтинг, курс валют, биржевые игры, спрос на товары и услуги, смена политических фигур. Предсказания — это еще один рычаг управления, не более. Узкий круг давно знает точную дату, время и место начала Конца. И, соответственно, те, кто в курсе, пытаются выжить. Ведь такое уже было и не раз. Только сейчас, имея опыт предыдущих ошибок, имея искусственный интеллект, на разгон которого тратится столько энергоресурсов, что людям хватило бы с лихвой еще на миллион лет, правящие классы пытаются изменить неизбежный конец их истории. Абсолютно все нелогичные или, наоборот, кажущиеся само собой разумеющиеся события, происходящие в мире в наше время, преследуют конкретную задачу: попеременная активация «звезд»-городов и волн в определенном диапазоне. Дома, скверы, планировка улиц, магистралей, парков, телебашен, прудов, храмов — всё это зарядные устройства, как на компьютерной микросхеме, если смотреть на город с высоты птичьего полета. Например, все сидят по квартирам в многоэтажке, построенной по проекту, прошедшему экспертизу в госорганах и получившему разрешение на строительство в этом конкретном месте, с заданными архитектурными, инженерными и планировочными решениями и характеристиками. Дом, как правило, имеет стандартные формы и размеры, построен из известных, далеко небезобидных материалов и расположен в окружении

трансформаторов. И люди — эти живые батарейки — генерируют энергию, а антенны передают туда, где ее собирают, аккумулируют... Таким образом включается и выключается целый регион. Всё остальное, что обычно приписывают современной политике, кое-где даже называя ее геноцидной, это лишь приятные бонусы для мелких развлечений. Главный результат известных телодвижений должен обеспечить выживание всего лишь нескольких групп. И всё.

— Допустим, — скептически скривилась я, — но какое отношение ко всему этому имеет ваш отель, Эрнесто?

— Прямое. Сейчас объясню. Когда-то еще Пифагор писал о некой музыке сфер, а также имеются древнеиндийские и древнекитайские трактаты на эту тему, не говоря уже о материалах, что хранятся в определенных кругах и на основании которых в мир периодически вбрасываются технические новинки. Их даже называют революционными технологиями. Вы наверняка заметили, что за время пребывания в отеле вам стало легче дышать, не так ли?

Удивленно похлопав глазами, я была вынуждена признать, что Эрнесто прав. Несмотря на всю нервную обстановку, мне почему-то невероятно легко тут. Если до этого я объясняла свою эйфорию красивейшим местом, горным воздухом и, разумеется, близостью самого Эрнесто, то после заданного вопроса быстро поняла, что дело в чем-то другом. Сгорая от любопытства, я уставилась на Эрнесто вопрошающим взглядом.

— Всё дело в этом месте, — повел меня вперед Эрнесто, крепко держа за руку. — Оно тоже построено на руинах древнего городка, что некогда возвышался над остальными поселениями. Это был многомерный, объемный, многоярусный город с высокими стенами, с удивительными установками, позволяющими не просто глушить вредные излучения и волны, но и настраивать их. Отсюда чувство спокойствия, расслабленности, умиротворенности и позитивного настроения. Не у всех, конечно, но лишь у тех, кого еще можно причислить к роду человеческому, причем правильнее даже сказать — прочеловеческому. Генетику-то не обманешь. Эти волны рассчитаны на определенный вид, на конкретные генотипы и кровь. Интересен тот факт, что древние установки глушат исключительно загрязняющие электромагнитный фон волны, природный же фон, известный больше как резонансы Шумана, они не трогают. Скрытые под землей вибрационные технологии прошлого генерируют волны, вгоняющие человека в трансовое состояние. На второй-третий день пребывания на территории отеля начинается расслабление сжатых мышц, уходят спазмы сосудов, начинается восстановление капилляров, характеристик крови. Ввиду отсутствия постоянной шумовой атаки все органы получают уникальную возможность возрождения до состояния органов здорового младенца, а через пару недель завершается полное исцеление организма, восстанавливаются все функции и клетки без всевозможных медицинских и операционных вмешательств. Тут за месяц совершенно реально вылечить абсолютно все известные заболевания, перед которыми официальная медицина бессильна. Но проблема в том, что полустественные местные генераторы волн ведут не только к полному возвращению физического и психического здоровья, но также еще и к ясности ума... Люди становятся иными, словно с их глаз спадает некая пелена, мешающая трезво смотреть на окружающий мир.

— Значит, те документы, о которых шла речь за столом во время бизнес встречи...

— Верно, документы, — выжидающе посмотрел на меня Эрнесто.

Мы остановились у выхода из пещерного туннеля. Впереди нас ожидал спуск по винтовой лестнице куда-то в тускло освещенное пространство, и что-то подсказало мне: пора, сейчас или никогда!

— Петрович шантажом заставил меня согласиться на эту поездку, — призналась я. — Он жаждет добраться до ваших документов. Но, насколько я поняла, ему важно увидеть, то ли подписи ученых, то ли саму лабораторию и отдел, где проводились исследования, потому что он не просил выкрасть документы, но всего лишь сфотографировать их.

Эрнесто спокойно воспринял эту информацию, даже иронично хмыкнул.

— Знаю, что вы сейчас думаете обо мне... — была готова разрыдаться я. — Если бы я могла отказаться, я бы это сделала, не раздумывая, но он шантажировал. Понимаете?!

— Он угрожал вам и вашей семье?

— Да! — закивала я, поначалу ухватившись за волшебный шанс оправдаться в глазах Эрнесто, но совесть взяла свое, и я пояснила: — То есть нет... Не совсем моей семье он угрожал. Это сложно объяснить. Но когда-то эти люди были дороги мне, и если бы я стала виновна, хоть и косвенно, в их гибели, то никогда бы себе этого не простила. И оставшиеся члены семьи мне бы этого точно не простили, потому что Петрович пообещал, что расскажет всем остальным, кто виновен, из-за кого убьют... Вот такая я эгоистка. Испугалась, что меня обвинят в чьей-то смерти, испугалась, что на моих руках будет чья-то кровь. Поэтому я из двух зол выбрала меньшее. Только теперь, слушая вас, я уже начинаю сомневаться в правильности своего выбора. Если то, что вы рассказываете — правда, то Петрович и те, с кем он за компанию, хотят нажиться на этом уникальном месте, не так ли? И люди — миллионы людей! — потеряют своих близких, любимых и родных, так и не получив возможность спасти их и излечить от различных заболеваний.

— Знаете, Полина, всегда найдутся те, кто в ваших чистых помыслах постараются разглядеть корысть. Всегда. И сколько бы вы ни пытались выглядеть хорошей, светлой, правильной и благородной, это бесполезно. Это пустой звук для людей с грязными душами и помыслами, а таких миллионы. Есть люди, у которых имеется совесть, а есть те, у которых ее просто нет, и никогда не было. Увы, но подлинная совесть — это генетическая предрасположенность. Те, у которых совести нет, имеют вполне определенные показатели крови. Я не утрирую. И такие люди не просто не понимают, но и физически не переносят людей честных и праведных, способных на альтруистические поступки, направленные на бесплатное всеобщее благо, красоту и гармонию, а не на прибыль. Алчные, корыстные люди ненавидят щедрых так сильно, что готовы разорвать их голыми руками. Эта вражда идет на генетическом уровне, никакая толерантность не способна урегулировать конфликт мировоззрения, ведь если одно существо видит в другом иной вид, то он автоматически записывает его в разряд врага, и дальше только вопрос времени, когда наступит кровавая бойня. Думаете, что меня не пытаются уличить в корысти? Да каждый божий день! Эти документы, которые я получил из института Планка и еще из двух из других университетов — бесценны для человечества. В них доказательства, но в них же и моя гибель. Уже трое ученых, проводивших исследования по моей большой и секретной просьбе, погибли при невыясненных обстоятельствах, а еще один якобы совершил самоубийство. Но никто из них так и не выдал результаты исследований убийцам, раз эти документы всё еще сохраняют свою значимость. Это были люди с большой буквы, настоящие бесстрашные герои, а не те, кому обычно ставят памятники и дают Нобелевские премии.

— Тогда почему не трогают вас? С какой стати подобные церемонии? Из-за вашего состояния?

— Нет, что вы! Мое состояние не такое уж и большое. Оно даже позорно ничтожно по сравнению с тем, что бывает. Дело не в денежном достатке. Моя ценность измеряется в ином эквиваленте. Я — один из двенадцати, кто может консультировать — не хочу называть какой круг — по некоторым весьма странным вопросам. Меня нельзя трогать и причинять увечья до тех пор, пока я не стану явной угрозой.

— Тогда останутся одиннадцать...

— Нет, тогда придется менять всех консультантов, а дело это весьма трудоемкое и опасное. Впрочем, это долгий разговор и совершенно лишний сейчас.

Я ахнула, зажав рукой рот, теперь уже четко осознав, насколько всё серьезно и масштабно. Пронзившая меня ледяная стрела, так и пригвоздила к пещерному полу, а мысли застывали в перепуганных птицах, попавших в смертельную ловушку.

Эрнесто опустил взгляд, посмотрев на наши сцепленные руки, и горько усмехнулся:

— Так вот... Я долго искал это место, знал, что еще не все подобные места на планете «вирусованы», а найдя, вцепился мертвой хваткой и сделал всё возможное и невозможное, чтобы оформить права на территорию. Сначала никто не мог понять, в чем дело, я мастерски разыгрывал из себя молодого миллиардера, решившего расширить бизнес, но позже, когда поползли слухи о чудесных исцелениях...

— Вам приказали отдать отель?

— Да, но я проявил ужасную глупость, не согласившись добровольно отдать в руки картелей это уникальное место. Тем самым я поставил свою жизнь на шахматную доску. Игра идет, я уже не могу остановиться, и следующий ход за мной. Мои оппоненты ждут, они наготове, а мне не хватает смелости...

— Не хватает? — искренне изумилась я. — Я не знаю никого, кто бы смог противостоять в одиночку таким силам.

— Вы мне льстите, Полина.

— И в мыслях не было.

— Да бросьте, так поступил бы каждый на моем месте, если в нем осталось хоть немного человечности. Просто кто-то создает приюты, питомники, заповедники, лесные закрома или пытается очистить водные ресурсы своими силами, а я хочу сохранить нетронутым последний генератор здоровых волн. Так что я мало чем отличаюсь от других, подобных мне.

— Очень сомневаюсь, Эрнесто. Видите, я же не смогла противостоять, я испугалась, повелась на шантаж и только сейчас открылась вам.

— Но вы собирались сделать это в любом случае. И что особенно радует, вы и представить себе не могли то, о чем сейчас узнали. Это говорит о вашей искренности и бескорыстии.

Меня никто еще так не хвалил. Почувствовав невыносимое смущение, я поспешила перевести тему в нейтральное, как мне казалось, русло, подальше от перехода на личности, потому что ладонь Эрнесто жгла мою, словно раскаленное железо.

— Так что же получается, Эрнесто, этот отель способен стать величайшей здравницей в мире?

— Именно так. Мне нужны были деньги VIP персон не столько для привлечения спонсоров, сколько ради отвлечения внимания. Но я не очень долго кормил узкий круг

правлящих сил сладкими обещаниями, дескать, этот отель так и останется исключительно VIP-зоной. У них имеются свои методы, чтобы буквально залезть к вам в голову и выудить всю информацию, если не через интуитов, так с помощью физического воздействия. До поры до времени мне удавалось лавировать, а потом настал момент, когда пришлось ответить прямо. И, как вы понимаете, никого не привел в восторг мой ответ.

— И каков был их вопрос?

— Будут ли вылечены они и члены их семей.

— И?

— Нет, не будут. И это даже не от моего желания зависит. Видите ли, Полина, этот отель построен по старинным чертежам, буквально восстановлен по древним барельефам, фрескам и летописям. Все его корпуса, зоны отдыха, бассейн, спортзал, теннисный корт, поле для регби и поло и всё остальное имеют своё предназначение в зависимости от волнового диапазона. Например, определенные ритмы от четырех до семи герц соответствуют состоянию неглубокого сна или же глубокой медитации. В данном состоянии происходит снятие психологических блоков и проникновение в подсознание. Подобные волны как раз в жилых корпусах, спальнях, как мы их тут называем. Усиление же альфа-ритмов оказывает положительное воздействие на организм: в человеке просыпаются эйфория, вдохновение, творческие способности, и наступает то, что называют расширением сознания. Так человек становится Творцом. Бета-ритмы приводят к состоянию стресса и целенаправленным гормональным реакциям. Например, определенные гормоны поворачивают необратимые последствия страшных заболеваний вспять или, наоборот, если распространять нужные волны, то можно заразить людей, включить внутри них те или иные заболевания. У каждого заболевания имеется свой диапазон, свои частоты, как и у внутренних органов. Всё давно известно и задокументировано, это как таблица умножения, которую никто не оспаривает, но и не хвалится, мол, знает ее. И этим процессом легко управлять дистанционно, поверьте. Гамма-ритмы в свою очередь активируют не только щитовидную, но и шишковидную железу, а это ведет к ясновидению, телепатии, телекинезу и общему просветлению. В таком случае человек становится если не многомудрым Богом, то отличным магом. Все значимые энергетические центры — или как их принято называть: чакры — человека имеют свои частоты и звучание. Это доподлинно известно еще с древнейших времен, а в настоящем времени подтверждено экспериментально. На основании полученных данных разрабатывается оружие массового поражения. Оно обкатывается на закрытых полигонах, затем — во время военных конфликтов, а после успешно применяется на мирных гражданах. Уже много лет. Не нужно думать, будто данная местность интересна определенным картелям исключительно своими возможностями производства — той же плавкой и резкой камня инфразвуком без лишних усилий и энергетических затрат. Если картели контролируют все производство в мире, весь потребительский рынок, приказывая создавать вредные товары с ограниченным сроком годности, заваливая всю планету отходами и радиоактивными свалками, то нетрудно догадаться, что их основная цель не только нажива.

— Вы имеете в виду преступные картели?

— А разве бывают другие? — пошел к лестнице Эрнесто, ведя меня за собой.

— Ну, есть же монополии, есть конкуренция на рынке, экономика разных стран...

Ироничный смех Эрнесто отразился глубоким эхом от пещерных стен и утонул где-то в

темноте, внизу, куда мы и спускались по винтовой лестнице.

— Нет никакой экономики разных стран, как и золотых запасов. Всё давно вывезено, — подал мне руку Эрнесто, когда мы спустились с последних ступеней. — Конфронтация на рынке — не больше чем игра на публику. Мнимая конкуренция рождает спрос на товары и образуется так называемый экономический рост ради роста. Никому не нужно столько товаров, сколько их выпускается ежеминутно. Вы только вдумайтесь в это: ежеминутно в мире выпускается какой-нибудь новый товар! С уже ограниченным сроком годности. Ваш телефон или холодильник никогда не проработают больше срока, установленного производителем. Разве что только чудо им в этом поможет. И с каждым годом срок этот уменьшается. Если раньше лампы могли светить сотню лет, то сейчас им установили ограничительное правило: не больше одной тысячи часов. И никто, ни один производитель в мире не рискнет выпустить товар, который не обеспечит ему приток покупателей, возвращающихся за новой партией. Невозможно винить его в этом, ведь рискни он наладить подобное производство — пусть даже себе в убыток — как его сразу же уберут. Цивилизация, помешанная на наживе, на бесконечном потреблении ресурсов, жрущая и, пардон, срущая, подвела мир к последней черте. А тем временем планета загрязняется ядовитыми отходами, которые она уже не в силах переработать, кроме как с помощью масштабной катастрофы, где должен быть огонь такой мощности, что спалит абсолютно всё, что имеется на континентах, но тогда испарится и вода в реках и океанах, сожжется атмосфера, начнется цепная химическая реакция.

— Интересная мысль, Эрнесто, — задумалась я. — Получается, что каждый мой новый дорогой гаджет, каждая купленная «нужная», «удобная» бытовая мелочь — это моя личная лепта, мой индивидуальный ядовитый, радиоактивный вклад в смертельное, необратимое загрязнение планеты?

— Именно так. Мы приносим в свой Дом по имени Земля всё новые и новые отходы. Сами. Представляете? Нас никто не заставляет, а мы сами это тащим и тащим, складуем, утрамбовываем. Целые острова радиоактивного мусора, от которого заражается и мутирует всё, что окружает это место. Чистых мест на планете практически не осталось, ведь нельзя забывать о круговороте веществ в природе.

— Никогда не смотрела на ситуацию с этого ракурса. Я, наверное, как и многие потребители, винила в свалках транснациональные компании, правительства, городские службы, жадных депутатов — «слуг» народа, но ни разу саму себя. Сейчас вспоминаю, сколько же в моем доме ненужных вещей, которые запросто можно было бы не покупать, а делать всё своими руками. Зачем мне гаджет, который считает мои шаги, пульс? Зачем мне навигатор и две камеры?

— В том-то и дело, Полина. Начнем с того, что производителей всего этого лишнего барахла не заботит ни качество, ни долговечность. Наоборот, их интересует умышленная порча, уменьшение срока годности товара, но больше всего этого их интересует сбор данных. И они уже совершенно одурели в этом стремлении!

Мы прошли в сумерках несколько десятков метров, и вскоре оказались в длинном, тускло освещенном пещерном зале. По его краям неслышно текли узкие реки, со стен капала влага, но сырости не ощущалось. Напротив, мне стало так комфортно и уютно, что я невольно разулыбалась.

— Вот видите, как тут удивительно, — улыбнулся в ответ Эрнесто. — И такое сказочное место желают прибрать к своим жадным рукам очень многие личности. Помимо

физического здоровья и долголетия, оно дарует еще и власть над миром, над людьми. Ведь если человек станет здоровым, если наладит работу своих внутренних органов и систем, всей энергетики, приложит элементарные умственные усилия, тогда он превратится в опасного врага, которым управлять крайне сложно.

И тут моему взору предстала ошеломляющая картина: Эрнесто протянул руку, и несколько камней, что лежали на «берегу» подземной речки, повинаясь его движениям, поднялись в воздух.

— О, Господи! — отскочила я в сторону.

— Не пугайтесь! Я такой же обыкновенный человек, как и вы. Попробуйте сами. В этом нет ничего сверхъестественного. Это всего лишь влияние волн. Они действуют так, словно некий волшебник дистанционно вправил вам все съехавшие позвонки и диски. Но на самом деле сейчас просто происходит гармонизация и запуск вашего энергетического потенциала. Попробуйте, не бойтесь.

— А если я...

— Что? — напряженно и даже испуганно посмотрел на меня Эрнесто.

— Если я отношусь к той категории лиц, чей генотип остается глух к местному воздействию и чудесам?

— Вы даже не представляете, как я сам переживаю из-за этого. Но молюсь за вас всем сердцем!

И я послушалась. Протянув руку, я задала, пожалуй, самый нелепый вопрос:

— А что нужно делать?

— Ничего. Просто ощутите связь с тем камнем, со всеми его молекулами, с невидимыми линиями, которые его держат, и мысленно поднимайте. Не стоит сильно напрягать мозг, наоборот, расслабьтесь. Я уверен, что не ошибся в вас. А вы верите мне?

— Верю.

С опаской, всё еще не в силах принять реальность, я постаралась сделать так, как советовал Эрнесто, и тут нечто полыхнуло внутри меня. Помимо поднявшегося камня, мне открылось видение во всех цветовых спектрах: все линии, о которых говорил Эрнесто, все вихри, вихри и частицы закружились вокруг меня, и я, прожившая столько лет, по уши запутавшаяся в своих глупых идеях, впервые увидела Жизнь.

И всё пустое растворилось, померкло... Какая карьера, глупые цели и жизненные задачи?! Какой бывший муж и сердечные раны? Какие деньги и благосостояние? Боже, всё это так ничтожно... Вот оно: истинное Благо-Со-Состояние — пребывание среди невидимых доселе полей и звуков, цветов и ощущений, атомов и — разумных!! — электронов, протонов, нейтронов... Воистину, смерти нет, но лишь переход в иные формы существования...

Задохнувшись от восхищения, я перевела взгляд на Эрнесто. Он стоял с открытым от удивления ртом и, сведя к переносице брови, тревожно рассматривал меня.

— Я вижу вас, Эрнесто! — восторженно выкрикнула я. — Я вижу вас в цвете! Немыслимо, как это красиво! Что со мной происходит?!

— Световое тело. Его активация.

Минут пять я не мог поверить своим глазам и успокоить мысли, рвавшиеся вперед. Обгоняя друг друга, будто бегуны, соревнующиеся на короткой дистанции, мысли хаотично вспыхивали в моей голове, одна идея порождала другую, едва первая успевала спрятаться в темноте моего внутреннего космоса. Знать, что световое тело вполне возможно проявить в этом тяжелом, материальном мире — это одно, а вот видеть его и осознавать то, что видишь — совсем другое дело.

— Я знал! — ликовал я, во все глаза разглядывая Полину.

Девушка не просто светилась, она полностью преобразилась, как внешне, так и внутренне. Передо мной сияла богиня.

— Это всего лишь воздействие сил... — улыбаясь, осматривала свои руки Полина. — Такое восхитительное чувство сопричастности всему живому! Эрнесто, как же я сейчас счастлива! Понимаете, я чувствую себя, точно нахожусь внутри Света, одновременно являясь Им. Вы верили в меня... вы верили!..

Тут я потупил взор, устыдившись тех мыслей, что еще недавно блуждали в моей голове.

— Полина, я должен признаться вам...

— Что вы сомневались насчет меня, да? — опередила меня девушка, сверкая звездной улыбкой.

— Эээ... нет, не только в этом. Дело в том, что... с первой секунды, как только я увидел вас, когда вы пришли устраиваться на работу...

— Да?.. — в ожидании чуда еще шире распахнула свои очи эта дивная красавица, а я почувствовал себя так скверно, будто являлся грязным оборванцем перед Царицей Мира, не достойным даже стоять рядом, не то, чтобы признаваться ей в своих чувствах! И вместо того, чтобы сказать то, что лежало на сердце, я увел тему в другое русло:

— В первую же минуту я узнал вас.

— В смысле «узнал»?

— Пойдемте. Я покажу, что я имею в виду.

Подведя девушку к пещерной стене с глубокой нишей, я указал на то, что считалось самой загадочной вещью в этом подземелье. Там, нежась под мягким желтым светом негасимых светильников, в бесшовном стеклянном ящике, содержащем уникальную газовую смесь, хранился холст.

— Что это? — изменившись в лице, опешила Полина.

— Не видите сходство?

— Эрнесто, я не понимаю... Кто художник? Когда? Я не позировала никому...

С любовью прикоснувшись к стеклу и повторив пальцем мягкие линии портрета, я собрался с духом и раскрыл тайну:

— Художник весьма известен. Это портрет кисти самого Леонардо да Винчи.

— Не может быть... — выдохнула Полина, и ее сияние засверкало с такой интенсивностью, что мне пришлось зажмурить глаза. — Откуда у вас этот холст? И как вы можете быть уверенным, что это не современная подделка?

— Я уверен на все возможные проценты. Этот портрет хранился в тайниках древнего Ордена, передавался из рук в руки под клятвами на крови.

— Мне казалось, у Леонардо совсем другой стиль. Здесь явно современное лицо. Боже

мой, как фотография! Только платье — вернее его видимый верх — старинного фасона.

— Это еще не всё, — внутренне подобрался я и, нажав на кнопку, привел в действие механизм, переворачивающий витрину с холстом другой стороной. На обороте виднелся второй портрет. Мужской.

— Да вы разыгрываете меня, Эрнесто! — засмеялась Полина. — Это же вы!

— Вы хотели знать, почему меня не трогают и терпят все мои выходки, в то время как другим и меньшего не прощают. Дело не только в моей консультативной работе, не в том, что я был завербован сразу в два противоборствующих лагеря еще в детские годы, а именно в этом портрете. Самое удивительное в нем — это даже не идентичность внешности, а то, из чего состоит краска. В частности красная. В ней содержится кровь, и она полностью совпадает с моей по всем известным характеристикам. Каким образом — никто не ведает.

— А моя сторона? Вернее, не моя, а той девушки, что похожа на меня, как две капли воды — там тоже кровь?

— Верно.

Полина замолчала. Ее щеки пылали, в глазах застыл страх, а световое тело поблекло, почти рассеявшись в полутьме.

— Я боюсь спросить... Вы знаете, кому принадлежит эта кровь? Вы знаете формулу ДНК этой девушки с картины?

— Наизусть, — подтвердил я. — Но тут, опять же, загадка... Помните, я попросил вас пройти медицинское обследование?

— Вы сказали, что хотите оформить на меня страховку в одной из лучших частных клиник.

— Да, это был предлог, чтобы получить расшифровку вашей крови. Могу успокоить вас: она не совпадает с той, что на картине. Вероятно, по этой причине вас никто еще не обнаружил, никто не завербовал, никто не...

— ...попытался убить, — закончила мою мысль Полина и, отвернувшись от полотна, посмотрела мне в глаза: с вызовом, с требованием дать честный, искренний ответ. — Эрнесто, вы привезли меня сюда, чтобы убить? Как ту, что похожа на девушку с портрета внешне, но не соответствует ей по характеристикам крови, не так ли?

У меня мгновенно пересохло во рту, и я судорожно принялся сглатывать, чувствуя удушье. Лгать не имело смысла, да и непозволительно лгать в таком месте. Зачерпнув из подземной речки студеной воды и умывшись ею, я заставил себя сказать всю правду:

— Вы сделали верный вывод. Так и есть. Точнее так было! Сейчас всё изменилось... После того, как вы пришли ко мне на работу — что само по себе удивительно, ведь вы нашли меня, а это, согласитесь, совсем непросто в большом городе! — я делал всё возможное, чтобы отсрочить этот момент.

— Почему меня нужно убить? — глухим эхом отозвался вопрос Полины.

— Я не знаю. Возможно, в Ордене опасаются, что вы, обладая внешним сходством с изображенной на портрете девушкой, каким-то образом завладеете способностями, предназначенными лишь той, которая имеет право... которая должна...

— Что?

Мне казалось, что это так просто: взять и всё рассказать. А на самом деле, каждое слово приходилось буквально вырывать из себя. Потому что вот так, смотря человеку в глаза, очень трудно сказать, что он или она является потенциальной угрозой.

— Давайте присядем, Полина. Вот сюда, на эти камни. Прошу вас.

Судя по энергетике девушки, она находилась в шоковом состоянии. Сначала страх неизвестного, затем эйфория, а теперь вот это... И даже мощные энергетические волны, обычно вводящие всех людей в трансовое состояние, были не в силах отключить недоверие по отношению ко мне, что с каждой секундой всё увеличивалось и увеличивалось.

— Существуют силы, которые вопреки расхожему мнению правят этим миром. Хотят это признавать скептики или нет. Те люди, которые владеют большим объемом информации, станут высмеивать подобные темы лишь с одной целью: чтобы скрыть правду. В остальных случаях все пересмешники — либо заказные, либо непроходимые глупцы, либо зомбированные граждане, которым вполне успешно сделали обрезание не только памяти, но и логики. Иного тут не дано. В определенных кругах сильно засекреченных Орденов — а не тех, что у всех на слуху! — проводят специальные ритуалы. Не хочу касаться тех ритуалов, что в обиходе называются черными мессами. Обычно подобными вещами занимаются служители...

— Дьявола, — подсказала побледневшая Полина, с силой сцепив свои руки на коленях.

— Мм... да... можно и так сказать. Проблема в том, что дьявол дьяволу рознь. Слишком много искажений за последние века, слишком много лжи. Она слоями накладывается на древнейшие законы мироздания, дабы извратить то, что когда-то было живым; то, что когда-то было созвучно со всем космосом. На самых низших ступенях проводят ритуалы, обеспечивающие исключительно личные потребности неофитов. На более высоких ступенях исполнители выступают лишь в роли посредников, а на самых высших — посредниками предстают уже целые города, народы, континенты... Это долго и муторно объяснять. Нас же с вами сейчас интересует несколько другое. Дело в том, что наряду со всеми этими страшными ритуалами существует еще и так называемый ритуал разделения духа. Надо признать, что это малоприятная вещь и крайне болезненная, в первую очередь психологически очень трудная. Иногда те, кто прошел подобный ритуал, не просто выходят из-под повиновения, но и исчезают. А затем появляются в других местах.

— Вы хотите сказать: рождаются?

— Не обязательно. Могут и просто... исчезнуть, а затем появиться. Спустя столетие или пять.

— Я не верю в такие вещи, — замотала головой Полина.

— Вас же зовут Аполлинария, не так ли? — не выдержал я. — Это неспроста.

— Откуда вы знаете?! — вскочила на ноги Полина. — Вы... Вы... копались в моих документах?!

— Нет-нет, что вы! Я не какой-то там домушник. Но так вышло, что мне пришлось узнать о вас кое-что, — попытался успокоить ее я.

— И что вы узнали?

— Помимо вашей медицинской карты? — разнервничался я, так как подходил к самому важному: к неполному досье моей загадочной леди. — По сути, не так много. Мне известно, что вы поменяли имя, фамилию... после того, как развелись. Развод дался вам крайне тяжело, так как вы посещали различных психотерапевтов, пытались заниматься самолечением и самовнушением, затем вдарились в религию, но успели разочароваться в ее целительной силе, отчего примкнули к секте славянофилов. Пару месяцев попрыгали через костры, сшили себе на заказ нарядный сарафан и кокошник, но так и не явились на очередную встречу. Несколько лет вы сидели без работы, переезжали с одной съемной

квартиры на другую, пытались завести роман с маркетологом, после него был парикмахер, потом продавец-консультант и коучер по ЗОЖ... Все ваши несостоявшиеся романы заканчивались на стадии переписки, фактически не успев начаться.

— Откуда такие сведения?! — закричала Полина, мгновенно придя в бешенство. — Это нарушение всех моих прав и свобод!

— А вы думаете, что, выкладывая в сети свои фото, вы не участвуете в сборе данных для вашего же личного досье? Вы хоть читаете соглашения, которые необдуманно подписываете? Собственно, у вас и без подписки отберут все ваши данные. Если раньше письма вскрывались и читались, то глупо сомневаться, будто сейчас, в век, когда для этого уже не нужен штат сотрудников в каждом отделении почты, никто не станет отслеживать ваши мысли и разговоры. Стоит всего лишь немного заплатить, как «личное» досье ляжет на стол любому покупателю, заинтересованному в данной информации. Там абсолютно всё: ваши письма, комментарии, лайки и переговоры, паспортные данные, чеки, билеты на концерты, заказы продуктов и полный список средств личной гигиены, медикаментов, все ваши запросы в сети, все интересы, пусть даже мимолетные. Там же образцы вашего голоса с разной интонацией, психологические и логические выводы, мировоззренческие взгляды, политические убеждения, пристрастия в еде, там вся ваша ложь и вся ваша правда. И одно от другого легко отделяется с помощью умного алгоритма. Поэтому ваш электронный, цифровой двойник даже более чист и открыт, чем вы сами в реальной жизни. Люди так боятся цифровизации, а она уже давно наступила, просто мало, кто успел заметить, как проглотил рыболовный крючок. В данный момент происходит демонтаж биологической формы жизни. Если естественно-рожденные существа, резонирующие с ритмами Земли, всё еще по привычке считают, что их бессмертие — в их потомках, то иные существа видят своё бессмертие в цифре.

— Бессмертие в потомках... — медленно повторила Полина и перевела озаренный пониманием взгляд на картину. — Это же образное выражение, подразумевающее общечеловеческое бессмертие, как всего вида в целом. Я правильно понимаю?

— Не совсем. Это нас приучили так думать. А на самом деле для тех, кто по-настоящему осознан, бессмертие в прямом смысле заключается в потомках. Потому что придет день и час, когда умерший предок будет призван своими потомками для возрождения. И от того, что сейчас он вложит в своих детей, внуков, правнуков напрямую зависит его благосостояние в будущем рождении, когда он или она родится в своей же семье в качестве прапраправнука. Я сейчас не имею в виду деньги и богатства, хотя каждому, наверное, будет приятно родиться в семейном гнезде ухоженного родового поместья, в какой-нибудь уютной усадьбе, где рядом стоит всё тот же могучий лес и журчит чистая тысячелетняя речка, но я всё-таки имею в виду несколько иное. Те духовные ценности, которые мы сегодня вкладываем в наших детей, те семейные традиции, которые прививаем: разумное и бережное отношение к собственному здоровью, отношение к окружающему миру и само мировоззрение — всё это со временем и станет колыбелью для нас самих. Увы, с приходом на Землю полноценного цифрового вида подобное бессмертие будет уже невозможно. Кто-то этому обрадуется, ибо изначально не перерождался, а другие... другие будут просто стёрты или перезаписаны системой, в которой не найдется места ошибкам и отклонениям, в том числе проявляющимся и в творческой энергии. Цифра — это не аналоговое вещание, цифра гораздо ущербнее и ограниченнее, она не допускает

расхождений в показателях, ее возможности строго регламентированы. И это наше будущее, которое просто замкнется, как запись на повторе, как заезженная пластинка. Рано или поздно искусственный интеллект исчерпает свои возможности. И что тогда? Сейчас мы сами, своими собственными руками, загоняем себя в ловушку. Тем интереснее вы...

— Я?

— Приблизительно год назад вы удалили все аккаунты, практически перестали пользоваться телефоном и вести по нему какие-либо переговоры со своими малочисленными подругами, сменили модель телефона на самую старую, кнопочную, отчего стали посмешищем в глазах всех молодых людей. Но это вас не смутило. Вы перестали ходить по врачам и задавать вопросы в поисковых системах...

— Что еще вы обо мне знаете? Может, скажете, какого цвета я предпочитаю нижнее белье? — иронично хмыкнула Полина, скрестив руки на груди.

— Красного, вы предпочитаете нижнее белье красного цвета. Или белого. Но никогда не берете черного, зеленого, синего, телесного...

— Хватит! — вспыхнула девушка. — Да как вы смеете?!

— Вы сами спросили.

— Я не просила рассказывать вас обо всем этом. Я вообще не просила, чтобы вы появлялись в моей жизни!

— А кто сейчас в вашей жизни, Полина? — леденя, задал я свой самый важный вопрос.

— Разве всевидящее сетевое око еще не доложило вам? — съехидничала она, но предательские слёзы уже успели сорваться с ее пушистых ресниц.

— Нет, там отсутствует информация о вашем сожителе. Вы крайне осторожны в последний год.

— И вы не попытались выяснить это другим способом?

— Я не посмел. Мог бы, но не посмел. Мне хотелось сохранить за вами право на личную жизнь, чтобы вы владели своей тайной единолично. Но если захотите поделиться, то я с радостью приму этот дар — ваше откровение.

Полина попыталась утереть слёзы, да вот только это оказалось нелегко: интенсивность слёзного потока грозила перерасти в настоящий Ниагарский водопад. Но тут, сквозь сдавленные рыдания, я услышал отчаянное:

— Я неудачница, Эрнесто! Самая большая неудачница на свете. Мне всегда и во всем не везло. И когда он обратил на меня внимание...

— Кто?

— Мой бывший муж. Я даже не поверила своему счастью. Ведь всю жизнь я вызывала лишь недовольство у своей матери. Она постоянно твердила мне, что нужно стать лучше... красивее... умнее... вежливее... быть более понимающей... Все ее пожелания в мой адрес — это пожелание кем-то стать. Это не признание того, что я и так кем-то являюсь: кем-то дорогим для нее, ценным. Нет. Она не упускала случая сравнить меня со всеми подряд. И это сравнение ни разу не было в мою пользу. Ни разу! Максимум, если ей кто-то хвалил меня, она могла поджать губы и скупой улыбнуться, якобы скрывая гордость за дочь. Ведь это неприлично выставлять напоказ гордость!

Я слушал внимательно, но предчувствие — такое неприятное, холодное, темное, колющее, что мне придется худо от полученной информации, уже не покидало меня. Полина горестно всхлипнула и продолжила откровенничать:

— Мать охарактеризовала меня по полной программе! Стоило ей узнать, что я начала

встречаться с молодым человеком, как в ее глазах я побывала и шлюхой, и тупицей, и неблагодарной тварью. Я всё равно вышла замуж в восемнадцать лет, лишь бы начать жизнь с чистого листа с тем, кто меня любил, как мне тогда это казалось. Но вскоре он, на правах того, что был чуть старше меня, начал «раскрывать мне глаза». И вновь я услышала, какая я неправильная! Ведь, по его мнению, моя мама — заботливая женщина. Ее не выбирают, ее нужно принимать такой, какая она есть и не пытаться бороться с ней, не пытаться ее изменить, что-то объяснить, а скандалить и обижаться — и вовсе бессмысленно. Я прислушивалась, ведь муж был практикующим молодым психологом, а я всего лишь студенткой второкурсницей юрфака. Так он периодически «лечил» мне мозг на протяжении трех лет, всё глубже и глубже погружая меня в чувство неудовлетворенности самой собой, в чувство собственной никчемности. Умелыми словами, незначительными поступками меня всячески выводили на скандал, а после обвиняли в эгоизме с обязательными отсылками на то, что «не я один так говорю, твоя мама тоже считает... Ты слишком зациклена на себе, ты гиперэгоистична, Полина! Почему ты должна быть центром чьей-то Вселенной? С чего бы это?.. Почему тебя надо постоянно хвалить?». А в последний год нашей совместной жизни он начал откровенно смеяться надо мной, проводя занимательные эксперименты, применять разные психотехники, где я служила ему лабораторной крысой. Я терпела, ибо была уверена, что если опять начну скандал или разговор про развод, то мне тут же напомнят о моём эгоизме. Боже мой, меня в нем настолько мастерски убедили, что дошло до того, что я стеснялась попросить сойти с моей ноги другого попугайчика, если в общественном транспорте мне отдавливали ногу! А все мои невольные слёзы объяснялись одинаково. «Нет-нет, это не душевная боль, Полина, — часто успокаивал меня муж. — Это всего лишь твоя личная проекция. Большинство людей совершенно не желают причинять тебе боль, но, видя твой вызов, твоё желание быть жертвой, не могут упустить столь великолепный шанс выступить в роли твоих Учителей, Наставников, посланных тебе свыше». И я верила. Верила, понимаете, Эрнесто?! Верила во всю эту чушь, будто все люди вокруг меня замечательные, а те, которые плохие, грубые, заносчивые — это всего лишь моя проекция, они якобы просто отзеркаливают меня. Я убеждала себя, что нет плохих людей — все люди разные, многогранные существа... Однако что-то внутри меня спорило, что-то клекотало и восставало, шепча: «это не так!». Муж сразу же объяснял мне это с точки зрения медицины и официальной науки, приписывая мне такие диагнозы, с которыми просто опасно жить среди людей и ходить без смирительной рубашки.

— И, что, ни одна ваша подруга?..

— Нет. Ни одна, Эрнесто. Всем так нравился мой супруг: красивый, статный, уважаемый, успешный, утонченный, учтивый, улыбчивый, ухоженный, умный и знающий себе цену, что они все смотрели ему в рот, стоило мужу начать говорить. Его так и называли «Много «У», потому что все эпитеты по отношению к нему всегда начинались с буквы «у». Зато потом я нашла еще эпитеты, которые применила к нему: убудок и моральный урод. Я догадывалась, что у него появилась любовница, спрашивала, пыталась привлечь внимание к себе, следовала его же советам, как советам специалиста, но он всё отрицал и неизменно обвинял меня в скудоумии и эгоизме, в доморощенной ревности, к которой прибегают лишь глупые «рязанские клуши». Ему нравилось так жить, его, видимо, горячила эта игра. И однажды я проследила за ним. Он поехал домой во время обеденного перерыва. Я даже испугалась за его самочувствие, застыдилась, подумав, что я такая дура, слежу за ним, а

человеку, наверное, плохо, ведь он много работает, устает... А потом увидела, что к дому подъехала еще одна машина, тоже хорошо мне знакомая. Спустя десять-пятнадцать минут я, как во сне, поднялась в квартиру, чтобы тихо открыть дверь. Я не обвиняла, даже не плакала, когда увидела мою мать в его объятиях. Мой мир просто рухнул в тот момент. И в первую очередь от того, что я услышала: «Скажи, — спрашивала моя мать у моего же мужа, — а Полина, эта замухрыжка, она ведь так не умеет, она не такая опытная, как я?». И он отвечал: «Несомненно! Ты вне конкуренции! У меня от тебя просто мозг сносит!». Я попала в больницу, в психоневрологическое отделение. Муж постарался. Он вызвал скорую, озаботившись моим отсутствующим видом в тот момент, и объяснил врачам, что я пребываю в сильном стрессе, что меня срочно нужно госпитализировать, а мать подтвердила. Я попыталась сопротивляться, но это было разъяснено, как агрессия, как начальная стадия шизофренических реакций, как прогрессирующая стадия заболевания... Из больницы я выписалась спустя три недели, благодаря лечащему врачу: ему требовалась юридическая консультация, и я оказала ему услугу за услугу. Обколотая какими-то транквилизаторами, я была готова на всё, лишь бы сбежать оттуда. Потому что видела, как люди, за которыми не приходили родственники, просто бесследно исчезали посреди ночи. Ни о каких выписках там речь не шла. Я стала подозревать, что там процветает торговля людьми, их органами, помимо того, что уже почувствовала на себе: эксперименты с лечением, когда меня пытались вылечить от нормальной реакции. Мои худшие подозрения подтвердились, когда я ознакомилась с некоторыми документами при оказании той самой юридической консультации.

— Полина, если вам трудно сейчас всё это вспоминать... — хотел остановить я, испугавшись за состояние девушки: из ее глаз непрерывно текли слезы, а взгляд всё углублялся и углублялся внутрь. Казалось, он терялся в настоящей черной дыре, там, куда, к счастью, мало какие доктора могут добраться.

— Нет, Эрнесто! Я хочу всё рассказать вам. Это лежит на мне таким тяжким грузом, таким ужасным магическим камнем, что иначе мне не выбраться из омота. Как в сказке про Алёнушку, понимаете?

— Да. Но не хочу, чтобы вам было больно.

— Больнее уже не будет. Больнее просто не бывает. Все говорят о страшных физических пытках всяких садистов, но существует и психологическое насилие. Это когда тебя топят намеренно, а ты барахтаешься, цепляешься за жизнь, царапаешься, сражаешься из последних сил, кричишь, зовешь на помощь, но никто не приходит на твой крик — вот это тоже страшно! Никто не приходит на помощь, потому что всем нравится смотреть этот спектакль — ведь люди такие разные и многогранные! Они все в той или иной степени заражены садизмом. А тот, кто не заражен, он вызывает отвращение, потому что верно было сказано у одного святого, что наступит день, когда придут зараженные к последнему здоровому и скажут ему: «ты болен, ибо ты не такой, как мы, ты отличаешься». И все психологи — о, да, я совершила грубейшую ошибку: я попыталась выбить клин клином! — повторяли мне, как гипнотическую мантру, что мир — это моё отражение. То есть это я неправильная, я сама подвела мужа к измене, а теперь еще смею осуждать его, вариться в этой боли. По мнению специалистов, я просто получаю кайф от всего этого, мне нравится и после развода продолжать жить со своим бывшим мужем у себя в голове, поэтому мне в принципе не нужен новый муж. А религия вторит: мать не выбирают, мать нам дается любящим Господом. Семейные же, родовые традиции утверждают, что надо чтить мать и отца, ибо в

этом сила рода твоего... И неважно, что мать тебя ненавидит и всю жизнь действует по пословице: «ссыт в глаза, а говорит, что всё божья роса». Это я виновата, что такая у меня мать — об этом говорит и учение о реинкарнации, дескать, это мои жизненные уроки такие, которые я обязана пройти вместе со всеми этими разноплановыми и многогранными, прекрасными личностями: садистами. Давайте и вы, Эрнесто, скажите мне, что все они правы, а я нет.

Полина судорожно вдохнула и выжидающе замерла, точно я должен был вынести некий вердикт, смертельный приговор. Рванувшись вперед, я просто крепко прижал девушку к себе, в бесплодной попытке перенять всю ее боль, освободить ее душу от этого многотонного камня.

— Вы ни в чем не виноваты, Полина! Вы как раз та самая, здоровая личность, за которой бегают толпа зараженных людей. Причем во всех смыслах зараженных. Чувство вины — самая могучая деструктивная программа после страха, и ее намеренно внедряли в ваше биополе, в ваше сознание и подсознание. А вы защищались, все ваши слёзы и скандалы — естественная, защитная реакция организма, которую зараженные "близкие" люди пытались "вылечить", а вернее — сгубить, уничтожить ваш природный иммунитет.

— Да, вы правы. И знаете, за мной еще одно признание: у меня никого нет, — в завершение своей исповеди поведала Полина, и теперь уже камень свалился с моих плеч, отчего я признался в ответ:

— И у меня.

— А как же ваша жена, которая должна приехать? — оторвав от моей груди своё заплаканное лицо, вскинулась Полина. — Вы обманули!

— Как и вы. В какой-то момент я устал от всех этих брачных предложений и решил на аферу. Фактически любая моя знакомая и особенно их семьи, а также те, кто руководят подобными семьями сверху, рассматривали меня с точки зрения выгодного приобретения, будто я — раб на невольничьем рынке или шахматная фигура. Здесь есть, конечно, зерно правды, но всё же я пытался, как вы говорите, барахтаться и царапаться. Я знал, что на мой зов о помощи люди не придут, у нас с ними совершенно разный диапазон волн и частот.

— А кто придет? — тихо, спустя минуту тишины, боязливо выдохнула Полина.

— Высшие сущности, с иным видением мира, запредельным... — посмотрел я на эту восхитительную женщину и, уже не в силах сопротивляться самому себе, накрыл ее губы поцелуем.

Подумать только, я никогда в жизни так откровенно не целовался! Откровенно не в смысле развратно, а в смысле открыто, когда ощущаешь целостность исключительно от близости конкретного человека. Без всякого самообмана, без всякого «приятно, а остальное стерпится-слюбится» или «неплохо, но можно было бы и лучше».

Многие задаются вопросами: что есть настоящая любовь, как не ошибиться в выборе, как потом не развалить семью, не бросить детей, не предать самого себя? Ответ настолько прост и очевиден, что даже смешно! Просто нужно спросить себя: «А готов ли я пойти за ней в Ад и после ни разу не пожалеть об этом? Готов ли я взойти ради нее на костер, чтобы она продолжала жить и здравствовать? Буду ли я так же влюблен спустя тридцать лет? Смогу ли подставиться под пулю, например, чтобы не спонтанно, не на эмоциях, а осознанно закрыть эту женщину собою? А она? Посмотри на нее! Она пойдет за тобой в Ад? Она закроет тебя от пули? Она взойдет на костер, лишь бы сохранить тебе жизнь?». То, что для нас бесценно — это жизнь. Но наш инстинкт выживания и самосохранения замолкает,

преклоняя колена исключительно перед одним единственным феноменом на всем белом свете — перед настоящей Любовью. Или фанатизмом, конечно. Вот только Любовь от фанатизма отличается именно целостностью, неоспоримой и равноценной взаимностью.

Из-под трепещущих ресниц Полины вновь побежали слёзы, но то были слёзы счастья и узнавания, долгожданного признания и душевного единства: они звучали иначе, не так, как прежние. И я поклялся себе, что ни за что на свете не стану причиной тех ее слёз, что пели горькую песню, полную отчаяния и сердечного одиночества.

«Да, я пойду за тобой в Ад. Всё равно где, лишь бы с тобой и до самого Конца!» — осознал я, и мой взгляд сам поведал об этом Полине. Тогда в ответ я поймал такой же взгляд — горящий неземным светом и раскрывающий самый прекрасный из всех райских цветов: ее сердце.

Мне казалось, что я не имею право на новые отношения, пока не изжила из себя старые, но так сладостны были его губы, так бесконечно радостно стало в сердце! Однако совесть требовала полной откровенности, в то время как разум вещал о невозможности и ненужности. Все мои подруги, абсолютно все, как одна, утверждали, что я не смогла после развода построить отношения из-за того, что стремилась к откровенности. По их мнению, мужчины не терпят рассказов о других мужчинах, их это моментально отворачивает от женщины, и любые отношения им становятся неприятны. Тогда я задумалась: «А почему они сами закрывают глаза на то, что стремятся спать со всеми подряд, если им так необходимо быть первыми и единственными? Откуда тогда эта дурацкая сказочка про «опыт» и «нагуляться», если совесть каждого мужчины твердит об обратном?». И я не придумала ничего лучше, как до полной кучи своих неудач выдать свои умозаключения и Эрнесто.

Уже предвидя, как он отреагирует, как скривится и нахмурится, как промычит что-то односложное или неопределенное, я намеренно начала рассказ о своем бывшем муже. Возможно, все психологи, к которым я обращалась, были правы: я ненормальная, я сама разрушаю отношения, потому что не могу смолчать, когда это необходимо, когда надо проявить элементарную женскую хитрость и житейскую мудрость. А что делала я каждый раз, как только мужчина пытался со мной пофлиртовать? Я делала всё наоборот! Я пыталась разглядеть в нем друга, которому можно довериться, который не предаст, не обманет, не начнет издеваться, и только потом я рассматривала его в качестве любовника. Ошибка? С точки зрения всех продвинутых коучеров и опытных, «бывалых» дам — несомненно! Но что-то внутри меня настойчиво предлагало ходить по кругу, вновь и вновь повторяя свой промах.

С каким-то нездоровым желанием увидеть, как и этот восхитительный мужчина отвернется от меня, я поведала:

— Знаешь, Эрнесто, я хочу быть с тобой искренней. Я не хочу никакого притворства и игр разума.

— И я не хочу, — прошептал он в ответ, продолжая держать моё лицо в своих ладонях и целовать. — Не описать словами, как противны все эти женские игры.

— Какие игры ты имеешь в виду?

— Да любые. Начиная с заигрывающих ужимок, заканчивая расчетами о том, что можно говорить партнеру, а о чем лучше промолчать, типа, меньше знает — крепче спит. Почему-то каждая женщина уверена, что именно она — непревзойденная звезда Голливуда, отличная актриса, хотя на деле все ее невинно опущенные глазки на манер дешевых мыльных опер, все ее улыбки — о, особенно те, что на камеру во время селфи делаются! — прямо верх сценического искусства. Сеть пестрит одинаковыми дамами в одинаковых позах и с одинаковыми взглядами. На самом деле всё это выглядит так позорно, что как только видишь все эти выкрутасы, то сразу начинаешь опасаться за умственные способности женщины. Подобные «сценические» примочки разве что только у слепых и пьяных бомжей вызывают умиление, а у мужиков, у которых более-менее присутствует интеллект, все эти дешевые и откровенно деревенские ужимки вызывают исключительно отвращение либо презрительную насмешку. И были бы ужимки хот на йоту стоящими! Так их ведь не более пяти, никакого разнообразия! Вопрос: зачем вообще они применяются? С одной стороны, конечно, хорошо: так сразу видно женщину — искренняя она или нет, умная или

непроходимая тупица, играется она или действительно улыбается всем сердцем, а с другой стороны становится грустно от осознания того, насколько всё печально, причем в глобальном масштабе. Большинство женщин живет в навязанных стереотипах, согласно которым, чем неестественнее ее поведение, тем якобы привлекательнее для противоположного пола. Это работает исключительно в одном направлении: мужик понимает, что перед ним стоит клуша, которая всячески завлекает. Грех такой не попользоваться! А потом эти женщины почему-то возмущаются, дескать, он ушел козел такой, не разглядел во мне жемчужину. Так ее и не было изначально! Мужики далеко не так глупы, как женщины привыкли думать. Интуиция и опыт говорят об одном: если женщина сверкает снаружи, если постоянно прибегает к пресловутым пяти-семи ужимкам, то внутри там ничего и нет, ведь если бы было, тогда весь внутренний свет выходил бы наружу и никакие ужимки, никакое притворство было бы уже не нужно. В этом и заключается естественная красота, а не в том, чтобы не краситься, как многие ошибочно полагают. Ты никогда не играешь. Это сразу было видно. Внутри тебя горит свет, он льется наружу таким теплым потоком счастья, что я задыхаюсь от восторга, когда смотрю на тебя.

— А если ты ошибаешься? — не поверила я своим ушам. — Если сейчас в тебе говорят лишь гормоны?

Эрнесто мягко рассмеялся в ответ, а после сразу же покрыл моё лицо страстными поцелуями.

— Если бы ты знала, как притягательно действует твоя естественность и непринужденность на мужчин! Все наши коллеги мужчины пялились на тебя, не решаясь подойти ближе. В собственном офисе я чувствовал себя, как в стане смертельных врагов.

— Если это так, то почему же они не решались подойти ко мне? Я же не курсировала мимо них с нахмуренными бровями, не размахивала секирой, не слыла рубахой-парнем, который способен зафиндилить в ухо, если что не так...

— Зато ты была Женщиной, понимаешь? Женщиной, внутри которой горел подлинный Свет, а не просто лампочка, которая, ясное дело, быстро перегорит, стоит только поэксплуатировать ее какое-то время. Солнце всегда приятнее и полноценнее любого электрического освещения, согласна?

— Не понимаю... Меня же все считали неуклюжей неумейкой. Даже ты ругался со мной!

— Скорее я ругал самого себя, потому что не понимал, как такое сокровище могло достаться другому, а не мне, — смутился Эрнесто и даже слегка покраснел. — Жгучая ссора между мужчиной и женщиной зачастую выводит на эмоции, напоминающие те, что возникают во время... полового акта. Аналог даже с химической, гормональной точки зрения, но, конечно, гораздо ущербнее. И то, как ты отвечала мне, с какой страстью спорила или, наоборот, обижалась, чуть ли не плача, вызывало гамму чувств: от желания схватить тебя и применить насилие и до нежности, раскаяния и желания оберегать тебя от всех бед на свете. Простишь ли мне столь извращенный способ достижения близости с тобой? Знаю, что ты думаешь обо мне сейчас: "Вот оно, лицо вампира!"

Эрнесто заглянул мне в глаза с таким забавным выражением лица, что я помимо воли рассмеялась, хоть ситуация и требовала серьезного отношения и почтительной реакции.

— Мне тоже нравилось ссориться с тобой, — захохотала я. — Дома я злилась и повторяла: «Какой козел! Не команданте, а настоящий тиран!», но одновременно с этим я

ночами напролет вспоминала тебя в моменты наших яростных ссор, твой напор и вспыльчивость, твои сверкающие глаза и учащенное дыхание... Ты абсолютно прав: мне безумно хотелось, чтобы все эти горячие эмоции проявились в другой ситуации — интимной.

Я была готова умереть со стыда — сказать такое мужчине буквально после первого же поцелуя! Однозначно, во всём виноваты девственные леса и долины, снежные горы, сказочно-прекрасный замок и древняя пещера с непонятными артефактами и пугающими кровавыми картинами. Эта магическая, полная загадок местность выводила на странные эмоции и заставляла делать вещи, на которые я бы ни за что не решилась в своей обычной жизни. Откровенность — это замечательно, и меня неумолимо тянуло на нее, но должен же быть предел... или не должен? Особенно если речь идет о настоящей любви, а не о приключении на одну ночь...

— Ссоры затягивают, Эрнесто.

— Да, и люди часто подсаживаются именно на энергию от ссор. «Make love, not war» — гениальная фраза и лозунг, ведь лучше заняться любовью и получить полноценный энергообмен, нежели растратить себя во время ссоры, потерять энергию, сбросить ее...

— В пустоту, — подтвердила я.

— Если бы в пустоту! — усмехнулся Эрнесто. — Она уходит в строго заданном направлении, но не к партнеру. И уже тем более она никогда не возвращается обратно, не обогащает, а приучает к вечному голоду, подсаживая на иглу энергетического вампиризма.

— Это точно, могу подтвердить, — рьяно закивала я. — Когда мы с мужем ругались, я каждый раз чувствовала опустошение, будто меня выжали... Прости... мужчины не любят, когда о бывших рассказывают...

— Если тебе нужно выговориться — делай это без оглядки на то, любит это кто-то или нет.

— А вдруг ты устанешь от меня и скажешь: «Зачем мне это знать?».

— Так скажет лишь тот, кому наплевать на душевное состояние партнера.

— А тебе?

— А мне не наплевать на тебя.

И я в полной мере ощутила на себе, что такое «растаять». Это когда тебя греют лучи солнца, льющиеся из сердца дорогого человека. Но тут Эрнесто, прекратив целоваться, крепко прижал меня к себе и спросил:

— Ты не доверяешь мне? Боишься, что я поступлю так же, как и твой бывший муж, да?

Хотелось ответить сразу, но ком, застрявший в горле, не позволил и звуку сорваться с моих губ. Прошло не менее трех или пяти минут, когда я, справившись, смогла просипеть:

— Да. Слишком горьким оказался первый опыт. Знаешь, поначалу я надеялась, что справлюсь с ревностью, — невесело усмехнулась я, — с появлением в жизни моего мужа других женщин. Я постоянно винила себя, в то время как меня убеждали в том, будто это я не умею строить отношения, будто это я придумала себе кучу несбыточных надежд.

— Например? — уточнил Эрнесто, не выпуская меня из крепких объятий.

— Ну, например, что бывают моногамные отношения.

— Но они действительно бывают!

— Мой бывший муж с тобой бы не согласился. Более того, уличил бы тебя во всевозможных комплексах и недоразвитости.

— Да плевать! — добродушно рассмеялся Эрнесто, закинув голову назад, а я

засмотрелась и жутко пожалела, что не встретила этого человека раньше. Одно его отношение к жизни могло бы изменить моё отношение ко многим вещам, за которые я так корила себя. — Я представляю, что он тебе говорил. Наверняка, он обвинял тебя в том, что ты не способна пережить кризисный момент; что цепляешься к пустякам; что в каждой его знакомой женщине видишь потенциальную угрозу...

— Да, так и было, слово в слово! — ошарашено посмотрела я на улыбающегося Эрнесто.

— Так тебя просто разводили, а ты повелась на все эти рассказы.

— Но он доказывал, он опирался на труды различных психологов, на научные исследования... — попыталась я защитить свою наивность.

— Опирайтесь нужно не на труды каких-то там ученых, а на собственную интуицию. И если она говорила тебе, что дружба между мужчиной и женщиной невозможна, значит, так оно и есть. Дружба, если она искренняя, это всегда симпатия. И в том числе внешняя, а не только умиление красотой душевной.

— Ты не веришь в дружбу между мужчиной и женщиной?

— Нет. И не должен верить, ведь это абсурд, совершенно нелогичное поведение. Еще одна пелена, которую пытаются навесить на глаза человечеству. Изначально дружба между полами возможна только в нескольких случаях: если это брат и сестра или иные близкие родственники; если это учитель и ученик; и если присутствует физическая антипатия с одной из сторон. То есть имеются только три пункта, по которым дружба — искренняя! — прокатит. Всё остальное основывается на половом интересе и на неизбежном флирте — явном или завуалированном, без разницы. А за легким флиртом рано или поздно последует измена телесная. Это всего лишь вопрос времени и возможностей, вопрос надобности. Просто не всегда такая надобность появляется, поэтому «друг» остается «в запасе». Измена начинается не тогда, когда любовники в постели уже прыгают и даже не на стадии флирта, а тогда, когда возникает сравнение и недовольство постоянным партнером. И тут, как по мановению волшебной палочки, появляется «друг»... И начинается энергетическое заражение, полевое, затем физическое, выражающееся в острой, внезапной и необъяснимой антипатии к постоянному партнеру, раздражении, в отсутствии желания, в угасании интереса... Знаешь, сколько я разводов вёл в судах? Почти каждая вторая пара расходится спустя пять или семь лет. Причины одинаковы, различаются лишь нюансы, а так как в России юристов нередко путают с психологами, то частенько приходится вникать во все нюансы бракоразводных процессов, особенно если ты по своей сути всё-таки человек, а не бесчувственная машина, стригущая деньги с клиентов в моменты их семейных драм. И это я говорю про официальный брак. Про гражданский брак, когда люди жили-жили, а потом разбежались без всяких юридических последствий — и говорить нечего. Там партнерство уже выступает синонимом предательства, так как никто не предполагает серьезных отношений. Стадия «мы встречаемся» совершенно не равноценна стадии «конфетно-цветочный период», она может длиться очень долго и безрезультативно. Нас всех приучают к мысли, что разводы, как и аборты, это нормально, не стоит стыдиться, будто это всего лишь очередная ступень лестницы в Небо. Но если ты упал, больно ударился, скатился вниз, сломался, то придется подниматься, исцелять свои физические проблемы и избавляться от страхов, чтобы сделать следующий шаг, и только потом наращивать силы, дабы восстановить потерянные позиции.

— Моё понимание семейной жизни было до крайности наивным.

— Вряд ли наивным. Скорее искренним, идущим от сердца. Но из-за того, что вы с супругом, вероятно, не говорили о том, какие должны быть ваши отношения, какой должен быть общий образ, не обсуждали ожидания друг друга, мечты и цели, касающиеся не бытовухи, а душевного состояния, из-за этого и вышло всё так печально.

— Поверь, я прикладывала усилия, я реально вкладывалась эмоционально! Пыталась убедить мужа, говорила ему, что если пара хочет сохранить отношения, то должен быть диалог, нужно убирать раздражающие факторы, а не плодить их в немыслимом количестве, как это делал он, стараясь «закалить» меня и раскрыть глаза на такие понятия, как доверие, любовь и уважение... Если бы ты знал, Эрнесто, через что я прошла, пока тужилась примирить свой внутренний протест с жизненной позицией моего супруга. Муж бросал мне в ответ свои насмешки и претензии, мол, я свои иллюзии пытаюсь внедрить ему в голову, а после еще и обижаюсь на человека, которого сама же и выбрала, будто это я хочу перебросить на него вину за свой неудачный выбор. Он говорил, что любимых людей нужно уметь прощать и понимать, с уважением относиться к их интересам и их привычному формату общения с другими людьми, нужно заботиться о супруге, даже если он не соответствует моим установкам. Но всё это уже в прошлом, Эрнесто! Я не хочу о нем вспоминать. Впервые. Представляешь? Мне так хорошо, что не передать словами. Я чувствую себя свободной и обновленной. Мне совсем не больно, как было еще пару недель назад, стоило вспомнить и всколыхнуть в себе прошлое. Скажи, это ведь воздействие местных волн?

— Да, — хитро улыбнулся он, а затем отстранился и замер чуть поодаль с таким видом... точно окунулся в Печаль-озеро.

— Ты думаешь, что это всё вернется ко мне, как только я уеду отсюда, да? — с упавшим сердцем догадалась я.

Он ответил не сразу, и, наверное, я бы предпочла не слышать ответ, хотя сама жаждала откровенности с его стороны, жаждала выяснить наперед, как оно всё сложится у нас.

— Полина, — отведя взгляд, вскоре тихо заговорил Эрнесто, — многие люди занимаются самообманом, ошибочно полагая будто после развода отношения прекращаются. Нет, они никогда уже не прекратятся. Они продолжают жить в твоей голове, еще лет пять или десять пока тебя... не заменят.

— Что?..

— Бывает, что человек меняется. Полностью. Все его черты характера, привычки, даже лицо и тело. Только в этом случае наступает «переформатирование», перезапись тяжелой информации. А развод, разбитая семья и надежды — это, как ни крути, тяжелый вес. Ты правильно сделала, что выдержала перерыв между отношениями. Невозможно создать полноценную семью на руинах старой.

— Многие уходят, и сразу у них всё получается.

— Нет, — отмахнулся Эрнесто, — если посмотреть более придирчиво и внимательно, то там нет полноценности: либо конфликты, либо проблемы на всех планах, либо нет детей. Нужно время, чтобы ушла старая запись, чтобы она вытравилась из крови, обновилась. А что делают люди? Пытаются клин клином выбить, верно? Когда нужно поступить наоборот и потратить время на работу над собой, на очищение, а не на беготню на свидания, продолжая жить в прежних отношениях пусть не на бумаге, но в голове. Это всё равно, что вылезти из канализации и схватить сочный свежий фрукт. Что ты понесешь в свой рот такими грязными руками? Держа всё это «богатство» в собственном биополе, храня драгоценные обиды и

слёзы, ведя внутренние обвинительные речи и вспоминая старые диалоги, невозможно насладиться чистым фруктом, его видом и ароматом, его вкусом и соком. Никакой пользы от этого не будет, в то время как вред очевиден.

— Мне казалось, что если я начну новые отношения, то получу силу, с помощью которой и забудется всё старое и болезненное.

— Ну и как? Сколько было неудач? — прищурился Эрнесто, и я была вынуждена констатировать:

— Много. Я даже составила список мест, где можно было бы познакомиться.

— Как? И ты тоже? — взорвался смехом он.

— В смысле «тоже»?

— И у меня такой список имеется! Мне его подарили. Глупейшие пункты, надо признать, но я попытался... а счастье было так близко.

— Я тебя вычеркнула сразу.

— Вот как... Это еще почему? — насторожился он, а я согнулась пополам от смеха:

— Мне казалось, что самый глупый пункт из всего списка — это «замуж за босса»! Тем более, ты вроде как был женат, а для меня это табу, — уже серьезно посмотрела я на него, ожидая самого главного признания с его стороны.

— И для меня это табу, — взяв мои руки в свои, твердо пообещал Эрнесто. — Сейчас идет такая мощная атака на семейные ценности, так активно насаждаются разводы, двойные стандарты, извращенные понятия, содомия, что почти не осталось психически здоровых и стойких в своих убеждениях людей. Сплошная губительная толерантность. Но я не из разряда слабаков. Я из тех динозавров, что слушают сердце, а не похоть, и при вынужденных отношениях с противоположным полом умеют контролировать не только своё поведение, но и мысли. Не имею привычки клясться, но верь мне: со мной... ты никогда не узнаешь слез и печали, Ассоль.

Он сказал это с таким серьезным лицом, что я поначалу даже не сообразила, а после мы оба прыснули со смеху и бросились в объятия друг к другу.

Как мы выбрались из пещеры, как сели в дивную ладью и понеслись обратно к замку — всё это слилось в одно чудное мгновение счастья.

Хорошо, что я взяла с собой телефон. Хоть он и не ловил сеть, но зато удалось сделать фото. Прижавшись носами друг к другу, мы отодвинули на максимальное расстояние телефон и успели сделать селфи, прежде чем наша ладья тронулась с места, а вместе с ней тронулся и мой рассудок: от горячих поцелуев, от пылких взглядов, от сплетения пальцев рук... Это чувство настолько одурманило, настолько вознесло к небесам, что когда мы, смеющиеся и лучезарные, подходили ко входу в отель, то не сразу поняли, что произошло нечто неординарное.

На лестнице дежурила полиция. Лица постояльцев, сидевших в общей гостиной и холле, казались белее снега, а в глазах читался страх и растерянность.

— Что произошло? — помрачнел Эрнесто, когда к нему подскочил управляющий.

— Мы ждали вашего возвращения. Телефон вы не взяли, да и бесполезно, не ловит тут...

— Что произошло? Кто вызвал полицию? — Эрнесто потерял терпение и, схватив управляющего за плечо, немного встряхнул: — Прекрати паниковать! Объясни, в чем дело!

— Убийство.

— И... кто жертва?

Стоило управляющему назвать причину вызова полиции, как всё стало каким-то нереальным. Захотелось вернуться обратно в древнюю пещеру, отмотать назад, разобраться в произошедшем, взглянуть трезво на сложившуюся ситуацию, потому что убийство и вся эта магическая долина — вещи абсолютно несовместимые.

— И тут письмо на ваше имя, — передал мне белый конверт управляющий, после чего удалился.

Никаких надписей кроме моего имени на конверте не стояло. Вскрыв его, я не сразу смог прочитать то, что было написано в записке. Всё перед глазами поплыло от нервного перенапряжения и словно отодвинулось от меня, потеряв связь с действительностью. Мне казалось, что это сон, странный сон...

— Эрнесто? — испуганно коснулась моей руки Полина.

— Сейчас... — попытавшись собраться с мыслями, приобнял я девушку, — сейчас разберусь...

Развернув записку, я уставился в лист бумаги и когда прочел — весь похолодел. Но больше всего я не понимал, что мне теперь делать: отдать ее полиции или сжечь. Надпись более чем недвусмысленно намекала на совершенное преступление:

«Усвой урок. Нельзя кусать руку, которая тебя кормит»

Нет, полиция тут не поможет, а только еще больше всё запутает. И я пойду на допрос уже в качестве подозреваемого, так как согласно записке имею прямое отношение к некоему уроку, а значит, и к преступлению. Хитро, ничего не скажешь, расчет именно на то, что я не стану подставлять свою шею, не отдам записку полиции. С другой стороны, если письмо пришло не официально, а частным образом, если его не регистрировали, то это будут только свидетельские показания управляющего, мол, положил кто-то на стойку... Его тоже потащат на допрос. Нехорошо подставлять мужика, честно служившего тут с самого открытия отеля. Нужно добраться до записей с камер наблюдения первым, до того, как полиция изымет их, и посмотреть, кто принес письмо.

Только я собрался бежать в кабинет к начальнику собственной безопасности моего отеля, как заметил полицейского. Он — весь такой нахмуренный — направлялся ко мне бодрым, решительным шагом, и я изо всех сил попытался соорудить нейтральную физиономию.

— Эрнесто Вивьеро?

— Да, это я.

— Капитан Рутиниш, — представился он. — Я веду расследование. Мне бы хотелось побеседовать с вами наедине.

— Разумеется, пройдемте ко мне в кабинет, — пригласил я и, ободряюще подмигнув Полине, пошел по направлению к лифту.

Мы в полном безмолвии проехали в лифте, затем прошли по коридору и не успел я закрыть двери кабинета, как на меня полился едва сдерживаемый негатив. Следователь нервно дернул усами, с неприязнью оглядел роскошную обстановку и тут же принялся сыпать вопросами, бурча себе под нос на чешском оскорбительные замечания в мой адрес и отмечая что-то в своем планшете. Свое алиби мне не пришлось долго подтверждать, как и Полинино, а вот на моё пожелание увидеть труп я получил неожиданный и категоричный

отказ.

— Не понял... — опешил я. — Вы ничего не путаете, капитан? Этот отель принадлежит мне.

— Можете на время выпасть из своих меценатских фантазий и окунуться в реальность. Теперь ваш отель принадлежит правосудию.

— Я, как хозяин помещений, имею полное право на информацию, а вы ничего не говорите. Возможно, я даже смог бы поспособствовать следствию.

— Вы и так поспособствуете, особенно если мы вас доставим в участок.

— Что за угрозы? Ваше непотребное поведение, ваши оскорбления на чешском, вся эта таинственность с неизвестным трупом Инги дает мне повод подать заявление о нарушении моих прав и ваших обязанностей.

— А что вас конкретно интересует? — прищурился полицейский, и тут интуитивная догадка неприятно резанула мне сердце. Я даже не смог скрыть резкий тон, когда спросил:

— Где находился труп? Кто его обнаружил и почему вы так уверены, что это убийство? Разве уже установлена вероятная причина смерти? Это огнестрельное? Или девушка выпала из окна? Откуда такая уверенность, что это именно убийство? И почему допрос ведется «не отходя от кассы», в то время как никаких других следственных мероприятий не наблюдается? Вместо этого вы, прикрываясь липовым делом, собираете у всех моих постояльцев отпечатки пальцев и задаете вопросы, совершенно не касающиеся материала дела. У всех! А это более чем двести человек, не считая обслуги.

— Нет, не огнестрельное, и она не выпадала из окна. А остальное... Я не обязан ставить вас в известность прямо сейчас, когда не все факты выяснены, когда еще не все свидетели допрошены... — поплыл в ответах полицейский, и моя многолетняя практика почуяла уязвимость противника, поставила холку дыбом и взяла курс на уничтожение, полностью поменяв роли...

Спустя пять минут мы вышли из кабинета и разошлись в диаметральных направлениях. Вернувшись в холл на первом этаже, я заметил заплаканное лицо миссис Льюис — это наша экономка — почтенная дама преклонного возраста, благодаря которой весь отель содержится в идеальном порядке и в полной комплектации.

— Дженнетт, — подойдя к ней, приобнял я женщину, — успокойтесь. Всякое бывает в жизни. Не берите так близко к сердцу.

— Я так испугалась, Эрнесто! — прошептала она, смотря на меня во все глаза. — Когда они выносили труп...

— Труп был закрыт простыней?

— Да, но это так ужасно... я впервые сталкиваюсь со смертью, а чем старше становишься, тем страшнее, сами понимаете...

— Судя по силуэту, это было мужское или женское тело, худое или не очень?

— Что? — удивилась экономка, на минуту застыв с разинутым ртом.

— Вы видели труп или нет?

— Ну, конечно, видела, — уже не совсем уверенно закивала головой миссис Льюис, — под простыней было чье-то тело...

— А с чего вы взяли, что это было именно тело?

— Ну как же?... — развела руками Дженнетт.

— А где обнаружили?

— Да вроде Инга прошла к себе, после того, как покинула номер вашей гостыи, с которой вы только что прибыли.

— Инга была у Полины? — насторожился я.

— Да, коридорный видел, как она выскочила из ее номера, держась за затылок, и, покачиваясь, пошла в направлении своего номера. Похоже, она была сильно расстроена. Возможно, девушки повздорили.

Всё внутри меня похолодело, но я постарался сделать вид, будто эта новость совсем не интересует меня и перевел разговор в иное русло:

— Так вам известно, где точно был обнаружен труп или нет?

— Нет... кто-то из коридорных...

— Понятно, — отмахнулся я, так как следователь всё-таки сообщил, что тело было найдено в апартаментах Инги, но кем конкретно я так и не смог выяснить, так как капитан Рутиниш и сам пока не владел точной информацией. Полиция собиралась изъять все записи с камер у моей службы безопасности, которая, к слову, пребывала в самом подавленном состоянии, особенно начальник всей охраны, и я всерьез опасался за здоровье мужика: на нем лица не было от переживаний.

— Эрнесто, — зашмыгала носом Дженнетт, — я впервые сталкиваюсь с таким инцидентом не только на работе, но и в жизни. Простите...

— За что?

— За то, что не могу дать вам более полную информацию.

— Я понимаю, Дженнетт. Скажи, а как вы узнали о происшествии?

— Мне позвонил управляющий и сказал, чтобы я срочно шла к нему.

— А потом?

— А потом я пришла к нему, а там он разговаривал по телефону с полицией. Невольно став свидетельницей его разговора, я сама догадалась о ситуации, после чего только и успела переспросить: «Кто-то умер?», как дверь в его кабинет распахнулась, и туда ворвался охранник, докладывая, что вертолетная площадка готова для полицейских и...

— Приблизительно, через какое время прилетел вертолет?

— О... почти сразу, как только я вышла из кабинета управляющего.

— Значит, это был его повторный звонок в полицию? — мои брови поползли вверх и взгляд сам упал на управляющего, суемящегося возле богатых постояльцев. Точно почувствовав это, управляющий обернулся и встретился со мной взглядом. Его лицо выражало обеспокоенность, привычную сосредоточенность и ответственность. Несомненно, он был первоклассным специалистом своего дела: мгновенно распорядился разжечь камин в гостиной и холле, подать закуски, грог и кофе, несмотря на запрет полиции, и всё это наряду с документацией, мгновенно подготовленной к приезду полиции...

Кивнув ему, я продолжил свой импровизированный допрос экономки, решив, что пока рано делать поспешные выводы:

— Дженнетт, а труп унесли в вертолет, который сейчас стоит на площадке или был еще один вертолет, который улетел ранее?

Экономка растерялась, обежала глазами холл, пару раз заглотнула воздух, точно рыба, выброшенная на мель, после чего призналась:

— Я не знаю, Эрнесто, они просто сказали, что труп нужно унести... Я как-то не заметила, сколько было вертолетов.

— То есть не было никаких следственных мероприятий, осмотра места преступления,

не было специалистов и всяких криминалистов, а сразу приехала бригада врачей и утащила труп?

— Каких еще врачей? — заморгала Дженнетт.

— Тааак... — красноречиво выдохнул я, уперев руки в бока и нависнув над бедной женщиной, словно карающая скала.

— О, боже! — прошептала она, прижав пальцы к губам, и еще больше вытаращила глаза, готовые вылезти из орбит ее очков. — Я, кажется, начинаю догадываться...

— А кроме вас... — многозначительно уточнил я, — еще кто-нибудь догадывается?

— Да откуда же мне знать такое? — пожала плечами экономка.

— Не думайте, а просто скажите, как вы чувствуете, что говорит вам внутренний голос?

Вы же были здесь всё это время, Дженнетт, а вы весьма наблюдательный человек. Чем была занята публика и дознаватели?

Она опустила глаза, рассеянным взглядом начав рассматривать узор мраморного пола, затем боязливо добавила:

— Мне кажется, ваш гость: тот, у которого вечно кривая ухмылка, он тоже о чем-то таком догадывается... Уж больно веселый. Не к месту подобное поведение.

— Благодарю, Дженнетт, мы вернемся с вами к этому разговору, а сейчас мне нужно отойти и сделать пару важных звонков. Не говорите никому о том, что рассказали мне. Возможно, от этого зависит ваша жизнь, — серьезно посмотрев на женщину, предупредил я, прекрасно зная, что тем самым только сильнее напугал ее, а не успокоил, но в подобных ситуациях лучше не щадить чувства, а, напротив, говорить так, как оно есть, дабы человек более внимательно относился к своему окружению и всевозможным неожиданностям. Раз пошла такая недетская игра, значит, ставки повышаются. Хотя, когда она была детской? Это изначально было хождением по тонкой леске над пропастью, полной кипящей лавы.

До сего момента я удачно балансировал, но теперь, учитывая информацию, которую мне удалось вытянуть из следователя, картина складывалась весьма неприятная. Кажется, я слишком увлекся своими любовными переживаниями и не заметил, как враг сделал следующий ход. Прежде чем идти вперед и совершать опрометчивые поступки, следовало хорошенько взвесить собственные ошибки. Когда я допустил ее, когда я вообще, черт побери, успел сделать свой ход?! Неужели приезд сюда Полины, мои чувства к ней, ревность Инги — всё это и было моим ходом? Верно говорят, что не ошибается только тот, кто ничего не делает и сидит на одном месте, хотя и это в конечном счете оборачивается смертельной ошибкой.

И кто тут исполняет волю господ? Пока я направлялся снова к себе в кабинет, мои глаза успели обежать всех присутствующих постояльцев, которым не разрешили подняться в номера. В основном среди них были те, кто обедал сегодня вместе с Ингой, плюс соседи по этажу, где располагался номер покойницы, несколько коридорных, уборщицы, главный повар, администраторша, охранники и сам управляющий.

На лицах обслуги читался сильный испуг, лица же постояльцев выражали разные эмоции: от растерянности и сожаления до неприязни и даже возмущения. А кое у кого в глазах плясал свой огненный танец Его Темнейшество — Злорадство.

«Фрау-игла», как я называл свою опасную гостью из Германии, сидела в кресле, пила кофе и губами, тонкими, как леска убийцы, шептала проклятья в мою сторону, но стоило мне поравняться с ней и вопросительно поднять брови, как женщина скривила губы в

псевдо-сочувственной полуулыбке и премеерзким голосом произнесла:

— Вот так подарочек на Новый год!.. Как будет приятно Петровичу узнать новости, что кто-то не смог уберечь его девочку. Сами позвоните или струсите, оставите это дело полиции?

— А разве вы ему еще не сообщили? — с не менее язвительной улыбкой парировал я. — Теряете хватку, фрау Гофель. С вашей стороны это, действительно, выглядит трусостью. Стареете, молодых теперь вперед пропускаете, да?

— Кое-кто и вовсе не взрослеет. И вам, к слову, прекрасно известно, Эрнесто, что я — добрейший человек. Зачем вы каждый раз пытаетесь меня очернить? Это не делает вам чести, как джентльмену.

— Вынужден вас огорчить: во-первых, я не джентльмен. Не знаю, кто вам такую глупость сказал. Как вы, такая умная и опытная дама, поверили в это и попались на крючок?! А, во-вторых, я вообще бесчестный. Ну и, в-третьих, — приложив руку к сердцу, признался я, — вы так каждый раз возбуждаетесь от одного моего присутствия, что ответная эмоциональная эрекция делает всё за меня и без моего ведома.

— Инстинктами живут только дураки. Видать, вы один из них.

— Зато ближе к природе.

Довольная, но кислотная маска, налипла на ее одутловатое лицо, испещренное пластическими операциями, после чего фрау, заколыхавшись, словно жирный студень, сообщила:

— Поздравляю с познанием своих глубин и признанием собственной ограниченности. Прогноз благоприятный. Это я вам как врач-психиатр говорю.

— Благодарю вас, вы такая заботливая женщина, сразу видно, что неудовлетворенная и нелюбимая мужем: у вас болезненная тяга насильственно насаждать добро.

— У меня с мужем такие отношения, какие вам и не снились, молодой человек! — скрежетала зубами фрау-игла.

— Тогда предпочту и дальше не видеть этот кошмар, особенно во снах, потому что по статистике самые психически нездоровые люди из всего врачебного сообщества даже не патологоанатомы с их ненормальной любовью к мертвым телам, а именно психиатры, как и завсегдатаи наркоманы да пьяницы — наркологи, — поклонился я ей в ответ и продолжил свой путь к лифтам, пробираясь сквозь баррикады из полицейских, обслуживающего персонала и постояльцев, стоявших в холле в ожидании своей очереди допроса.

Хорошо, что мне удалось урегулировать хотя бы этот вопрос с полицией, не то сейчас половину подозреваемых утащили бы в вертолеты или запретили бы постояльцам покидать отель. Такая несмываемая печать на моем бизнесе, на всем проекте! Надо было срочно вызвать к себе на подмогу своего приятеля — известного чешского адвоката, он знает местную кухню лучше меня, а сейчас главное уладить то, что этот адвокат и его бюро утрясти не в состоянии... Я редко совершаю такие звонки, но иногда всё же приходится...

Что ж, хитро, ничего не скажешь. Если информация об убийстве покинет территорию и разлетится по странам, то вряд ли теперь кто-то поверит в магию этого места, хоть тысячу раз показывай людям заключения экспертов о пользе здешних волн.

Ошибочное, но расхожее мнение, будто все богатые люди — это бескорыстные меценаты и высокодуховные личности, здесь напрочь разбивалось о рифы реальности. Рьяно насаждаемый стереотип, внушающий массам, будто только высокообразованный, умный, целеустремленный человек сможет добиться успеха, материального процветания и

благополучия, лопался, как мыльный пузырь. Еще очень любят эту сказочку, что якобы после получения всего и вся, материальные потребности отпускают тело, а дух свободно парит над грешным миром, лицедря истинные ценности и нужды социума. Увы, никто из подобных людей не только не воспарил, но даже не научился высоко прыгать. Тем не менее, все как один — добродетели в мировом масштабе!

Справедливости ради стоит отметить, что мне всё же встречались люди в высших кругах, которые работали, не покладая рук, пахали всю свою молодость. Они учились экономить на всём так, чтобы расход на производство и себестоимость товара не превышали прибыли от продаж, поэтому к старости эти мультимиллионеры рассыпались искрами гордости от того, что они не пали духом, а сумели отыскать обходные пути и придумать такие мудреные схемы, что результатом их труда стало построение собственной империи. И теперь они готовы помогать, заниматься благотворительностью не ради получения налоговых льгот и легализации доходов, как прежде, а искренне, бескорыстно, именно поэтому теперь они пишут... законы. А, как известно, те, кто пишет законы для других, никогда не применяет их по отношению к самим себе. Это же идиотом надо быть!

Другими словами филантропы бескорыстно хотят поправить и подчистить то, что загадили, пока зарабатывали свои миллиарды в надежде на похвалу, памятник и доброе имя для своих обеспеченных потомков. Но, как правило, всё ограничивается словами, ибо кощейский дух берет своё. На деле же даже дорогу в село «Мухосранское» починить за свои деньги не получится. Долбанная пирамида власти на каждом уровне требует свою мзду и отмывание средств, чтобы рука руку мыла, не то палки в колеса обеспечены.

Принято осуждать тех, кто недолюбливает богатых. Уже вошло в моду высмеивать их недалекий ум, неспособность расти духовно и трудиться, при этом никто, абсолютно никто из этих богачей с голубой кровью изначально не жил в адских условиях, а если и поднимался по карьерной лестнице пару лет, то был вовремя замечен определенными кругами, дающими зеленую полосу и возможность дальнейшей успешной самореализации. Это всё равно, что Ингу поставить рядом с Полиной и сказать: «Смотрите, как Полина завидует Инге, ее уму трудолюбию, процветанию! Полина — глупая, ущербная душой девица, не способная мыслить широко. Отсюда зависть и злость. Таких, как Полина, миллионы, а таких, как Инга — одна на миллион. Именно Инга — «целованная богами» — будет двигать ваш ничтожный прогресс и останется в веках, как великая гуманистка и просветительница». И это прискорбная, режущая сердце, правда.

Одних, которые злятся, что им не дают возможность продвинуться дальше, миллионы, а таких, которым дали всё изначально, во всем поддержали и открыли двери — меньшинство. Отчего же тогда первым любить вторых? Как-то нелогично. Только обыватели наивно полагают, будто в мире имеются подлинные товарно-рыночные отношения, якобы не существует глобальных монополий, и транснациональные корпорации не опутали своими сетями весь мир, не подмяли под себя все винтики, включая самые низкооплачиваемые должности в каком-нибудь захудалом городишке развивающейся страны третьего мира. Да все настоящие государства имеют статус корпораций и компаний, и взаимодействуют они между собой не на международной арене, как это разыгрывается в душераздирающем ТВ-спектакле, а в кулуарах дворцов, в закрытых клубах при делёжке прибыли и власти из общего котла, что уж говорить о внутригосударственных делах! И им, всем этим «хозяевам мира», никак не хочется самим становиться винтиками, им привычнее закручивать гайки, отдавать

команды и жить спокойно, интересно, а вот бегать в колесе обязаны другие, которые мнят себя способными тоже когда-нибудь... в необозримом будущем... стать миллиардерами. Пусть мнят, это только поддерживает сказку о правовых государствах, демократии, равенстве и естественном росте экономики различных стран.

Я невольно хмыкнул, поймав взгляд Федора «Фулхауса». Как говорят, когда-то этот парень показывал неплохие результаты в политехническом вузе, он был самым молодым профессором, но, увы, вышел из среднего класса. Его, такого амбициозного и прогрессивного, беспринципного и умного, но не мудрого, а поверхностного, не могли не заметить и сразу же предложили сотрудничать. Деньги посыпались на него, как из рога изобилия! Голова Фулхауса чуть не взорвалась от счастья и открывающихся возможностей, вот только вскоре предстояло платить по счету. Федор был не из тех, кому позволяют подняться по ступеням выше и глотнуть не только эйфорию от вседозволенности, но и усталость от бесцельного богатства, отчего парня закрутило в водовороте на самом низком уровне. Фулхаус смекнул, что к чему, и решил подстраховаться: заключил брак по расчету с девушкой аристократичных кровей, но разорившейся фамилии. Мало того, фамилия девушки каждый раз напоминала всем о том, что Федор связался с «вонючими принципиальщиками», так еще и самого Федора заставили выполнять грязную работенку, постоянно тыкая носом в его низкое происхождение. О проектах и мечтах, об истинной творческой самореализации Федор забыл навсегда... Отрадой ему теперь служат наркотики, вероломные друзья и циничные любовницы, хитроумные схемы вывода средств и «перезаливки» капиталов, убийства и жестокость.

Помнится, был в моем глупом папирусном списке «идей» такой пункт: «жениться на той, что из другого социального класса». Я хохотал над этим пунктом, как сумасшедший! Так поступить — это обречь свой брак на неудачу. Только в сказках распрекрасная девица из бедных слоев населения полноценно вливается в другой класс. Обычно, это несколько иначе происходит, ибо любовь предпочитает равных. Во всех смыслах. Когда же не соблюдается данное условие, то получается следующее. Вначале невеста — или жених, как в случае с Фулхаусом — строит из себя интеллектуалку, как бы говоря, что и ей есть чем удивить, потому что красота нужна исключительно до момента замужества, а дальше внешние данные уже не интересуют элиту. Там иные оценки, поэтому вскоре новоиспеченная жена заявляет о своем шикарном вкусе или таланте — и начинается скупка безвкусных вещей, маниакальная благотворительность или коллекционирование, ажиотаж вокруг «талантов» и нравственных принципов новой игрушки высшего общества. Затем очень быстро наступает очередь горечи разочарования, так как неизбежно просачивается информация о том, кем была девушка до замужества и какая у нее родословная. И тогда начинается охота и полоскание грязного белья на глазах у жадной до скандалов публики... на всех приемах, на всех благотворительных мероприятиях, не говоря уже о бизнес-конкурентах, которые тут же вылезают из-под земли, точно черви после дождя. И даме ничего не остается, как, гордо вздернув подбородок, заняться домом и детьми, уйдя в тень своего знаменитого и богатого супруга. Впрочем, так оно изначально и предполагается. Как и неминуемые сеансы у психотерапевта, вкуче с лечением от наркотической и алкогольной зависимостей.

Пьют все. Безбожно пьют! В то время, как абсолютно всем, даже мелким школьникам известно, что алкоголь, наряду с курением — это смертельно опасный яд. Но люди продолжают рассуждать о какой-то там культуре питья, о разрешенных дозах... чего, спрашивается, яда? Кретинизм повальный. А параллельно с теми, кто заливает в себя «по

праздникам» бокал яда или присасывается к палочке с наркотой; параллельно с теми мелкосортными «умниками», которые по утрам важно выписывают в унитаз — в прямом смысле слова! — свои убитые после такой «разрешенной» дозы клетки мозга и не только мозга, но и мочеполовой системы, печени, селезенки, а вместе с ними в канализацию отправляется и весь неродившийся, прерванный род, живут и другие, которые не только распространяют всю эту заразу, фактически открыто занимаясь отупением населения и массовым убийством народа, но и наживаются на этом. И люди знают, что их сковала мировая сеть алко- и наркомафии, но всё равно, каждый год перед Новым Годом «мы с друзьями ходим в баню»... не чтобы очиститься и устроить праздник для души и тела, а чтобы отравиться, совершить необдуманные, глупые и часто аморальные поступки, кои никогда бы в трезвом виде никто не совершил.

Все слышали от шизотериков об энергетическом вампиризме, но мало кто знает, что каждый пьющий — особенно тот, который «просто по праздникам», на свадьбах, на поминках и на «культурных» мероприятиях, курящий, принимающий иные наркотики человек; сквернословящий, концентрирующий внимание на похотливых мыслях и ненависти, раздражающийся по пустякам и даже тот, кто подавляет в себе непристойное, не осознав причину отказа, неминуемо становится донором. Людей с детства пичкают разрушительными стереотипами, идет массовое социально-психологическое программирование на вредные, чуждые природе привычки и жестокость, но пелена на глазах и искаженное зрение не дают всё это увидеть ни вблизи, ни издалека; не дают возможность отойти на пару шагов назад, дабы разглядеть пугающую картину со стороны. Люди не рождаются моральными уродами и убийцами, не рождаются они и сквернословящими пьяницами с сигаретой во рту. Их такими делают, прописывая внутри них выгодные психологические программы и установки на пожизненное донорство.

Мало того, что донор убивает себя, так еще и качает энергию из своих близких и детей, ибо самому ему уже не хватает для жизни. А вот куда уходит его энергия — это самое интересное. Обычно это называют фантастикой, но людям всё, что они не видят, свойственно называть фантастикой и выдумкой. До тех пор пока не ткнешь их носом в электронный микроскоп. Вот тогда у них глаза на лоб вылезают, вот тогда они начинают понимать, что помимо пресловутых вирусов и бактерий, уже давно запущена армия нанороботов. В кого-то они спокойно внедряются, и синхронизация систем проходит безболезненно и в фоновом режиме для организма, а кого-то накрывает, ломает, жарит и лихорадит, на полную включается иммунная система, пытаясь избавиться от инородного тела... А дальше дело техники. В частности квантовой физики. Как говорится, ловкость рук и никакого мошенничества, никакой магии.

Самое интересное, что те, кто владеет подобными технологиями, они сами не употребляют спиртное. Они не курят, не пользуются наркотиками, лекарствами и не живут в состоянии стресса в душных городах свои жалкие и больные семьдесят лет. Они не едят отравленную пестицидами пластиковую продукцию, не пьют изуродованную, загаженную, мертвую воду и не бегают по врачам, которые не понятно чем занимались в медицинских институтах, если сами больны от пяток до волос. Нет-нет, это совсем иной круг лиц... И мне предстоял крайне неприятный разговор с некоторыми из них.

Пока Эрнесто бегал вместе со следователем куда-то навверх, я оставалась в холле под пристальным присмотром полицейских. Один из них передал мне анкету, чтобы я отметила в ней непонятные пункты. Изо всех сил отодвигая момент сдачи заполненной анкеты, я с тревогой посматривала на двери лифта и лестницу, стараясь не выпускать их из поля своего зрения. Как оказалось, и меня тоже кое-кто не выпускал из виду.

Тяжелый взгляд мужчины придавил меня к полу так, словно накрыл многотонным блоком. Мы встречались с ним ранее, за обеденным столом. Я никак не могла припомнить его имя, и единственное, что я помнила о нем: он тоже русский. Но данный факт почему-то не желал меня успокаивать. Напротив, заставлял нервничать и раздражаться.

Интересный факт, но в моих заграничных поездках я несколько раз сталкивалась с неординарными обстоятельствами, когда наши жизни пассажиров или путешественников висели на волоске. И всегда возникало чувство общности с теми, кто с тобой «одной крови». В случае опасности все русские тут же забывали о своих различных социальных статусах, и люди самоотверженно и героически бросались помогать даже тем, кому они вряд ли бы стали помогать в иной, какой-нибудь тривиальной ситуации. В такие моменты все надоевшие до зубового скрежета напевы про «русских алкашей», «ленивых медведей», «падших духом тупиц» и «проституток Наташ» — всё это переворачивалось с ног на голову и становилось кристально ясно: это отвратительная клевета, в которую всех заставили поверить. Весь мир заражен русофобией. А в это время русским залепляют рты, не позволяя даже вякнуть о достоинствах своей нации — это тут же рассматривается, как пропаганда запрещенных законом лже-ценностей, раздора или как «недоказанные исторические факты». Мы все обязаны восхищаться чужими культурами, религиями, языками, но только не богатством своего собственного духа и землей предков. Если человеку сто раз повторить, что он дурак, то на сто первый раз он им станет и начнет вести себя соответственно. Он сам о себе так будет говорить и даже думать, ибо жить, согнувшись в три погибели, когда на спину поставили ноги в кирзовых сапогах — это еще нужно умудриться выжить, а не сгинуть вместе с теми, кто когда-то первыми бросались грудью на амбразуру, не желая предавать правду в своих сердцах. Первыми всегда уходят лучшие.

В ситуации, опасной для жизни, почему-то всегда открывалась некая потайная дверь, и всё становилось четко видно: где тут русский, в ком всё еще горит яркий огонь Рода, а где — нет. Именно в такие моменты мне в полной мере становились понятны слова зарубежных политиков о том, что русские — это самый стойкий, вольнолюбивый и сильный духом народ, поэтому о господстве на политической арене не стоит и мечтать, пока русские не будут лежать на поле с разрезанной грудью, пока их последний ребенок не позабудет свой родной язык и не начнет предпочитать ему иностранный; пока не угаснет пламя, питающее Русский Дух и силу воли...

Вот и этот мужчина, сидевший напротив, не распространял в мою сторону флюиды «родства крови», а даже наоборот — показывал пропасть настолько устрашающую, что казалось, еще немного и я провалюсь в нее, как в огненное чрево мерзкого демонического отродья.

Мужчина, нервно усмехнулся и, поднявшись, неспешно направился в мою сторону.

— Привет, — поздоровался он со мной, теребя свою золотую запонку.

— Привет, — выдавила я в ответ.

— Ты, кажется, Полина?

— Мы разве переходили с вами на «ты»?

Он хмыкнул и, не растерявшись, пояснил:

— В иностранном языке нет деления на «вы» и «ты». Особенно в английском. Я вырос в Америке, мне привычно так обращаться.

— Вы ошибаетесь. Насколько мне известно, даже в английском имеется «вы» и «ты». Просто это считается устаревшим обращением. К тому же, вы обратились ко мне не на иностранном языке, а на русском.

— Знаешь, как говорят: «С врагами на «вы»».

— Кто так говорит? — вскинулась я, чувствуя, как нечто яростное разгорается внутри. Меня всегда бесили все эти псевдо-православные и псевдо-славинисты, прикрывающие своё невежество культом предков.

— На Руси так говорили, не знаешь? «Иду на «вы» — это знаменитое выражение одного чувака, — важно поучал меня незнакомец. — У меня профессорское звание, между прочим. Я преподавал в университете, а тут ты собралась со мной спорить. Даже забавно.

— Возможно, это выглядит забавным, но мне тоже известно, что прежде, чем назвать человека на «ты», к нему присматривались, касались его биополя...

— Можешь коснуться моего, если хочешь, — с намеком мотнул он головой в сторону лифта. — Зачем тебе этот креол? Ты же русская баба.

— Эрнесто на половину русский, — процедила я, но, в то же время, меня взбудоражил его вопрос: значит, нас с Эрнесто уже считают парой? Боже, но ведь никто не знает, что он холост, теперь все думают, будто я на правах любовницы... Какой жгучий стыд! И одновременно трепещущая в сердце радость нашей тайны.

— А! — отмахнулся собеседник. — На половину — это уже седьмая вода на киселе!

— А вы знаете, что это значит?

— Далекий и никчемный — вот что это значит, детка, — осклабился мужчина, демонстрируя свой идеальный набор вставных зубов.

— Нет, это всего лишь потомок, седьмое колено. Это вовсе не так далеко. Это, как раз ровно столько, сколько обязан каждый человек помнить и знать о своем роде. Дальше уже для избранных.

- А ты, можно подумать, знаешь свой род до седьмого колена? — усмехнулся зубастый.

— Знаю и больше. Моей семье повезло: бабушка по отцу сохранила родовую книгу, в то время как всех остальных знакомых эти книги заставили в свое время привезти в столицу под предлогом переписи населения, где их и сожгли.

— И как, помогает это знание? Судя по тому, что мы о тебе знаем — не очень...

Меня обдало ледяной водой. Захотелось броситься к себе в комнаты, но я преодолела страх и смело уточнила:

— «Вам» известно?

— А ты думала!

— Мне противно с вами разговаривать. Прошу вас отойти.

— Цыпочка, не слишком ли много на себя берешь? — и его влажные глаза заблестели каким-то демоническим светом, а чересчур суженные зрачки мужчины сделали его похожим на инопланетное существо. — Память, я смотрю, у тебя короткая, как у курицы.

— Еще одно слово, и я всё расскажу Эрнесто!

— Ха! — нагло рассмеялся мужчина, и тут мне впервые пришло в голову, что он, возможно, находится под наркотическим опьянением — вот откуда это отвращение к нему, словно он болен, заражен психическими паразитами! — В таком случае я откланиваюсь, а то мне скоро давать свидетельские показания. Надо хорошенько припомнить, в каком состоянии от тебя вышла Инга... — и он задумчиво постучал холеным пальцем по своим губам. — Говорят, ты ее чем-то ударила по голове. Сколько дают в этой стране за убийство, не знаешь?

— Что? — тихо переспросила я, чувствуя, как пол уходит у меня из-под ног, а холл плывет перед глазами.

— Ты же, надеюсь, не питаешь надежд, будто в комнатах такого шикарного отеля не установлены скрытые камеры видеонаблюдения? Если они имеются в любом вонючем придорожном мотеле, то тут и подавно на каждом углу. Не переживай, твою аппетитную круглую попку уже сняли во всех ракурсах, — ядовито улыбнувшись, промурлыкал собеседник, после чего поспешил удалиться вместе с полицейским.

А в моем мозгу лихорадочно проигрывались события, предшествующие незабываемому путешествию вместе с Эрнесто в снежную долину и загадочную пещеру. Вот Инга перед моим внутренним взором, вся она такая живая и надменная... вот ее обвинения, нападки, царапины на моей коже... наша недолгая схватка... приземление Инги на ковер и удар головой о ножку стола...

Господи... Отсроченная смерть! Это я оттолкнула Ингу, она из-за меня упала!.. Непреднамеренное убийство, совершенное по неосторожности. А в случае, если в морге обнаружат клетки моей кожи под ее ногтями — то злонамеренное. И доказать, что это была самозащита — невозможно. Хотя, если действительно в моих апартаментах установлены скрытые камеры, то Эрнесто сможет мне помочь... Но откуда этот русский знает? Он уже видел запись? А если он забрал запись, заплатил кому-то за сокрытие информации? Тогда... тогда я в безвыходной ситуации!

Мне сделалось дурно, закружилась голова, загудело в ушах, мгновенно пересохло во рту, а удары сердца грозились перейти на сверхзвуковую скорость... Извинившись перед полицейским, я попросилась в туалетную комнату, и он, странное дело, даже не воспротивился. Видимо, мой внешний вид говорил сам за себя.

Ворвавшись в туалетную комнату, я заперла за собой дверь и, подлетев к зеркалу, увидела свои полоумные глаза. Никогда в жизни я не была так напугана! Зеркало отдалялось от меня, затем снова приближалось, искажая изображение. Где-то на задворках сознания, я отметила, что так может происходить лишь в случае резких скачков давления, в том числе на глазном дне, но то, что произошло дальше не нашло в моем логическом аппарате никакого вразумительного объяснения.

Кто-то открыл запертую изнутри дверь, в то время как я неотрывно смотрела на свое расплывающееся зеркальное отражение, не в силах заставить себя повернуть голову в сторону входной двери. Время, словно став жидким, киселеобразным, потекло по направлению к вошедшему, и вместе с моей волей оказалось в полном распоряжении незваного гостя. Не успела я удивиться, как что-то мягко, я бы даже сказала, что деликатно, проникло под мою кожу, будто в теплый торт вогнали праздничную свечу, которая вот-вот расплавится, а потом еще и еще... И почти сразу же фонтан крови брызнул из пулевого отверстия прямо на зеркало, запачкав белоснежную раковину и золотистое убранство

туалетной комнаты.

Ужаса не было, лишь недоумение, с коим я отшатнулась от раковины и зачарованно посмотрела на пол, куда хлестала кровь из расстрелянного тела — словно чужого, холодеющего, бьющего тревогу... Впервые мне пришла в голову мысль, что я не жила, а просто существовала, пребывала в теле, как во временном прибежище, футляре. Всю мою жизнь мне казалось — только казалось! — что я реальна, что я чувствую боль телом и душой, разрывая себе сердце от резких слов и гадких поступков окружающих меня людей, а на самом деле Я, настоящая Я, ничего такого не чувствует. Она всего лишь наблюдает со стороны, собирая информацию о пройденном этапе и делая некие пометки где-то там... наверху... куда меня уже неумолимо затягивало...

Еще пару минут назад я с осуждением смотрела на отвратительного наркомана, теперь же, поражаясь чистоте ощущений, я четко осознала, что сама являлась наркоманкой и даже не задумывалась об этом. И я ходила такой наркоманкой не год и не пять, а все свои двадцать девять... Если они мои, конечно, в чем я была уже не уверена.

А потом пришла невыносимая боль, и мозг смиловался надо мной, отключив от этой странной реальности, полной больных и аморальных людей.

Позвонить... ну, в какой-то степени это можно и так назвать. В конечном счете, это же тоже связь, открытие линии, а уж как она открывается — дело десятое. Для консультантов моего уровня существовал лишь один способ связи с Высоким руководством и исключительно в случае аховой ситуации, когда речь шла об угрозе жизни, и я жуть как ненавидел эти моменты. И дело было даже не в неприятном разговоре, который меня ожидал, не в том, что придется расписаться в собственном бессилии, а именно в том, каким способом открывался портал. Приносить жертвы и проецировать сознание в любую точку мира меня научили довольно рано, еще в юности, а вот воспринимать это спокойно я научился не так давно. Благо, в этот раз жертва не требовалась, так как разговор предстоял с противоборствующей организацией.

В моем кабинете было достаточно темно. Сквозь плотные шторы не проникал ни желтый свет фонарей, ни праздничных гирлянд, рассыпанных разноцветным кружевом по парку, и мне пришлось подсветить фонариком телефона, чтобы добраться до огромного зеркала, прислоненного к стене в укромной нише. Нащупав знакомые кнопки на задней панели, я устроился на полу перед зеркалом, дав себя просканировать, и приступил к разделению, как только в левом углу зеркала сверкнул зеленый глаз.

«Отлично, — отметил я, — убедились, что я — это я, а не кто-то другой с моей рожей».

Прятать зеркало не имело смысла. Даже если бы на кнопки наткнулась уборщица, дальнейшие действия она была не в состоянии воспроизвести, будь у нее трижды диплом физмата. Некоторым консультантам приходилось прибегать к химическим препаратам, но люди очень скоро становились неотличимы от Федора Фулхауса, а работать с наркоманами никому не нравилось. Мне же несказанно повезло: я один из немногих, кто был способен обходиться без инъекций «переходки», как ее еще называют.

Обыватели полагают, что круче лазерных технологий, Wi-Fi и мобильного с модулем для оплаты покупок ничего не существует. Если сказать им о межпространственных вратах — засмеют и посоветуют обратиться к врачу-психиатру. Забавные такие, эти обыватели. Особенно те, что с красными дипломами и докторскими степенями или те, которые с умным видом вечно посылают собеседника что-то «погуглить», о чем сами ни черта не знают. А ведь проецировать свое световое тело не так уж и сложно.

— Эх, — вздохнул я, прежде чем оказаться по ту сторону материка, в другом времени и пространстве.

Этот красивый кабинет, украшенный резными панелями из красного дерева и гобеленовыми панно с лесными пейзажами, уже окутали сумерки. Уютно потрескивал камин с догорающими углями; на журнальном столике, что примостился меж пальм, фырчал кофейник, и пар тонкой струйкой поднимался на фоне бордовых портьер, вырисовывая замысловатые узоры. Мужчина, что сидел в кресле, опустил газету и посмотрел на меня поверх очков, чуть спущенных на кончик носа, таким... пронизывающим до костей взглядом, что по телу невольно пробежала дрожь. Он не нуждался в очках, ибо способность его глаз мало чем отличалась от рентгеновской установки, но почему-то всегда носил их.

— Добрый вечер, — поздоровался я. — Мне бы переговорить по одному очень важному вопросу с...

— Я доложу о вашем прибытии, — поднялся высокий господин. Поправив свой

безукоризненный удлиненный сюртук, он широким жестом указал мне на кресла. — Мог бы предложил вам присесть, но, как я вижу, вы всё еще не научились полностью материализовывать своё тело.

— Увы, — процедил я, поджав губы. Действительно, укор был заслуженным — я слишком много времени тратил на всякую бытовую ерунду и бизнес интриги, вместо того, чтобы совершенствовать свои навыки. — Ничего страшного, я подожду стоя.

— Как вам будет угодно, — и он чинно удалился.

Спустя пять минут двери кабинета вновь отворились, и мне пришлось поспешить пояснить причину своего неожиданного появления:

— Возникли обстоятельства, которые портят все планы. Мне нужна поддержка и информация. По всей вероятности, те, другие, в моих услугах консультанта больше не нуждаются, обращаться к ним за разъяснениями — только время терять.

— Мы знаем. Но тебе следует вернуться, как можно скорее. Той, чье световое поле активировано, грозит смерть.

Эти слова вонзились в меня ядовитыми стрелами, рассыпались по венам тонкими ледяными иглами, сковали раскаленным обручем страха...

— Я чувствую, как страх блокирует тебя... Не допускай этого, — пожурили меня, как плохо выучившего урок двоечника. — Позаботься о том, чтобы надежно спрятать девушку. Но тебе придется отказаться от связи с ней. Как минимум на один солнечный цикл.

— Почему так долго?

И тут я увидел огромный глобус, стоявший возле кресла. Подобный декор достаточно распространен, внутри еще мини-бар часто размещают. Вот только здесь баром и не пахло. Макет земного шара был усыпан редкими искорками. То тут, то там загорались огоньки. Какие-то из них едва тлели, какие-то вспыхивали заново, разгорались ярче, разрастаясь с пугающей скоростью. Все светящиеся точки имели разный цвет и форму: какие-то напоминали звезды, и количество их лучей заметно разнилось, а какие-то являлись шариками или молниями, ромбами или настоящими мини-созвездиями.

— Точки военных конфликтов, планируемых и приводимых в действие, согласно планам? — предположил я, так как уже видел подобный глобус там, где чаще всего и давал консультации. Но ответ меня удивил:

— Это «там» конфликтами увлекаются, а «тут» ищут тех, из-за которых все конфликты и раздуваются. Действуем на опережение.

Я вновь перевел недоуменный взгляд на глобус.

— Не думал, что их так много.

— Сейчас будет еще больше. Соответственно, и меры будут предприняты беспрецедентные. Клеймить своё стадо — это не такая уж простая задача. Видишь эти голубые овалы?

Я кивнул в знак согласия, уже собравшись возвращаться назад.

— Это активированные шишковидные железы. Вот, например, твоя, — и мне указали на точку, светящуюся на территории Чехии. — Представь себе, если они все соберутся и восстановят мост перехода между мирами, уберут временные барьеры...

— Квантовый скачок? — прошептал я, впервые понимая, какой опасности подверг жизнь Полины.

— Из тысяч одинаковых по характеристикам, потенциалам и открытым способностям,

лишь единицы несут в себе подлинный уникальный код. Их будут искать, собирать и использовать. По принципу их работы продолжают строить храмы, повторяя форму шишковидной железы, строго соблюдая вибрационный диапазон, чтобы открыть порталы туда, куда их открывать нельзя... Ты должен уберечь девушку от посмертного вскрытия. Иди, всё остальное не столь важно. Иногда весь грандиозный план, все расчеты, надежды и вложения стоят того, чтобы кануть в лету, исчезнуть, ради спасения одного единственного... шарика.

Наши взгляды встретились, отразив полное взаимопонимание по обсуждаемому вопросу, и в мое сознание вошла четкая картинка того, как мне следовало поступить по возвращении.

«Посмертное вскрытие...» — звенело в моей голове так, словно кто-то ударил в церковные колокола.

Я не мог этого допустить, никак не мог!

Воссоединившись с телом, я вскочил на ноги и уже спустя секунду вылетел из своего кабинета в замке. Дождаться лифта — это было выше моих сил, отчего я, перепрыгивая пролеты лестницы, вскоре оказался посреди холла первого этажа и принялся лихорадочно разыскивать глазами Полину.

«Она должна быть здесь... Я же оставил ее тут! Может, ее увели на допрос или она отошла в туалетную комнату?...» — крутился я на месте, то и дело натываясь на недовольные лица постояльцев отеля.

Посмотрев в сторону коридора, ведущего к туалетным комнатам, я на мгновение застыл в оцепенении. В тот самый миг пришло осознание: «Я опоздал».

Путь до туалетной комнаты, увиденной мной внутренним взором, казался настолько трудным, будто я плыл в некоей вязкой жиже. Соппротивление оказывало всё, что меня окружало: люди, их взгляды, их липкая энергетика и даже тяжелый воздух. Добравшись до дверей туалетов, я замер у одной из них. Подергав ручку, понял, что она заперта...

Полицейский, стоявший неподалеку, бросил на меня косой взгляд, точно желая безмолвно урезонить, но когда я принялся ломиться в закрытую дверь, возмутился моей бесцеремонностью:

— Другие же открыты! Там девушка, я видел, как она туда вошла.

— Позовите кого-нибудь, — не своим голосом, воскликнул я, — позовите службу! Пусть принесут ключи от комнат! Срочно!!!

— Что с вами? — направился ко мне полицейский, настороженно кладя руку на оружие. — Вы не в себе...

Никто за дверью не отзывался, никто не издавал никаких звуков...

Отойдя на пару шагов, я с разбегу врезался в дубовую дверь плечом, понимая, что ее не так просто выбить. Но страх порой творит чудеса и наделяет невероятной физической силой.

Не обращая внимания на направленное на меня оружие, я продолжал выбивать дверь, пока не показался управляющий, привлеченный глухими ударами посреди мертвенной тишины холла.

— Эрнесто... — удивленно заморгал он.

— Ключи!!! — заорал я, пребывая уже на грани помешательства, но это не шло ни в какое сравнение с тем, что я ощутил, когда дверь всё-таки поддалась, слетев с петель, и

вместе с выломанной дверной коробкой ввалилась внутрь туалетной комнаты.

Подскочил полицейский, что-то дико вереща в рацию на чешском, но он быстро умолк, увидев то же, что и я: Полина лежала на полу в луже крови.

Подскочив к ней, я бросился переворачивать девушку, чтобы понять, откуда кровь. Полина уже не дышала, ее глаза закатились, а пульс слабыми ударами отсчитывал последние секунды жизни.

— Не умирай, не умирай! — словно заклятие повторял я, не желая сдаваться и принимать очевидное: девушка даже на вертолете не дотянет до больницы.

Прибежали полицейские, попытались оторвать меня от ее тела, но бесполезно. Потом всё было, как в тумане: я требовал медиков, а мне отвечали, что они уже улетели... я просил прислать новых, а мне что-то рассказывали о занятости транспорта, о позднем времени... И тогда мне ничего больше не оставалось, как во всё горло позвать единственного человека среди всей этой компании празднично-любопытных людей, способного хоть что-то сделать собственными руками:

— Синь Лянь, Синь Лянь!!! — орал я как полоумный до тех пор, пока не увидел обеспокоенное лицо старого приятеля. Мой умоляющий взгляд и окровавленное тело в руках сказали ему больше любых слов.

Сбросив с себя пиджак, старик подбежал ко мне, по пути всадив кулак в живот полицейскому, решившему преградить ему путь, после чего опустился рядом со мной на колени. Бережно взяв девушку из моих рук, он положил ее на спину и разорвал верх ее шерстяного платья.

Полицейские разъяренно рванули к китайцу, решив заковать того в наручники за нападение на их коллегу, но я выставил руки в успокаивающем жесте:

— Он врач!! Позвольте ему сделать свою работу!!! Я клянусь — он врач!!!

— Эрнесто... — потерянно поднял на меня глаза Синь Лянь, — огнестрельное, четкое попадание в артерии... боюсь, что тут я бессилён. Но попробую остановить кровопотерю.

Я лишь рьяно закивал в ответ, когда старик принялся давить на точки, пережимать и перетягивать бесчувственное тело, словно мягкую, тряпичную куклу, коченеющую с каждой минутой...

Чудо действительно произошло: кровь, до этого бившая фонтаном, остановилась, будто кто-то просто выключил краник внутри тела. Синь Лянь тыльной стороной испачканных в крови рук протер свой лоб и сочувственно посмотрел на меня, помотав головой.

— Сделай для меня еще одну вещь, — шепотом попросил я на китайском, заранее зная, что моя просьба — это конец для Синь Ляня.

— Говори, — одними губами ответил он.

— Отвлеки внимание. Мне нужно вынести ее из отеля.

Глаза старика заволокло дымкой, он на секунду отвел опустошенный взгляд в сторону окна, будто вся жизнь промелькнула в эти мгновения перед его внутренним взором. И сколько же было глубины и мудрости в его глазах в тот момент! Внешне пустое, внутри — полное и цельное — это как раз про него...

Синь Лянь коротко кивнул мне, с величайшим достоинством поднялся на ноги, закатал испачканные в крови рукава своей некогда белоснежной сорочки, и я лишь успел сказать: «спасибо, друг», как китаец бросился на полицейских, точно разъяренная кошка. За считанные секунды, он, уложив в рукопашную двоих, вырвал из кобуры табельное оружие и

направил пистолет на офицера, взяв в заложники еще одного.

— Все на выход! — закричал он. — Все вон!

Не прошло и минуты, как туалетная комната освободилась, а шум толпы, возбужденные переговоры по рациям, крики и приказы отодвинулись в сторону холла. В коридоре напротив выломанной мною двери никого не осталось, и тогда мне пришлось заставить себя сделать то, чего я еще ни разу не делал.

В фантастических фильмах это называют трансгрессией или телепортацией. Страшные и непонятные слова, когда на самом деле это просто продвинутая фаза того, что я проделывал еще десять минут назад, когда ходил на встречу. Скорее всего, такие мудреные названия пошли от соединения слов: «тело» и «порт», а «порт» это всегда была и есть анаграмма от слова «тропа», и не нужно никаких переводов с иностранщины, ведь когда-то люди это умели, о чем сохранились многочисленные свидетельства даже в рассекреченных архивах спецслужб, не говоря уже о засекреченных. Данная техника позволяла проецировать самого себя туда, куда требовалось перенестись, затем следовал перенос физического тела по уже установленному энергоинформационному коридору, тропе, синхронизация со световым телом и, как результат, исчезновение в одном месте и появление в другом. Проблема заключалась в том, что я и себя-то ни разу не переносил, не говоря уже о том, чтобы перенести кого-то вместе с собой. Память тут же услужливо подбросила случай, как во времена Второй мировой в одной камере ожидали расстрела десять человек. Фашисты на утро были крайне удивлены, когда вошли в камеру и обнаружили всего двоих, которые, как оказалось, отказались перемещаться, не поверив русскому старику с физиономией волхва, просившему встать сокамерников в круг и взяться за руки... А сколько таких случаев может рассказать фрау «Игла» — подобных инцидентов не счесть у нее в лабораториях. Ее эксперименты с сознанием людей давно могли бы перевернуть весь научный мир, если бы только вышли за стены закрытых полигонов и подземелий.

— Да, но все те люди были живыми и в сознании... — леденея от страха, подумал я о перспективе переносить бездыханное тело, и сразу одернул себя, вспомнив укор про страх, что блокирует энергетические потоки.

Прекрасно представляя, куда конкретно мне следовало перенести Полину, я проклял все те дни, потраченные впустую, и заставил себя отвлечься от суетного мира, от криков в холле и паники. Понадеявшись на помощь особых здешних волн, я быстро вошел в состояние транса...

Ликование от успешно совершенного перехода вновь сменилось ужасом и дикими воплями моего мозга: «Что, если уже слишком поздно?».

— Ничего не поздно! — упрямо потряс я головой и, подняв Полину на руки, побежал по нисходящему туннелю пещеры.

Вскоре, положив девушку перед ее же портретом, я разбил стекло витрины и вытащил картину, установив ее как можно ближе к Полине.

Я не имею ни малейшего представления, как Леонардо писал этот портрет и почему Наставник показал мне образ, говорящий о том, что кровь с картины должна помочь, но что-то изменилось, что-то неуловимое, и я почувствовал это всеми фибрами своей души. Одновременно пугающе грандиозное и чарующе-восторженное ощущение ворвалось в меня, и я, не веря собственным глазам, заметил едва различимое свечение вокруг головы Полины. Настоящий голубовато-серебристый нимб!

Красная краска портрета ожила, замироточила, обдав меня волнительным, чуть заметным сладковатым ароматом, и Полина задыхалась!.. Сначала медленно, почти незаметно, затем всё быстрее и быстрее... Не прошло и трех минут, как девушка открыла глаза и, повернув голову в мою сторону, произнесла, даже не открыв рта, но ее голос явственно прозвучал в моей голове:

— Больше всего на свете я боялась забыть тебя.

— Никогда! — выдохнул я в ее ладонь, опасаясь сжать в объятиях это хрупкое тело, едва успевшее вернуться к жизни. — Никогда этого не случится!

— Ты плачешь?

— Нет, — соврал я, с трудом произнеся одно-единственное слово.

Мы пробыли в таком положении: она — лежа, а я, сидя возле нее, припав к ее ладони своим лбом, минут пять, когда мне вспомнился наказ Наставника. Не зная, как объяснить Полине столь странный план дальнейших действий, и даже не представляя себе реакцию девушки, я замер в ожидании ее решения, после сумбурного изложения плана.

Она привстала, оперевшись локтями о пещерный пол.

— Если так надо, значит надо, — взвесив перспективы, заключила она. — Единственное, я умоляю тебя, Эрнесто, не горюй, если вдруг ничего не получится.

— Я устрою тебе пышные похороны и нажрусь на них, как последняя свинья, — сквозь слезы, выдавил я, скривив лицо в попытке улыбнуться.

— Только не бросай мне срезанные цветы, — погладив меня по лицу, прошептала она. — Я люблю живые...

— Всё уставилю горшками с живыми растениями! — пообещал я, борясь с искушением расцеловать ее.

Точно прочитав мои мысли, Полина остановила взгляд на моих губах и вопросительно подняла брови:

— Совсем нельзя касаться? Даже не одного поцелуя?

Я отрицательно мотнул головой.

— Солнечный цикл?

— Да.

— Тогда поспешим расстаться, чтобы побыстрее встретиться вновь, — улыбнулась она мне, когда из ее глаз покатались слёзы.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Больше книг на сайте - Knigoed.net